

Министерство культуры Кировской области
Кировское областное государственное бюджетное учреждение
«Центральный государственный архив Кировской области»

К 100-летию государственной архивной службы
Российской Федерации и Кировской области

**Роль архивов в популяризации
исторического наследия России и Вятского края,
формировании общенационального единства,
гражданственности и патриотизма**

Сборник докладов
Межрегиональной научно-практической конференции
(Киров, 12 декабря 2018 г.)

Киров 2018

УДК 930.25

ББК 79.3

Р 68

Редакционная коллегия:

Н. С. Дудина, В. А. Коршунков, И. Б. Лупанова, Е. И. Пакина,
М. С. Судовиков

Составитель

Е. И. Пакина

Научный консультант

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, профессор

Роль архивов в популяризации исторического наследия России и Вятского края, формировании общенационального единства, гражданственности и патриотизма: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Киров, 12 декабря 2018) / КОГБУ «ЦГАКО» – Киров : ООО «Веси». 2018. – 210 с.

В сборник включены доклады участников Межрегиональной научно-практической конференции, рассказывающие о событиях и процессах российской истории и культуры на основе документов региональных архивов. Также в докладах отражена роль архивов в сохранении и популяризации документально-исторического наследия России и Вятского края.

Издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, работникам архивов, музеев и библиотек, студентам, краеведам, журналистам, всем, кто интересуется историей и культурой России и Вятского края.

УДК 930.25

ББК 79.3

Р 68

© ООО «Веси», 2018

© Кировское областное государственное бюджетное учреждение «Центральный государственный архив Кировской области», 2018

**Тимуровское движение
в Чувашии по документам архивных фондов
Государственного архива современной истории
Чувашской Республики**

Л. И. Васильева

В конце 1930-х гг. детский писатель А. П. Гайдар обобщил деятельность пионеров и школьников по оказанию помощи взрослым и написал повесть «Тимур и его команда». Впоследствии тимуровское движение стало массовым патриотическим движением пионеров и школьников.

ГАСИ является единственным в Чувашии архивным учреждением, располагающим обширным комплексом документов по тимуровскому движению. Несмотря на то, что данный комплекс в настоящее время редко используется современными исследователями, имеющийся информационный ресурс раскрывает этапы развития тимуровского движения на региональном уровне.

Архивные документы по данной теме представлены в различных фондах ГАСИ, но для детального изучения нами рассмотрены следующие фонды: личный фонд Сергея Петровича Ухьянкина (1925–2003) – педагога, кандидата педагогических наук, члена Союза журналистов СССР (Ф. Р-2976) и «Чувашский республиканский комитет ЛКСМ РСФСР» (Ф. П-6). Сведения, полученные из каждого фонда, дополняют друг друга и дают ясное представление об истории развития и становления тимуровского движения в Чувашии.

Основную часть личного фонда Ухьянкина Сергея Петровича составляют документы его научно-исследовательской деятельности. Данный раздел большой и информационно значимый по содержанию.

В работе С. П. Ухьянкина «Роль и место тимуровской работы в общей системе воспитания пионеров» описываются опыт, формы и методы работы тимуровского движения в Чувашии. Данная работа интересна тем, что в ней имеются сведения о появлении первых тимуровских отрядов в Чувашии.

В начале Великой Отечественной войны, в 1941 г., в Шихазанской средней школе Канашского района начали образовываться первые тимуровские команды. Пионеры и школьники Шихазанской средней школы Чувашии обратились с таким письмом ко всем школьникам республики: «Собравшись 1-го сентября в школу, мы прочитали вместе письма наших героев фронта и обсудили, как в этом году нам учиться и работать, чтобы помочь фронту, чтобы быть достойной сменой старшим. Прежде всего, каждый из нас дал слово учиться только на отлично и хорошо. Время военное – учиться надо по-боевому. Глубокая и серьезная учеба не помешает нам продолжать работать на производстве. Каждый свободный час отдадим колхозу, Родине. Поможем семьям военнослужащих, будем ухаживать за маленькими детьми, убирать комнаты, приносить воду, читать газеты и писать письма».

Весьма интересны документы с методическими рекомендациями. В них имеются следующие сведения о тимуровской работе: «В каждой команде был оперативный орган – штаб, который направлял всю деятельность тимуровцев. Штаб вел дневник проделанной работе. Необходимость дневника была вызвана систематическим отчетом капитанов команд перед штабом пионерской дружины или комсомольскими организациями на собраниях или на линейках. Выпускалась стенгазета. Капитаны тимуровских команд

задания получали от старших пионервожатых и секретарей комитетов ВЛКСМ. Такая четкая организация тимуровской работы давала возможность поднять роль и авторитет тимуровцев и вместе с тем повышала их ответственность перед коллективом». Данный документ свидетельствует о четкой системе организации, сыгравшей значительную роль в активизации деятельности тимуровских коллективов.

В следующем разделе личного фонда представлены документы, собранные С. П. Ухьянкиным. Наиболее информативными в данном разделе являются статьи о советско-венгерской дружбе, рефераты и тексты выступлений старших пионервожатых о тимуровской работе.

В статьях о советско-венгерской дружбе, о роли пионерской организации имеется письмо-обращение к тимуровцам учителя Асламасской восьмилетней школы Ядринского района Л. Матвеева, направленное в газету «Знамя труда» за 1982 г.: «Тимуровцы школы заметили, как мне тяжело управляться со всеми заботами, и сразу же пришли на помощь. (...). Теперь я не считаю себя одиноким, не скучаю, только радуюсь, глядя на старания тимуровцев. В деревне немало одиноких престарелых людей и инвалидов. Отрадно, что и они постоянно ощущают помощь тимуровцев...». Документы, отражающие благодарность очень важны, с помощью них мы видим, какой отклик в сердцах оставляли добрые дела тимуровцев.

В рефератах, текстах выступлений старших пионервожатых о тимуровской работе раскрывается не только история возникновения тимуровского движения, но и содержание работы тимуровцев. Имеется текст выступления (автор текста не указан), в котором говорится, что значит быть тимуровцем: «Каждый пионер – ти-

муровец (...) Вести тимуровскую работу – значит помогать семьям инвалидов войны, ветеранам войны и труда, больным и престарелым – работать везде, где нужна помощь. При этом есть возможность проявлять фантазию, смекалку, самостоятельность».

Сведения о развитии тимуровского движения содержатся и в документах фонда Чувашского республиканского комитета ЛКСМ РСФСР. Данный архивный фонд представлен большим количеством разнообразных документов, в которых отражена работа республиканской комсомольской и пионерской организаций, в том числе в нем представлены сведения и по тимуровскому движению.

Весьма интересными и информационно полными являются рапорты пионерских дружин. Особенность этих документов заключается в том, что они составлены школьниками. Оформлены рапорты в свободной форме и сопровождаются различным иллюстративным материалом – фотоснимками пионеров-тимуровцев, их рисунками.

Проанализировав рапорты, можно сказать, что они, словно своеобразные детские отчеты о проделанной работе, как нельзя лучше передают дух пионерского времени, а, следовательно, являются очень информативными источниками.

Для изучения тимуровского движения в пределах республики можно использовать справки секретарей Чувашского обкома ВЛКСМ, горкомов и райкомов комсомола, Чувашского областного совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Так, в справке секретаря Чувашского обкома ВЛКСМ по школам за 1942 г. сказано, что школьники оказывали помощь раненым в эвакогоспиталях, проводили концерты

для поднятия боевого духа, собирали лекарственные растения, необходимые вещи, подарки для бойцов. Конечно, тимуровцы не ограничивались только помощью в эвакогоспиталях. За годы войны школьники республики собрали десятки тысяч тонн металлолома, лекарственных растений, шефствовали над семьями военнослужащих, их детьми, помогали снабжать фронт необходимыми продуктами, одеждой, собирали средства на строительство военной техники, работали на полях, фабриках и заводах. В более поздних справках содержатся сведения об участии пионеров в таких операциях, как «Миллион – Родине», «Зеленая аптека», «Пионерская ферма», «Зернышко», «Желудь», «Желтый лист» и т. д.

Среди массива документов фонда Чувашского республиканского комитета ЛКСМ РСФСР большое значение для изучения истории тимуровского движения имеют протоколы заседаний. Так, в протоколе заседания бюро Чувашского областного совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина за 1983 г. имеется справка председателя Чувашского областного совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина Г. Николаевой о трудовых делах пионеров Чувашии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в которой говорится следующее: «Школьники г. Чебоксары приняли активное участие в сборе средств на строительство бронепоезда имени Комсомола Чувашии. Учащиеся Шихазанской средней школы собрали и внесли в фонд обороны страны более 24 килограммов серебра. Ученица Ишлейской средней школы Волкова летом работала трактористкой. На строительство танковой колонны «Тракторист Чувашии» она внесла 5 тысяч рублей. А тринадцат-

цатилетний Стиода Ситников, ученик 5 класса Сундырской средней школы внес в фонд Красной Армии 1000 рублей деньгами и два пуда хлеба».

В протоколах можно найти сведения не только о работе тимуровцев, но и о развитии самого движения. Например, протокол заседания II очередного пленума Чувашского обкома ВЛКСМ от 13 апреля 1954 г. информирует нас об итогах XII съезда ВЛКСМ. В ходе пленума секретарь Чувашского обкома ВЛКСМ С. Н. Николаев отмечал: «Мне хотелось бы, чтобы товарищи правильно поняли постановление XII съезда ВЛКСМ о развитии тимуровского движения. Речь идет не о создании тимуровских команд, а о развертывании тимуровского движения внутри отряда, дружины, т. е. внутри пионерской организации». Опираясь на данные источники, можно выявить новую, не известную ранее информацию, которая позволяет дополнить общую картину развития тимуровского движения.

Тимуровское движение долгие годы жило в пионерской организации. Архивные документы, хранящиеся в ГАСИ, демонстрируют, как на пути своего развития оно претерпевало различные изменения, но смысл этого движения всегда заключался во фразе «Нести радость людям». К сожалению, с конца 1980-х гг. тимуровское движение в Чувашии пошло на спад, а с отменой пионерского движения в 1991 г. прекратило свое существование и тимуровское движение. С середины 1990-х гг. такая форма работы школьников, как оказание помощи взрослым и младшим детям, возобновилась в некоторых школах республики. Кроме этого активно стала развиваться и добровольческая (волонтерская) деятельность.

Информационный потенциал архивных источников в изучении этнической истории бесермян

Л. А. Волкова

Бесермяноведение на современном этапе пополнилось самыми серьезными исследованиями по многим направлениям гуманитарного знания – истории, этнографии, музыкальному фольклору, искусствоведению. И значительная часть трудов по-прежнему сводится к выяснению степени тюркского (булгарского) или финно-угорского компонентов в этногенезе, этнической истории, материальной и духовной культуре народа. Изучение указанных аспектов истории и традиционной культуры осложняется отсутствием или недостаточностью источниковедческой базы, а также наличием погрешностей в ее научной интерпретации и анализе.

В связи с этим злободневной остается правильная организация сбора материалов для пополнения исследовательской базы. Такая работа представляется особенно актуальной в силу нескольких обстоятельств.

Во-первых, по причине активно происходящих аккультурационно-ассимиляционных процессов и культурной интерференции, когда часть современных бесермян утрачивает связь с этносом и потому не может сохранить этническую память.

Во-вторых, проживая в многонациональных селениях (речь идет исключительно о сельской части этноса) и, подвергаясь влиянию урбанизированной стандартизированной культуры, этнофоры поддерживают язык и некоторые особенности культуры лишь в семье и семейной сфере, что также затрудняет сохранение и передачу исторической памяти целого народа.

В-третьих, использование узкоспециальных источников самими исследователями и ограничение, например, только респондентскими материалами, приводит к неполноте или даже искажению сохраняемой этноисторической информации. Следовательно, задача состоит в учете вышеназванных обстоятельств и использовании информационного потенциала возможно более широкого и разнообразного комплекса источников, относящихся к разным хронологическим и историческим рамкам.

Все вышесказанное в полной мере относится к изучению этнической культуры и истории жителей ныне не существующей бесермянско-татарской деревни Гурзи. Источники, которыми мы располагаем, это полевая этнографическая информация, разрозненные устные сведения, включенное наблюдение, статистические материалы и исторические документы середины XIX – конца XX в.

Однако есть настоятельная необходимость осветить ранние этапы формирования селения и, соответственно, его этнического состава. Охарактеризовать эти этапы позволяют архивные документы, отложившиеся в фондах Центрального государственного архива Удмуртской Республики. Речь идет о документах Глазовского духовного правления (а именно, ведомостях о церквях, причтах и прихожанах Сретенской церкви с. Карсовой за 1861–1910 гг.) [1] и материалах переписи населения 1897 г. из фонда Глазовской уездной земской управы [2]*. Деревня Гурзи (Гурзо) входила в состав разных административно-территориальных единиц в

* Благодарю доцента Глазовского педагогического института Д. Г. Касимову за предоставленные материалы переписи населения 1897 г. по Глазовскому уезду Вятской губернии.

разные исторические периоды. Последнее документальное упоминание в списке населенных пунктов относится к 1 июля 1971 г., по которому д. Гурзи числится в составе Куреговского сельсовета Балезинского района Удмуртской АССР. А с 30 ноября 1976 г. она исключена с учета согласно указу Президиума Верховного Совета УАССР [3. С. 212, 213]. Это, кстати, самая северо-восточная окраина компактного проживания бесермян. Большинство жителей носило фамилию Бияновы, одно семейство – Журавлевы. Из изустных сведений известно, что все они – потомки выходцев из д. Гордино (Гурьякар) современного Балезинского района. Вплоть до начала 1970-х гг. пожилые бесермянки сохраняли память об «исторической родине» и совершали своего рода паломничество в родовую деревню в праздник гэрбэр накануне Петрова дня (12 июля по новому стилю). Здесь происходили ритуалы поклонения предкам на семейно-родовом культовом месте вэйкиськан («место, где льют масло»). По обычаю, обрядовые действия состояли, главным образом, в «угощении» умерших предков принесенной стряпней, возлиянием растопленного сливочного масла и чтении «молитв» старшей женщиной рода. При этом культовый объект мог располагаться и на бесермянской, и на татарской усадьбе, что совсем не случайно. Как известно, д. Гордино – бесермянско-татарская.

Длительные процессы этнической истории и межэтнические контакты, конфессиональные переходы (из православия в ислам и обратно) и этнокультурное взаимодействие в селении настолько сложны и противоречивы, что сами респонденты затруднялись определить, кто из них родом «из бесермян», а кто – «из татар» [4. С. 79–90, 236–239]. При этом, говоря о гурзинцах-

бесермянах, нужно отметить, что умерших родственников они хоронили на кладбище прихода с. Карсовой, и считали себя православными.

Что касается татарской части гурзинцев Бияновых, из этнографической реалии 1960–1970-х гг. известно, что, идентифицируя себя как татары, они назывались татарскими именами и даже имели отдельное кладбище бигершай (татарское кладбище), располагавшееся к юго-западу от селения. Респонденты вспоминали, что пожилые мужчины до 1920-х гг. регулярно посещали мечеть в д. Гордино, откуда вели свое родословие.

Что касается топонима, его этимология прозрачна. Это производное слово от определителя гурезе (от: гористая, на горе, на угоре), что соответствует ландшафтному расположению селения. Второе название, встречающееся в документах XIX в. – Гурзешурская, является составным топонимом от: гурезе и шур 'река'. Действительно, селение выросло при речке-роднике, впадающем в речку Варыж, левом притоке реки Пызеп, правом притоке Чепцы.

Дату возникновения селения указать сложно, однако известно, что в 1848 г. оно указывалось как починок Гурзешурский в приходе Сретенской церкви с. Карсовой Глазовского уезда [5. С. 140].

Демографические сведения, почерпнутые из фонда Глазовского духовного правления, свидетельствуют о постоянном увеличении числа жителей в селении. Так, в 1856 г. в починке, входившем в Юлдырскую волость, числилось 9 дворов. В них проживали: 1 представитель «военных нижних чинов» и 76 человек – новокрещеных бесермян обоего пола.

Клировые ведомости за 1861 г. отметили изменение конфессионального состава жителей. К 84 креще-

ным добавилось указание о 38 некрещеных бесермянах, всего 122 человек, проживавших в 7 дворах. Трудно сказать, какие события могли повлиять на это конфессиональное изменение. Вероятнее всего, появились новоселы. А сокращение числа дворов можно объяснить несколькими обстоятельствами: 1) возможно, это результат объединения близкородственных семей; 2) возможно, наблюдалось переселение гурзинцев на новые места, например, в д. Бынинскую (Бигер Бёня), где до 1862 г. проживали лишь 65 удмуртов в 6 дворах, а с этого года добавились 3 двора 48 некрещеных бесермян. Все жители находились в «ведении» первого священника Сретенской церкви Н. Широкина. Попутно отметим, в этом году в село вторым священником поступил Н. Н. Блинов, известный просветитель, издатель учебника для удмуртских детей «Лыдзюн» (1878 г.). Однако Блинов был определен в старообрядческие селения, располагавшиеся к северу от церкви.

Совершенно уникальные сведения предоставляет нам Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. Переписные листы счетного участка № 10 формы А, заполнявшиеся счетчиком В. Русских, показывают, что бесермяне и татары в д. Гурзи жили вперемешку в 25 дворах. По указанным сведениям, жители 16-ти дворов объявили себя бесермянами, 9-ти дворов – татарами. В общей сложности здесь проживало 245 человек: 120 мужчин и 125 женщин. При этом большинство носило фамилию Бияновы. Лишь четыре представителя татар и бесермян записаны под фамилией Тютини, одна – Марьина, один – Есенева (приемная дочь, примак с матерью, внук-гость, сестра-приезжая, работник), а также временно прибывшие Палатов и Назмудинов. На земле жителей поч. Гурзинского были еще прописан-

ны по форме Б двое Маргиляевых. В 1898 г. починок изменил свой статус. Это теперь деревня Гурзинская Мундейского (вариант: Мундесского) сельского общества Люкской волости. Фактором, способствовавшим внесению в реестр палаты Государственных имуществ Вятской губернии, очевидно, послужила перепись, а причиной стал демографический рост и увеличение дворохозяйств (244 человек, 27 дворов).

Кстати, именно в этом году в деревне была открыта школа грамоты Вятского комитета Православного миссионерского общества. Заведовал школой священник Сретенской церкви Н. Д. Шкляев, а учителем работал крестьянин д. Ворцы Уканского прихода Ф. И. Вершинин, окончивший курс в Карлыганской крещено-татарской миссионерской школе. Изменился сословный и этнический состав жителей: в 1 дворе жила семья нижних военных чинов в количестве 14 душ. Вероятно, это семья бесермянина Т. П. Биянова, записанного в переписи на листе № 71. Его сын Егор значится как «нижний чин запаса». Священником в этот период у бесермян являлся о. Н. Любимов, соответственно, он же вел учет этнического состава населения. Он отметил в 16-ти дворах 184 православных крестьянина, все они – бесермяне. В десяти дворах отмечены 46 некрещеных татар.

В 1910 г. количество дворов «иноверцев-магометан» сократилось до семи, в то время как бесермянских дворов увеличилось до 23. Пока нет ответа, куда делись татары. Однако зная, что клировые ведомости заполняли священники, можно предположить, что увеличение числа православных бесермян стало результатом их миссионерской деятельности и перехода татар в православие. И вполне возможно, что проведение православной миссии облегчалось фактом родственных отно-

шений бесермян и татар, а возможно и общим бесермянским происхождением.

Итак, документы свидетельствуют, что д. Гурзи формировалась как бесермянская православная. Появление некрещеных бесермян и татар мусульман – результат переселенческих процессов в условиях хозяйственного (земледельческого) освоения территории. Современные потомки бесермян и татар Бияновых, переселившихся в начале 1970-х гг. в г. Глазов, с. Карсовой и соседние деревни Коротай и Курегово в связи с ликвидацией неперспективной деревни, постепенно утратили этноидентичность вследствие аккультурационно-ассимиляционных процессов (смешанные браки, воздействие стандартизированной культуры, отсутствие национальной образовательной системы).

Источники

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 134. Оп. 1. Д. 777, 803, 830, 977, 995.
2. ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1934
3. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. – Ижевск, 1995. – 744 с.
4. См. подробнее: Попова, Е. В. Культовые памятники и сакральные объекты бесермян. – Ижевск, 2011. – 320 с.
5. Православные храмы Удмуртии: Справочник-указатель. – Ижевск, 2000. – 480 с.

Театральная жизнь дореволюционной Чувашии: гастролирующие труппы

А. Ю. Гусарова

История любительского театра в Чувашском крае ведется с 1840-х гг. Определенный вклад в популяриза-

цию театрального искусства внесли гастролирующие труппы.

Первые гастролирующие труппы посетили Чувашский край, скорее всего, во второй половине XIX в. В 1872 г. Д. А. Агрнев-Славянский вместе со своей «Славянской капеллой» на пароходе «Певец Славянский» совершил гастрольную поездку по городам Волги. В ходе гастролей капелла выступала в заводских и фабричных клубах, больницах и тюрьмах [17. С. 14].

Странствующих артистов можно было встретить на сельских и городских ярмарках Чувашского края. Из них наиболее известны Тихвинская и Ильинская в г. Цивильске, Воздвиженская в г. Ядрине, Знаменская в Чебоксарах, Казанская в с. Беловежское Чебоксарского уезда Казанской губернии [18. С. 747].

Частыми участниками ярмарок были балаганы, представлявшие представления шуточного характера. Такое балаганное представление описал один из очевидцев на Цивильской ярмарке: «Кругом слышались гудки, свистульки, радостные ребячьи голоса. У балагана... плясал небольшой медведь. Вожак, невысокого роста широкоплечий [мужик] в чистом картузе, выбивал бойкую дробь на самодельном барабане. Товарищ его, с таким же увлечением пиликал на самодельной скрипке. Пляс медведя «Мишки» вызвал дружный смех зрителей. Когда останавливалась играть музыка – в шапку, которую поднес в лапах по кругу уставший медведь, посыпались медяки» [16].

В 1900 г. на Цивильской Тихвинской ярмарке популярностью пользовался «Театр-фантазия» В. А. Зюзина, представление которого включало три отделения, с номерами артистов, акробатов, эквилибристов, танцоров, певиц, prestидижаторов и др. [3. Л. 307 об.]. Бро-

дядие труппы появлялись и в окрестных к Цивильску селах Шихазаны, Кошелеи, Ковали [4. Л. 8]. Немало гастролеров приезжало из Казани и Симбирской губернии [4. Л. 55, 56].

Цивильск привлекал также музыкантов и певцов. В городе сформировался кружок любителей оркестровой музыки, который в антрактах спектаклей местного кружка любителей драматического искусства исполнял увертюры. Местные меломаны поддерживали связи с музыкантами из других городов. В октябре 1911 г., например, в здании уездного съезда состоялся сольный концерт гастролировавшего казанского баритона Д. Г. Макарова с участием местных любителей музыки. Были исполнены песни, серенады и арии из опер русских и зарубежных композиторов: Чайковского, Направника, Рубинштейна, Варламова и др. Вместе с гастролером выступили А. А. Степанова, Е. Е. Стояновский, В. В. Сергеев, Н. П. Чернов [9. С. 282].

Географически удобное расположение Чебоксар, благодаря р. Волге, притягивало большое количество гастролирующих артистов и трупп. В 1860 г. в Чебоксарах побывал отставной солдат Михайлов, разбивший на городской площади палатку с кукольной комедией [10]. Посетителей чебоксарской ярмарки развлекали приезжие цирк, кинематограф и др. [1. Л. 6 об.; 2. Л. 4 об.].

Во второй половине XIX – начале XX века в городе выступали труппы драматических артистов. Труппа антрепренера Воцакина из с. Астродамовка Симбирской губернии имела в своем репертуаре пьесы А. Н. Островского («Пучина»), драмы («В новой семье», «Степной богатырь»), мелодрамы отечественных и зарубежных авторов, комедии, водевили [6. Л. 2]. В 1905 г. в Чебоксарах выступала труппа под управлением А. В. Николае-

вой. Были поставлены спектакли по произведениям Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего», Е. П. Карпова «Вольная пташка», В. А. Крылова «Мы поссорились», Б. И. Бентовича «Первое свидание» и В. А. Мазуревича «В тихом уголку» [11. Л. 79, 85]. На гастроли приезжали артист Зозуля и труппа под управлением Долотова [12. Л. 68, 74].

По воспоминаниям известно, что богатые чувашские купцы Ефремовы приглашали артистов из Казани, которые играли спектакли в их доме для узкого круга людей [15. Л. 6].

Нередко гастролеры выступали вместе с местными актерами-любителями. К примеру, в 1905 г. в Чебоксарах артистка А. В. Андреевская (Климова) поставила спектакль по пьесе А. Н. Островского «Свои люди-сочтемся» и «На маневрах». Вместе с ней в спектакле приняли участие учителя, чиновники, студенты: И. Д. Кузьмин, В. М. Иевлева, В. Ф. Дряблов, А. Н. Иевлев, М. П. Астрономова, К. А. Соколов, А. А. Икская, Н. Н. Касьяненко, Ф. В. Афанасьев, Н. И. Козлов, Е. В. Герасимов, Р. Е. Касьяненко, В. Н. Петров, К. А. Вишнеvский, А. Р. Заленский, А. П. Рубцов [11. Л. 16, 21].

В конце XIX – начале XX века в Алатыре сложились музыкально-театральные традиции. В начале XX в. в городе действовал театр богатого местного купца К. Н. Попова, размещавшийся в специально построенном здании.

После строительства Московско-Казанской железной дороги театральную жизнь города разнообразили гастроллирующие труппы и артисты. К примеру, в феврале 1906 г. местными любителями при участии артиста Неволина из труппы Соболевщикова-Самарина была постав-

лена пьеса «Весенний поток» [1. Л. 111]. В летний сезон 1914 г. на сцене выступал артист Н. А. Разумный, который сколотил труппу из актеров разных театров. В частности, в ее состав входили С. А. Павленков, премьер Харьковского городского и Киевского соловцовского театров, А. Н. Соколовский – артист Московского свободного театра, а также артисты Одесского, Иркутского, Курского театров [9. С. 285]. Летом 1912 г. в помещении театра Бугрова труппа оперных певцов из Казани поставила оперы «Евгений Онегин» Чайковского, «Демон» Рубенштейна [9. С. 286]. В 1895 г. в город приехал цирк. Большой успех у зрителей имела акробатка из Сенгилеевского уезда крестьянка М. О. Минеева [5. Л. 123 об. – 124].

Ядрин центром культуры сделали местные купцы, меценаты братья Таланцевы. С ними связано создание богатой домашней библиотеки, открытой для посторонних, клуба при винокуренном заводе. Жена младшего брата З. М. Таланцева А. А. Таланцева играла в кружке местных любителей сцены, который выезжал со спектаклями в окрестные села. К примеру, в 1904 г. в с. Норусово Ядринского уезда Казанской губернии поставили спектакль «Бедовая бабушка» (водевиль Баженова в одном действии) и «Теплые ребята» (комедия Разсохина в трех действиях) [8. Л. 77].

В 1906 г. в Ядрин приезжало товарищество драматических артистов под управлением Н. Ф. Томского-Николаева со спектаклем «Вольная пташка» (комедия Карпова), «Первое свидание» (шутка Бентовина), «Семейный рассказ» (драма С. Н. Милонова), «В тихом уголке» Мазуркевича [13. Л. 34, 36].

Подобно другим городам, Ядрин посещали музыканты. Так, в 1913 г. в актовом зале реального училища

был дан концерт совместно с Нижегородскими любителями музыки [7. Л. 19].

Итак, жители Чувашского края познакомились с театральными и музыкальными произведениями в исполнении гастролирующих актеров и музыкантов. Обычно они посещали Чувашию в дни ярмарок и летом, после закрытия театрального сезона, а зрителями были жители городов и крупных торговых селений. Гастролирующие артисты сотрудничали с местными любителями-театралами, что обогащало их творчество. Любительская сцена сыграла важную роль в развитии культуры Чувашии.

Источники

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 82. Оп. 1. Д. 1076.
2. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1148.
3. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 2. Д. 322.
4. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 43.
5. ГИА ЧР. Ф. 148. Оп. 3. Д. 29.
6. ГИА ЧР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 121.
7. ГИА ЧР. Ф. 220. Оп. 1. Д. 153.
8. ГИА ЧР. Ф. 302. Оп. 1. Д. 23.
9. Иванов-Ехвет, А. И. Музы ищут приют: К истории дореволюционных русско-чувашских культурных взаимосвязей. Музыка. Театр – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. – 351 с.
10. Кроковский, А. И. Кукольная комедия в Чебоксарах // Казанские губернские ведомости. Часть неоф. 1860. – № 24. – 13 июня.
11. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1706.
12. НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 314.
13. НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2092.
14. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 116.
15. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 209. Д. 2423.
16. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1742.

17. Пружанский, А. М. Отечественные певцы, 1750–1917: словарь Ч. 1: А – П. – М.: Сов. Композитор, 1991. Ч. 1: А – П. Ч. 1 – 423 с.

18. Чувашская энциклопедия – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. – Т. 4: Се – Я. – 798 с.

Из опыта подготовки к изданию сборника документов и материалов «1917 год в истории Удмуртии» (Ижевск, 2017)

А. Б. Дерюшев

Публикация сборников архивных документов имеет давние традиции в Удмуртии. Самостоятельно и в содружестве с научными учреждениями, высшими учебными заведениями, архивистами с 1950-х гг. было подготовлено более 20 сборников документов различной тематики, получивших широкий общественный резонанс и высокую оценку. Вышедшие из печати документальные сборники основаны на солидной источниковой базе, при их подготовке использовались материалы не только государственных, муниципальных, ведомственных архивов Удмуртии, но также крупных центральных и региональных архивохранилищ.

В 2017 г., в год 100-летия Российских революций, вышел из печати сборник архивных документов и материалов «1917 год в истории Удмуртии», подготовленный архивистами Удмуртии в содружестве с большим коллективом специалистов: ученых-историков, сотрудников архивов, музеев, библиотек, издательств.

Целью издания является отображение событий 1917 года на территории 4-х уездов Вятской губернии – Глазовского, Сарапульского, Елабужского, Малмыжского, частично вошедших в 1920 г. в состав формируе-

мой удмуртской автономии, выявление и введение в научный оборот новых документов по истории Февральской и Октябрьской революций 1917 г., расширение тематики сборника за счет более сбалансированного освещения общественно-политической, экономической, культурной жизни Удмуртского края в 1917 г.

В работе приняли участие специалисты государственных казенных учреждений «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики» и «Центральный государственный архив Удмуртской Республики». Научное редактирование рукописи, подготовка исторического предисловия выполнены доцентом Института истории и социологии Удмуртского государственного университета, кандидатом исторических наук П. Н. Дмитриевым.

Источниковой базой сборника стали документы из фондов государственных казенных учреждений «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» и «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики». Большую роль для подготовки издания сыграло межархивное сотрудничество. Составителями, при поддержке Комитета по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики, были предприняты усилия по введению в научный оборот новых документов, в том числе за счет региональных, муниципальных и ведомственных архивов, документальных фондов научных учреждений и музеев.

Сотрудниками Государственного архива Кировской области в рамках реализации Соглашения о сотрудничестве между Комитетом по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики и Управлением по делам архивов Кировской области от 30 сентября 2014 г. № 01-29/1 на высоком уровне и в короткие сроки

было проведено выявление документов по фондам архива, подготовлен Перечень документов «1917 год в истории Удмуртии / Сост. А. В. Бровцин, А. В. Колотов, Д. Р. Мухаметгалиева» (106 документов), предоставлены копии 100 документов о событиях 1917 г. в «удмуртских» уездах Вятской губернии, 59 из которых опубликованы в сборнике. Особую благодарность и искреннюю признательность хочется выразить нынешнему начальнику отдела использования документов государственных органов КОГБУ «ЦГАКО» Н. С. Дудиной за помощь в подготовке сборника.

Ряд документов в соответствии с Соглашением о сотрудничестве в области архивного дела между Главным управлением при Кабинете Министров Республики Татарстан и Комитетом по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики от 11 мая 2016 г. предоставлен Национальным архивом Республики Татарстан. В сборник также включены документы и фотографии из фондов Управления по делам архивов Администрации муниципального образования «Город Сарапул», научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, архива Управления Федеральной службы безопасности России по Удмуртской Республике, Национального музея им. Кузубая Герда, Музея истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул), Музея истории и культуры г. Воткинска и Музея г. Ижевска.

По своему виду сборник документов является научно-популярным, тематическим изданием, включающим разнообразные исторические источники по выбранной тематике. Тип издания продиктовал авторам-составителям соответствующие подходы и принципы в отборе и археографической обработке документов, в ра-

боте над научно-справочным аппаратом, которые отвечали бы возможностям и потребностям широкой читательской аудитории – от ученых-историков до учащихся общеобразовательных школ.

В основной корпус издания вошло 342 документа, 80 % которых опубликовано впервые. Круг представленных документов весьма многообразен. Это управленческая документация из фондов органов государственного управления и местного самоуправления губернского, уездного и волостного уровней, исполнительных комитетов Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, военных и правоохранительных органов, церковных, общественных органов и организаций, промышленных предприятий, учреждений образования и культуры; документы личного происхождения из личных и семейных фондов Деськовых, О. В. Севрюкова, А. И. Суханова, Н. П. Павлова, А. А. Александрова, Г. С. Анкудинова, из семейного архива Бойцовых; листовки, воспоминания современников, публикации в газетах «Кама», «Вятская речь», «Прикамская жизнь», «Ижевской рабочей газете», фотодокументы.

Документы структурированы по хронологическому принципу в трех главах: «Удмуртия накануне свержения самодержавия (январь – февраль 1917 г.)», «Под властью Временного правительства (март – 25 октября 1917 г.)», «Начальный этап установления Советской власти в Удмуртии (26 октября 1917 г. – январь 1918 г.)». Конечная дата сборника определена январем 1918 г. как временем установления Советской власти в наиболее значимых административных, политических и промышленных центрах Удмуртии, временем слома старого государственного аппарата.

Для удобства читателей сборник снабжен научно-справочным аппаратом, включающим историческое и археографическое предисловия, примечания, хронику событий, именной и географический указатели, терминологический словарь, список сокращений и др. Издание проиллюстрировано редкими архивными и музейными фотографиями.

5 сентября 2017 г. состоялась презентация сборника «1917 год в истории Удмуртии» в рамках Республиканского историко-архивного форума «Российские революции 1917 г. в зеркале архивных документов», на котором новое издание удмуртских архивистов получило высокую оценку научной общественности. Успешное завершение издательского проекта «1917 год в истории Удмуртии» послужит хорошим примером межархивного взаимодействия в сфере использования архивных документов.

**Павел Николаевич Луппов – первый руководитель
государственной архивной службы
Вятской губернии**

В. С. Жаравин

О Павле Николаевиче Луппове (1867–1949), выдающемся ученом-историке, исследователе Вятского края, уроженце с. Усть-Чепца Вятского уезда, написано уже много. Однако никто пока не проанализировал короткий, но важный период его биографии: руководство архивным делом губернии в 1919–1924 гг. Документы Центрального государственного архива Кировской области позволяют нам всесторонне показать этот отрезок его жизни.

Государственная архивная служба Вятской губернии возникла 20 декабря 1918 г. В тот день на собрании «лиц, заинтересованных архивным делом», было создано губернское архивное управление с историческим архивом при нем [1. Л. 6]. Собрание поручило избранному президиуму управления (А. С. Лебедеву, Н. А. Желвакову и И. М. Осокину) написать Положение о новой организации. Оно было разработано, 20 января 1919 г. обсуждено и направлено в г. Москву для окончательного утверждения [1. Л. 6 об.]. Однако ответа долго не было. В это время фронты гражданской войны приближались к Вятке. Весной 1919 г. Колчак занял г. Пермь и двинулся на Вятку.

Через город постоянно шли воинские соединения, которые размещались на временный постой в помещениях различных учреждений. При этом возникла угроза уничтожения многих архивных документов, которые выбрасывались на улицу. Надо было принимать срочные меры. Н. А. Желваков как уполномоченный по делам архивов Вятской губернии обратился в Вятский губернский отдел народного образования (ГубОНО) с предложением о создании губернского архивного комитета, который бы действовал до получения ответа из Москвы. В состав комитета было предложено включить Н. А. Желвакова, П. Н. Луппова и местных архивариусов.

Это предложение было не случайно. Павла Николаевича в Вятке знали, как известного историка. Кроме того, он уже имел опыт работы с архивами. Сам он писал: «По архивному делу начал служить с сентября 1918 года, когда был назначен на должность начальника

отделения в Московском областном управлении архивным делом» [2. Л. 16–16 об.].

ГубОНО не успел утвердить Положение и состав губернского архивного комитета. По приказу заведующего отделом Н. Я. Шубина началась эвакуация культурно-просветительных учреждений из Вятки. Уехал в Котельнич и сам ГубОНО, а вместе с педагогическим институтом уехал в Яранск инициатор создания архивного комитета Н. А. Желваков.

Тогда П. Н. Луппов обратился в Вятское городское бюро народного образования, оставшееся в городе, с просьбой об утверждении Положения и состава губернского архивного комитета. 16 апреля 1919 г. вопрос был решен. Председателем комитета был утвержден П. Н. Луппов, товарищем председателем (заместителем) – Н. А. Желваков, секретарем – И. М. Осокин, казначеем – А. А. Григорьев, инструктором по архивам – Д. В. Фаворский.

На следующий день, 17 апреля, состоялось первое заседание утвержденного комитета. На нем было решено осмотреть все 33 архива г. Вятки, для чего все члены комитета были распределены по организациям. Также было решено сообщить о создании Вятского губернского архивного комитета во все местные советские организации и периодическую печать [3. Л. 65].

После обследования архивов в конце апреля П. Н. Луппов официально обратился к начальнику гарнизона и обороны Вятско-Слободского района В. К. Блюхеру за помощью в охране архивов, который обещал свою помощь и поддержку.

Архивный комитет в связи с отсутствием помещения первое время проводил свои заседания на квартире П. Н. Луппова. 2 мая Павел Николаевич доложил

на заседании комитета, что квартирный отдел горисполкома дал согласие на размещение в одной из комнат в его квартире канцелярии с местом для заседания комитета. С этого времени во всех официальных документах комитета указывался его адрес: г. Вятка, ул. Всехсвятская, дом Луппова [З. Л. 80 об.]. Схему этой комнаты дома на углу современных улиц Дерендяева и Молодой Гвардии составил для Е. Д. Петряева сын П. Н. Луппова Сергей, и сегодня с ней можно ознакомиться в ЦГАКО.

Так началась деятельность П. Н. Луппова по руководству архивным делом в Вятской губернии. Одновременно он работал преподавателем истории в Вятском государственном педагогическом институте.

В 1918–1920-х гг. архивная служба Советской России только еще начала развиваться, поэтому ее структура и название руководящих органов как в Москве, так и на местах постоянно менялись. В связи с этим должность П. Н. Луппова, руководителя архивной службы Вятской губернии, в разные периоды называлась по-разному: с апреля по июнь 1919 г. – председатель архивного комитета, с июня 1919 по февраль 1922 г. – уполномоченный Главархива по Вятской губернии и заведующий Вятским губернским архивным фондом, с февраля по декабрь 1922 г. – заведующий Вятским губернским отделом Центрархива, с декабря 1922 г. по октябрь 1924 г. – заведующий Вятским губернским архивным бюро. Главная задача, стоявшая перед архивной службой в то время – сохранение документов дореволюционных организаций. Для этого П. Н. Луппов и его коллеги обследовали все ведомственные архивы г. Вятки. При архивном управлении была создана отборочная комиссия, которая

решала, какие документы представляют собой историческую и практическую ценность. Отобранные документы свозили в архивохранилище – бывший исторический архив библиотеки им. Герцена. Однако очень скоро места для документов стало не хватать. Уже 18 июля 1918 г. П. Н. Луппов от имени архивного комитета обратился в жилищный отдел горисполкома с просьбой о предоставлении под архивохранилище помещения Трифонова монастыря [7. Л. 200]. Просьбу удовлетворили, и для архива было выделено семь комнат в полуподвальных помещениях, которые надо было еще ремонтировать: заменить полы, восстановить печи. После необходимых работ в монастырские помещения стали свозить фонды воинских организаций, духовной семинарии, епархиального училища и другие.

Постепенно в ведение архивного управления перешли все архивы упраздненных учреждений и многие частные архивы, например, товарищество «Пароходство Булычева», кожевенная фабрика Вахрушевых, спичечная фабрика Бровцына и другие. Особенностью архивного управления 1920-х гг. было то, что рядовые сотрудники одновременно были и хранителями фондов, а начальник управления П. Н. Луппов одновременно был и заведующим архивохранилищами. Если провести параллель с сегодняшним днем, то он был директором архива г. Вятки, и ответственным за состояние архивного дела во всей Вятской губернии.

П. Н. Луппову пришлось много заниматься просветительской работой. В 1919 г. с публичными лекциями о значении архивов он выступил в г. Вятке, в городском театре, в г. Глазове на учительских курсах, в родном с. Усть-Чепце Вятского уезда в школе второй

ступени. 29 августа 1919 г. Губархив (так сокращенно называлось управление) сообщил в Москву, что собирается издавать сборник статей сотрудников, в который должны были войти статьи П. Н. Луппова «О значении архивного дела для разработки местной истории», «Об изучении грамотности населения Вятского края», «Пребывание Герцена в Вятке» [4. Л. 11–12]. Как видим, административная работа не мешала заниматься научной деятельностью.

Занялся Павел Николаевич и созданием библиотеки архивного управления. В этих целях он командировал архивариуса Ф. И. Виноградова в Москву и Петроград для закупки книг, особенно учебной литературы, необходимой в организации и проведении архивных курсов [3. Л. 310]. К 1923 г. библиотека Губархива насчитывала уже 614 томов.

С увеличением объема принимаемых документов постоянно требовались новые помещения для их хранения. П. Н. Луппов пишет ходатайство в Вятский городской исполнительный комитет и добивается выделения площадей под архивохранилища. В 1920 г. их стало четыре, в 1923 г. – уже 6. При этом штат управления все время был небольшой: в среднем он составлял всего пять человек. Кроме решения проблем с архивами в г. Вятке, приходилось заниматься и уездными архивами. Сотрудники управления выезжали в уезды обследовать архивы, оказывать помощь на местах. Были разработаны специальные инструкции для уездных отделов народного образования (в чьем ведении находились архивы) об охране архивов; для сотрудников губернского отдела народного образования, выезжающих в командировки, по проверке состояния дел архивов.

Уже в первые годы существования государственной архивной службы началось изучение и использование хранящихся в архивах документов. По указанию Центрархива П. Н. Луппов в 1919–1920 гг. проводил работу по выявлению архивных документов, связанных с пребыванием в Вятке А. И. Герцена и А. Л. Витберга. О результатах было сообщено в Москву, откуда пришло распоряжение: выявленные документы с оказией направить в Центрархив. Пришлось согласиться. Какие-то копии документов П. Н. Луппов отправил в Петроград. 20 февраля 1920 г. в Губархив пришло сообщение: «Пушкинский Дом приносит благодарность П. Н. Луппову за присланные копии дел о Герцене и Витберге» [5. Л. 8].

После ликвидации Вятской ученой архивной комиссии ученые-историки решили создать новую организацию – Историческое общество. П. Н. Луппов принял самое активное участие в его создании. Проект Устава общества рассматривался 15 августа 1920 г. на заседании архивного управления. Было принято решение: устав утвердить и Историческое общество зарегистрировать при Губархиве [6. Л. 13].

В сентябре 1921 г. проходила первая Всероссийская конференция архивных деятелей. Обсуждая приглашение для участия в ней, сотрудники Губархива приняли решение: просить П. Н. Луппова принять участие в ней, а после Москвы «проехать в Петроград, где переговорить с Пушкинским Домом об издании архивных документов вятских архивов, касающихся Герцена и Витберга» [7. Л. 36–37]. 21 октября Павел Николаевич отчитался о своей поездке.

На протяжении всей своей деятельности во главе архивного ведомства П. Н. Луппов поддерживал дру-

жеские отношения между архивом и губернской библиотекой им. Герцена. В апреле 1922 г. он писал в библиотеку: «Вятский губернский отдел Центрархива получил известие о скором оставлении библиотеки директором ее Еленой Владимировной Гогель и старшим библиотекарем Адельфиной Викторовной Паллизен, выражает искреннее сожаление об уходе из Вятки столь ценных работников просвещения. Вятскому архивному управлению было отрадно видеть, что Публичная библиотека им. Герцена, являющаяся единственным по количеству книг хранилищем книжного достояния в Вятском крае, находилась под толковым и надежным руководством и постоянно расширялась, пополнялась новыми книгами и благоустраивалась. Архивное управление с признательностью вспоминает, что в трудное для вятских архивов годы, в пережитом Вяткой острым квартирном кризисе, благодаря участливому отношению ее директора Елены Владимировны, она приютила в своих помещениях некоторые архивы г. Вятки, чем спасла их от разрушения» [8. Л. 9].

А в декабре того же 1922 г. Павел Николаевич выступил на праздновании юбилея библиотеки: «...Губернская библиотека является, так сказать, старшей сестрой Губархива, ибо существует уже 85 лет, а Губархив только что начинает свою деятельность. И вот сегодня, в 85-летнюю годовщину библиотеки, Губархив приносит своей старшей сестре свои приветствия и пожелания с тем, чтобы библиотека продолжала расширять отрадный сердцу каждого местного историка уголок – местный отдел, пополнять его теми изданиями, которые сюда еще не попали. Для сердца каждого историка будет отрадно, если библио-

тека соберет к себе все, что выходит в печати по местному краю где бы то ни было, и в этом виде явится единственным во всем мире собранием печатных изданий по Вятскому краю» [8. Л. 33–34].

В 1923 г. в архив стали поступать первые послереволюционные документы. Начали заниматься первые исследователи: два преподавателя пединститута и два сотрудника Истпарта (отдела губкома РКП(б) по истории партии и революционного движения). Совместно с Историческим обществом была организована первая архивная выставка «Документы о В. Г. Короленко» П. Н. Луппов провел первую экскурсию по архивам. В отчете об этом сказано, что была проведена экскурсия по г. Вятке с посещением архива, где были показаны документы о Герцене, Витберге, Короленко и «разъяснено значение архивов как источника сведений по местной истории и о необходимости тщательной их охраны» [9. Л. 9].

Продолжалась просветительская и научная деятельность П. Н. Луппова. На состоявшемся в Вятке Первом губернском краеведческом съезде он выступил с тремя докладами: «Об архивах города Вятки», «Об исследовании истории местного края» и «О преподавании истории местного края в школах». На заседании Исторического общества он прочитал доклад «Герцен в вятской ссылке». Были и научные публикации: в журнале «Вятская жизнь – «Вятский край 50 лет тому назад», «Пребывание А. И. Герцена в вятской ссылке» и в вологодском журнале «Север» – «Ссылка В. Г. Короленко в Вятский край».

Плодотворная творческая деятельность П. Н. Луппова продолжалась и в следующем, 1924 г. Он выступал на курсах секретарей волисполкомов с лекцией по

архивному делу, прочитал доклад в Историческом обществе «Политссыльный Н. А. Добротворский – автор статьи о пермяках», провел две беседы со школьниками Митинской и Вожгальской школ с показом архивных документов.

Главным мероприятием года была организация и проведение Первого губернского съезда – совещания архивных работников (9 сентября 1924 г.). На нем П. Н. Луппов выступил с докладом «О положении архивного дела в Вятской губернии в 1918–1924 годах». Фактически это было подведение итогов деятельности П. Н. Луппова во главе архивной службы Вятской губернии, потому что буквально через месяц он уволился. Начав почти с нуля, П. Н. Луппов со своими помощниками создал стройную систему государственной архивной службы. Дальнейшее развитие уже шло, как говорят, по накатанному пути. Уйдя из архивного бюро, П. Н. Луппов работал на преподавательской работе в Вятском пединституте, в НИИ краеведения, возглавлял Историческое общество.

Постоянно поддерживал связи с архивами. Он выступал на втором губернном архивном съезде в 1926 г., а в 1943 г. участвовал в праздничных мероприятиях, посвященных 25-летию государственной архивной службы. Архивисты Кировской области не забывают П. Н. Луппова, так много сделавшего для становления архивного дела в Вятском крае.

Источники

1. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 1.
2. ЦГАКО. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 2.
3. ЦГАКО. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 1а.
4. ЦГАКО. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 10.

5. ЦГАКО. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 27.
6. ЦГАКО. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 26.
7. ЦГАКО. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 43.
8. ЦГАКО. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 62.
9. ЦГАКО. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 70.

Волонтерские проекты Музейно-выставочного центра г. Кирово-Чепецка, связанные с изучением семейных архивов

Е. Н. Загайнова

В музеях России все больший размах получает волонтерское движение. Добровольцы зачастую становятся незаменимыми помощниками сотрудников музея. Музейно-выставочный центр г. Кирово-Чепецка также имеет опыт работы с волонтерами. Особого внимания заслуживают волонтерские проекты музея, связанные с выявлением, изучением и популяризацией документов, находящихся в семейных архивах жителей г. Кирово-Чепецка.

Первым стал волонтерский проект «Память войны. Фронтовые дневники рядового Горячевского» [1].

Осенью 2015 г. в музее состоялась выставка семейных реликвий «Огоньки нашей памяти», посвященная 60-летию г. Кирово-Чепецка. Семья Горячевских представила на выставку военные дневники Горячевского Алексея Афанасьевича (1909–1984), уроженца Лузского района Кировской области, вызвавшие большой интерес сотрудников и посетителей музея. Не вызвало сомнения, что выявлен важный исторический документ, который необходимо сохранить и сделать его доступным для широкой общественности. Знакомство с содержанием дневников показало, что они наполнены

описанием боев, воинских обязанностей, маршрутов передвижений, госпитального быта, характеристиками сослуживцев и многим другим. Это была та самая история повседневности, которую невозможно найти в официальных документах военного времени.

Состояние дневников вызывало тревогу. Страницы сильно пожелтели, карандаш начал стираться, из-за чего часть текста читалась с большим трудом. Имелась тенденция к повреждению бумаги и распространению фоксингов (пятен). С разрешения семьи Горячевских мы начали работать с дневниками. Было принято решение сделать постраничные цифровые копии дневников, чтобы впоследствии работать только с ними, не используя оригинал. Всего было сканировано 759 страниц. Дневники представляли собой девять записных книжек карманного формата. Только три из них были изготовлены типографским способом, остальные были самодельными. Орудием для письма автору служил, главным образом, карандаш с химическим стержнем. Чернила использовались совсем немного.

Первая запись была сделана Алексеем Афанасьевичем Горячевским 9 ноября 1941 г. В это время он находился в учебной части в г. Кирове. Последняя запись сделана 11 августа 1945 г. также в г. Кирове, на железнодорожном вокзале, когда он возвращался домой. По возвращении в родные места автор не стал продолжать ведение дневников.

Следующим шагом стал перевод цифровых копий в текстовый редактор. На этом этапе к работе были привлечены добровольные помощники – волонтеры. К проекту подключились жители города и области самого разного возраста. Одних привлекла важность предложенной работы, других заинтересовала уникальная воз-

можность первыми читать строки, написанные в годы войны.

Сотрудники музея и раньше привлекали к своей деятельности помощников, но не в таком формате и не в таком количестве (больше ста человек). К индивидуальным помощникам очень скоро присоединились три учебных коллектива: 4-А класс лицея города Кирово-Чепецка, 7-Б класс гимназии № 1 города Кирово-Чепецка и 1 курс направления «Юриспруденция» МГЭИ (филиал в городе Кирове). На классных часах, после занятий школьники и студенты выполняли задание музея – переводили полученные по электронной почте странички из разных дневников в текстовой редактор, набранный текст отправляли нам и, после проверки, получали следующее задание. Педагоги и классные наставники отмечали большую заинтересованность детей и молодежи в проводимой работе.

Для лучшего понимания текста волонтерам сообщалось, в каком году и при каких обстоятельствах велись данные записи (фронт или госпиталь). Очень скоро последовали первые отзывы волонтеров. Кто-то хотел знать, когда и почему А. А. Горячевский вел дневники, кем он был на фронте, сколько раз был ранен, какими наградами награжден, что означает то или иное слово и т. п. У каждого работавшего с текстом дневников складывалось свое впечатление об авторе. Но очень быстро все сошлись во мнении, что это был обычный человек, который мечтал выспаться и отдохнуть от воинских обязанностей, досадовал на строгих и не всегда справедливых, как ему казалось, командиров, радовался теплему блиндажу, вкусному супу, чистой одежде, горящим позициям фашистов, горевал по погибшим землякам и тосковал по родственникам, видел сны о доме,

гордился тем, что выжил, находясь на передовой, замечал первый весенний цветок, жалел истоптанное войсками поле. Обычный человек, вырванный из мирной жизни волею судьбы.

Подготовка текста дневников к публикации явилась самым важным и длительным этапом проекта. В рабочую группу проекта вошли Л. Е. Вахрушева – методист многофункционального ресурсного центра, Л. М. Горячевская – лаборант многофункционального ресурсного центра, хранительница уникального документа, М. В. Пересторонина – студентка Вятского государственного университета. Руководила проектом Е. Н. Загайнова – главный хранитель музея города Кирово-Чепецка. Проект консультировали В. К. Семибратов, кандидат культурологии, доцент Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института и В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Вятского государственного университета.

Было принято решение о полной публикации дневников. Публикации предшествовала кропотливая текстологическая работа, разработка научно-справочного аппарата. Научная обработка текста исходила из общих правил публикации мемуарных источников.

В структуре издания было выделено четыре части: расширенное предисловие с описанием дневников, биографический очерк, текст дневников и комментарии. Все части (за исключением собственно текста дневников) решали одну общую задачу – способствовать более правильному и глубокому пониманию содержания документа, личности автора и описываемых им событий.

Оригинальный дизайн издания был предложен специалистами Кировской областной типографии. Кни-

га по формату и оформлению напоминала дневник или старую тетрадь для записей [2].

5 мая 2016 г. в музейно-выставочном центре состоялась презентация волонтерского проекта «Память войны». Главным его итогом стало представление широкой общественности важного документального наследия – дневников А. А. Горячевского, которые позволяют увидеть войну глазами пережившего ее человека. Издание стало лауреатом конкурса «Вятская книга года» в номинации «Рукописи не горят» [3].

Положительные отзывы о проекте со стороны его участников заставили нас обратить внимание на данное направление во взаимодействии с нашими добровольными помощниками. Сотрудники музея сделали вывод, что такая практика непосредственной работы с документами необходима подрастающему поколению.

Выполняя учебно-исследовательские работы по проблематике отечественной истории, многие юные исследователи обращаются наряду с опубликованной литературой к архивным историческим источникам, которые хранятся как в семейных архивах, так и в государственных архивах.

Архивный документ может дать понимание природы первоисточника, ключ к осмыслению исторических событий и их интерпретации в исторической науке. «Иногда десять прочитанных учебников истории не могут дать возможности прочувствовать событие так, как это способен сделать всего лишь один документ», – свидетельствует Марина Сергеевна Салмина, известный педагог, руководитель многих исследовательских работ учащихся г. Челябинска [4].

В 2018 году в музее начал работу еще один волонтерский проект, связанный с изучением документов се-

мейных архивов. Он получил название «Жизнь после плена. Судьба советских военнопленных в воспоминаниях современников».

Цель проекта: сбор историй, документальных свидетельств о наших земляках, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в немецком плену, и их послевоенной жизни.

Начало проекту положил рассказ жительницы г. Кирово-Чепецка Ляпиной Любови Васильевны о своем отце Катаеве Василии Федотовиче, который в течение четырех лет переносил тяготы жизни военнопленного, работая в угольной промышленности земли Северный Рейн-Вестфалия (Германия).

В семье Катаевых сохранился уникальный документ – дневник Василия Федотовича, начатый им сразу после освобождения из лагеря. Сотрудникам музея разрешили познакомиться с дневником, создать его цифровую копию для дальнейшей работы над текстом.

Вместе с нами работать с дневником изъявили желание учащиеся 7-Б класса гимназии № 1 г. Кирово-Чепецка. Во время установочной встречи куратор проекта рассказал ребятам о правилах работы с личными источниками, подчеркнул их ценность, определил сроки и объем работы, наметил план предстоящих действий. Кроме того, были намечены возможные способы извещения общественности о сборе семейных историй по теме «Судьбы советских военнопленных».

Уже на первой встрече, не удержавшись, ребята попробовали прочитать некоторые страницы дневника. Оказалось, что половину рукописи составляют стихотворения. Вот отрывок одного из них:

«...С шахты ты выходишь как из ада,
Много петь про это нам не надо.

Еле-еле ты шагаешь,
Сам себя и всех ругаешь.
Завтра будет что с тобой – не знаешь.
Всего не описать даже поэту,
В лагере опять покоя нету.
Начинают тебя весить
Потерял за месяц – десять,
Сам уже походишь на скелет.
На душе всегда у нас тревога.
Три года как закрыта нам дорога,
Где жена и мать не знают,
Как в плену их сын страдает.
За упокой наверно молят Бога.
Прошу, друзья, вы мой совет примите,
Уж очень не печальтесь, не грустите.
Каждый, ведь, прекрасно знает,
Что конец всему бывает...».

Воспоминания советских военнослужащих, выживших в плену, уже давно интересуют как профессиональных историков, так и обычных людей. Они записываются, изучаются, публикуются. Такой общественный проект реализуется в Пензенской области [5]. Списки бывших военнопленных составляются там всем миром. Вскоре и другие горожане стали рассказывать о своих родственниках. Но далеко не все из них хотят и могут поделиться этой страницей своей семейной истории, поэтому так ценен для участников проекта любой рассказ, любое свидетельство.

К настоящему времени участники проекта выполнили расшифровку страниц дневника и набор текста в формате Word, ведется анализ текста и подготовка его к печати. Публикация запланирована на начало 2019 г. Она будет включать в себя не только текст дневников

Василия Федотовича Катаева, но и будет описан ход исследовательской работы, даны методические рекомендации по работе с документами из семейных архивов, чтобы приобретенный участниками проекта опыт послужил в дальнейшем тем, кто также выявит неопубликованные документы, имеющие историческую ценность.

В своих проектах мы считаем самым важным участие в них детей и молодежи. По мнению декана факультета архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета Елены Малышевой во время презентации Всероссийского волонтерского проекта «Моя история»: «То, что сегодня молодежь обратила внимание на самое важное в судьбе человека и страны – свое ощущение себя в истории – это очень важно с точки зрения преодоления разрывов в поколениях.

Ценность проекта с профессиональной точки зрения состоит в том, что он позволит включить в научный оборот документы личного происхождения и, тем самым, сделать историю достоверной» [6]. В этом же направлении движется и музейно-выставочный центр г. Кирово-Чепецка, считая каждую семейную историю уникальной и важной для истории страны.

Источники

1. Сайт МАУК «Музейно-выставочный центр» города Кирово-Чепецка Кировской области. [http:// www.gmvc.ru/frontovye-dnevniky-gyadovogo-goryachevskogo](http://www.gmvc.ru/frontovye-dnevniky-gyadovogo-goryachevskogo).

2. Горячевский, А. А. Военные дневники // Вступительная статья: Е. Н. Загайнова, биография: Л. Е. Вахрушева, подготовка текста и комментарии: Е. Н. Загайнова, Л. Е. Вахрушева, Л. М. Горячевская. Руководитель проекта и ответственный редактор: Е. Н. Загайнова. Научный рецензент: В. К. Семибратов, канд. куль-

турологии, доцент Кировского филиала МГЭИ. – Киров: ООО «Кировская областная типография», 2016.

3. Дворецкая, Т. А. Солдатские дневники// Памятная книжка Кировской области и календарь на 2017 год: информ.-стат. сб. / Террит. орган Федер. службы гос. статистики по Киров. обл.; [редкол.: Н. И. Зорин (предс.) и др.] – Киров, 2017. – с.490–494.

4. Демидова, Н. В. Рекомендации по выявлению и использованию архивных документов в учебно-исследовательских работах школьников. URL: <https://pandia.ru/text/77/436/1523.php>.

5. <http://dmitrovsk1943.mybb.ru/viewtopic.php?id=5680>.

6. <https://xn--90abhd2amfbbjcx2jf6f.xn--p1ai/news/8227>.

История повседневности по документам личного фонда мордовского поэта Дмитрия Ивановича Морского

А. В. Карташов

Документы личных фондов занимают особое место в составе документов государственных архивов России, поскольку в них откладывается разносторонний информационный материал, в котором отражается не только личная, профессиональная и общественная деятельность фондообразователя, но и содержатся разнообразные документы, которые раскрывают особенности исторической эпохи.

Исторические источники, сосредоточенные в личных фондах, обладают уникальной особенностью, заключающейся в том, что факты реальной жизни в них отражаются сквозь призму личностного восприятия людьми окружавшей их повседневности.

История повседневности позволяет объективно воссоздать многообразие личного опыта и моделей поведения обычных людей, максимально рельефно проявляя понимание исторического процесса с учетом жиз-

ненной практики его участников и их собственной оценки того образа жизни, который они вели.

Личные фонды являются связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим, позволяющим погружаться в живую ткань истории.

Центральный государственный архив Республики Мордовия с 1974 г. имеет на хранении личный фонд Д. И. Малышева-Морского.

Значительный информационный потенциал фонда представлен в виде:

– документов к биографии Д. И. Морского (удостоверения, членские билеты, документы образовательных учреждений, записные книжки, дневники);

– материалов творческой деятельности (публикации и рукописи литературных произведений, кино сценарии, тексты выступлений, статьи);

– переписки и фотографий Д. И. Морского.

По личным документам можно изучить не только жизненный и творческий путь писателя, но и атмосферу его культурного окружения тех лет. Всего фонд насчитывает 320 единиц хранения.

Через личный фонд Д. И. Морского перед нами раскрывается судьба человека в полной мере разделившего судьбу России первой половины XX в., человека-творца, который всю свою жизнь много писал и работал, внес немалый вклад в развитие мордовской литературы.

Д. И. Морской (настоящая фамилия Малышев) родился 7 октября 1897 г. в с. Сапожкино Бугурусланского района Оренбургской области в крестьянской семье. Родители его были неграмотными, но очень любили мордовские песни, шутки, пробудив тем самым любовь будущего поэта к устному народному творчеству.

Д. И. Морской – участник Первой мировой войны с 1916 года. В период гражданской войны с 1918 по 1922 г. находился в рядах Красной армии, в особом отряде бугурусланцев, прикомандированном к Чапаевской дивизии. На фронте начал сочинять первые стихотворения (на русском и мордовском языках). В 1922 г., находясь на военной службе, выполнял обязанности заведующего клубом военно-окружной школы инструкторов физического образования всеобщего военного обучения г. Самары. С 1922 по 1923 г. обучался на биологическом отделении рабочего факультета Самарского государственного университета.

В 1923 г. в газете «Якстеретеште» («Красная звезда»), выходящей в Москве, опубликован один из первых мордовских рассказов на эрзянском языке «Бедной Олодя» («Бедняк Володя»). В нем автор описал прошлое мордовского народа, и то, как изменилось его положение в годы советской власти. Этот рассказ явился ярким произведением мордовской прозы. Известность мордовскому поэту пришла позднее, после издания его сборника стихов «Сурдина пурги» (1927 г.) созданных в период с 1921 по 1926 г. Предисловие к сборнику стихов написано академиком П. Н. Сакулиным. Рекомендуя стихи Д. И. Морского читателям, П. Н. Сакулин писал: «У него все свое, потому, что подлинно пережитое. Ничего из книг, ничего с чужого голоса, он имеет право на то, чтобы его выслушали» [1. С. 5]. Сборник вышел тиражом в 3000 экземпляров и сейчас является библиографической редкостью. В стихах поэт писал о больших переменах, происходящих в деревне.

Самобытный талант деревенского поэта мордвина привлек внимание А. М. Горького. Он следил за развитием творчества Дмитрия Ивановича, постоянно оказы-

вал ему помощь. В личном фонде Д. И. Морского сохранилась его переписка с А. М. Горьким (копии). В одном из писем А. М. Горький писал: «Мне кажется, что стихом, техникой стиха, Вы владеете уже свободно, некоторые стихотворения, например: «Столяр», «Зимой», «Влюбленная осень» – и еще кое-что – звучат уже вполне хорошо и говорят о том, что дарование у Вас бесспорно есть» [2. Л. 1]. Документы свидетельствуют о том, что писатели находились в переписке с 28 октября 1927 г. по 22 февраля 1929 г. Из писем видно, что Горький оказывал Малышеву-Морскому материальную помощь и устроил его в санаторий. Были и личные встречи, о чем упоминается в переписке Д. И. Морского с Институтом Мировой литературы им. А. М. Горького, при котором находится архив А. М. Горького [3. Л 2]. Оригиналы писем Д. И. Морской лично передал на хранение в архив А. М. Горького. Переписка опубликована в книге «Горький и советские писатели» [4. С. 289–292].

Сотрудничество архива А. М. Горького с Малышевым-Морским продолжалось с 1937 по 1954 г. 28 марта 1937 г. директор Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики В. Д. Бонч-Бруевич в своем письме просил Д. И. Морского передать на хранение уникальные документы [5. Л. 1].

С 1923 по 1925 г. Дмитрий Иванович обучался в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. В этот период познакомился с С. А. Есениным, причислял себя к поэтам есенинской школы. Рукописи неопубликованных стихов Д. И. Морского служат убедительным подтверждением этого факта: «С. Есенину». 1923 г. [6. Л. 94 об]; «Ой, и я бывало в стадо, при закатах распускал...». 1923 г. [6. Л. 97].

В 1926 г. Дмитрий Иванович стал членом литературного объединения «Никитинские субботники». Сохранившиеся в личном фонде членские билеты и удостоверения дают представление об участии поэта в общественных профессиональных объединениях. Членский билет Всероссийского профессионального Союза Работников Искусств свидетельствует о вступлении Д. И. Морского в союз уже в 1918 г. [7. Л. 6].

Произведения Д. Морского печатались в журналах «Земля Советская», «Челнок» в газетах «Известия», «Красная звезда» и др. В 1929 г. в журнале «Земля Советская» была опубликована его поэма «Дочь дровосека», посвященная событиям Гражданской войны 1918–1922 гг. Поэму «Нувази» (1930 г.) Д. И. Морской посвящает участию мордвы в Пугачевском восстании.

Неопубликованные рукописи из личного фонда Д. И. Морского, на которые до сих пор еще не обратили внимание исследователи, говорят о том, что уже на раннем этапе творчества писатель выходил на осмысление сложных философских проблем бытия.

Примером может служить пьеса «Три искusstеля» (1919 г.), повествующая о споре за человека между Богом и Дьяволом [8. Л. 1–13 об.], а также пьеса «Сфинкс без разгадки» (1919 г.) в которой показаны события, происходившие на юге России в дни октябрьского переворота 1917 г. [8. Л. 14–43 об.]. Оба произведения подписаны «Д. Малышев-Новоспелов».

До сих пор остается без должного внимания исследователей и то, что Д. Малышева-Морского с полным правом можно отнести к одному из основателей такого художественного жанра, как советская социальная фантастика в мордовской литературе. Это стихотворение «Я космос косматый...» (1922 г.) [6. Л. 16 об.] и поэма в

двух частях «Будущее деревни (Сон Клим)», которая рассказывает о встрече с инопланетянами цивилизации Альфа, которая объединила культуры большинства планет Вселенной (1923 г.) [6. Л. 68 об. – 79 об.]. Особый колорит этому произведению придают диалоги Клим с инопланетянами, женой, односельчанами, наполненные народным юмором.

В 1929 г. Д. И. Морской поступил на курсы сценаристов при Государственном институте кинематографии в г. Москва. К этому времени у писателя уже имелся опыт написания киносценариев, это «Бытоломы» повествующий о становлении советского строя в деревне (1925 г.) [9. Л. 1–43 об.].

Писатель принимал активное участие в общественной и культурной жизни Мордовии. Любовь к родному народу побудила Д. Морского написать киносценарий о советской Мордовии, о ее достижениях. Поэт побывал во многих районах Мордовской автономной области, собирал материал для сценария. Кинопоэма в 6-ти частях «Мордва» была написана в 1930 г. [10. Л. 1–24]. 3 апреля 1931 г. на совещании при Президиуме Мордовского областного Исполкома, прошло обсуждение сценария «Мордва» кинопоэмы Дмитрия Морского-Малышева. «После прочтения автором произведения прошло обсуждение и выразили мнение, что сценарий поэмы «Мордва» написан в общем хорошо. Рекомендовано по возможности ярче показать на имеющемся в сценарии материале классовую борьбу» [11. Л. 12–12 об.].

Следует отметить, что личный фонд Д. И. Малышева-Морского содержит значительное количество документов, касающихся деятельности литературных объ-

единений, условий жизни и творчества литературной интеллигенции 20-х – 50-х гг. XX в.

Документы освещают широкий круг вопросов, касающийся советской повседневности: личной и общественной жизни, материально-бытовых условий различных слоев советских граждан (внешний вид людей, здоровье, развлечения, жилье, цены, рацион питания).

Особой информативностью отличается дневник жены писателя Антонины Федоровны Малышевой-Морской [12].

27 февраля 1931 г. Д. И. Морской был обвинен в том, что он много времени проводит в деревне, выступает против индустриализации села и как «кулацкий агент» был отчислен с курсов. 1 января 1935 г. был арестован по обвинению в антисоветской агитации и мошенничестве – публикации стихов под псевдонимом.

Спустя месяц, особым совещанием НКВД СССР Д. И. Морской приговорен к трем годам лишения свободы. Поэт трижды подвергался изоляции. В общей сложности Дмитрий Иванович провел в заключении более 15 лет.

В конце марта 1943 г. Д. Морской по своему личному заявлению был направлен на фронт. В августе 1943 года во время прорыва вражеского фронта и наступления в районе г. Ельни Дмитрий Иванович был контужен и тяжело ранен. После длительного лечения его оставили при госпитале в качестве заведующего библиотекой.

11 мая 1944 г. Д. И. Морской был вновь арестован за антисоветскую агитацию. 22 июня 1944 г. Военный трибунал приговорил Д. Морского к лишению свободы сроком на десять лет. В 1954 г., отбыв наказание, возвратился на родину, где по причине тяжелой болезни

был направлен в дом инвалидов. Скончался Д. И. Морской 20 февраля 1956 г.

27 июля 1960 г. определением Военного трибунала Белорусского военного округа приговор Военного трибунала 5 армии от 22 июня 1944 г. отменен, Д. И. Морской был полностью реабилитирован.

Благодаря отложившимся в личном фонде Д. И. Малышева-Морского документам мы получаем информацию не только о личности писателя, его жизни, но и об исторических событиях того времени, свидетелем которых являлся фондообразователь.

Источники

1. Морской, Д. И. Сурдина пурги. М., 1927.
2. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-2100. Оп.1. Д. 221.
3. ЦГА РМ. Ф. Р-2100. Оп.1. Д. 219.
4. Горький и советские писатели. Изд. Академии наук СССР. Т. 70. М., 1968.
5. ЦГА РМ. Ф. Р-2100. Оп.1. Д. 223.
6. ЦГА РМ. Ф. Р-2100. Оп.1. Д. 5
7. ЦГА РМ. Ф. Р-2100. Оп. 1. Д. 231.
8. ЦГА РМ. Ф. Р-2100. Оп. 1. Д. 8.
9. ЦГА РМ. Ф. Р-2100. Оп. 1. Д. 33.
10. ЦГА РМ. Ф. Р-2100. Оп. 1. Д. 112.
11. ЦГА РМ. Ф. Р-2100. Оп. 1. Д. 271.
12. ЦГА РМ. Ф. Р-2100. Оп. 2. Д. 30.

Из истории деятельности архива Вятской губернской земской управы

А. В. Колотов

С образованием Вятской губернии в 1780 г. при всех крупных учреждениях возникают архивы. Это ар-

хивы Вятского губернского правления, казенной палаты, уездных казначейств, городских магистратов, судебных палат. Архивы, как правило, размещались в подвальных или чердачных помещениях. Архивные дела находились в связках, которые стояли на полках в специальных шкафах. В архивы учреждений губернии принимались дела после трехлетнего срока нахождения в канцелярии.

По истечении 20 лет хранения в архивах часть дел подлежала уничтожению. На них составлялись описи, которые рассматривала специальная комиссия в Вятском губернском статистическом комитете, и утверждал губернатор. Затем дела уничтожались или продавались с торгов на бумажные фабрики.

1860-е – 1870-е гг. были в России периодом реформ. Так, по закону о земском самоуправлении ведение вопросов местного хозяйства было передано земским учреждениям. С 1864 г. в ведение земства перешли народное образование, здравоохранение, дорожное строительство, вопросы сельского хозяйства и многое другое.

В 1867 г. при Вятской губернской земской управе был создан архив.

В докладе управы Вятскому губернскому земскому собранию 48-й очередной сессии осенью 1914 г. указывается, что «архивы при земских управах являются сокровищницей материалов по истории земства. В них сосредоточены все акты и документы, по которым исследователи впоследствии могут восстановить всю картину деятельности земства во всех подробностях его территориального пути, воссоздать образцы особо выдающихся деятелей на земском поприще на память и в назидание будущим поколениям. Чем ценнее

и сохраннее окажется материал в земских архивах, тем полнее и рельефнее получится под пером исследователя картина работ земства. Отсюда ясна вся важность вопроса о том, в каком состоянии находятся земские архивы» [1. Л. 39].

Далее в докладе управы сообщается, что архив Вятского губернского земства помещается в подвальном этаже здания, занятого управой, и размещен в шести комнатах, полностью заставленных полками. Часть архивных дел хранилась в деревянном сарае во дворе управы.

Архив и судьба хранившихся в нем документов не представляли большого интереса для земских органов. За весь период существования земства на губернских собраниях ни разу не поднимался вопрос об архиве, и не было ни одного постановления на этот счет. Предусмотренного законом уничтожения не имеющих историческую ценность архивных дел или сдаче их в макулатуру ни разу не производилось.

В 1913 г. Вятская губернская земская управа обратила внимание на архив при управе и дала поручение помощнику секретаря провести ревизию архива. В результате произведенного осмотра архива было выявлено, что «систематическая опись архивных дел составлена с 1867 по 1893 г. За последующие годы запись поступающих в архив дел заменяется так называемыми сдаточными описями, т.е. простыми перечнями дел, сдаваемых в архив тем или иным делопроизводством управы. Подобный порядок не дает возможности установить общую порядковую нумерацию дел. Ввиду большого количества сдаточных описей, не объединенных какой-либо системой, наведение справок и отыскание дел до крайности затруднительно. Нет также не

только систематического каталога, но и простого перечня изданий уездных земств Вятской губернии и присылаемых в обмен изданий земств других губерний.

Вследствие отсутствия какой-либо системы документы размещены по различным шкафам и углам в простой хронологической последовательности.

Внешний вид архива говорит о совершенно неудовлетворительном размещении хранящихся в нем дел. Архив крайне переполнен. Полки самого примитивного устройства не отвечают своему назначению, так как расстояние между полками не соответствует размеру дел – они размещены в лежачем положении. Это весьма затрудняет поиски нужного дела. Для книг большого формата (бухгалтерских) совсем нет подходящих полок. Отсутствие надлежащей вентиляции и холодный пол усложняют работу. Помещение архива полутемное. Одна из комнат совершенно лишена света за отсутствием окон. В осеннее и зимнее время даже в комнатах с окнами приходится пользоваться искусственным освещением во время работы» [1. Л. 28, 29].

После этой ревизии губернская земская управа 5 июля 1913 г. приняла постановление по упорядочению хранения архивных дел. Для этого предполагалось осуществить ряд мер:

1. Продолжить составление систематической описи архивных дел с 1893 г. по 1913 г.

2. Составить каталог печатных изданий Вятского губернского и уездных земств, а также всех поступающих в архив управы печатных изданий земств других губерний, печатных трудов различных лиц и учреждений.

3. Отобрать и продать находящиеся в архиве газеты, разбитые экземпляры журналов, отчетов, докладов и прочие издания, потерявшие ценность.

4. Выделить архив страхового отдела и поместить его в кладовую бывшего книжного склада, во флигель, занимаемый страховым отделом.

5. Очистить помещение архива от накопившейся там пыли. Для этой цели постепенно вынести весь архивный материал во двор управы, обмести все дела и книги. Потом снова разместить их в архиве, предварительно очистив само помещение архива от сора и пыли.

6. Расположить архивный материал в систематическом порядке, по отделам и отраслям земского хозяйства.

7. Для размещения дел и печатных изданий, на которые бывает наиболее частый спрос, устроить в первой комнате архива новые полки, приспособленные к формату книг и дел.

Управа постановила «на выполнение перечисленных работ ассигновать 300 рублей и пригласить временно интеллигентного работника с вознаграждением до 50 рублей в месяц и в помощь ему двух мальчиков с оплатой по 10 и 15 рублей. Общее наблюдение и руководство работами в архиве возложить на помощника секретаря управы Н. Н. Пасынкова» [1. Л. 75 об.].

О том, как производились работы по упорядочению хранения дел можно узнать из доклада Н. Н. Пасынкова в губернскую управу от 25 октября 1913 г.: «1 июля приступили к делу мальчики братья Захваткины, а 4 июля начал работу приглашенный управой студент Санкт-Петербургского лесного института Сергей Николаевич Шкляев. Эти лица работали два месяца до начала учебных занятий в сентябре. Одним

из видов работ была проверка наличия архивных дел по имеющейся описи. Проверка показала, что как сама опись, так и размещение материала носят чисто случайный характер. Среди дел встречались такие, которые совершенно ускользнули от описи. Не редкость с другой стороны и дела, значащиеся по нескольким описям. Подобные ошибки были немедленно исправлены. Такая бессистемность описи и размещения материала создавалась постепенно, так сказать, исторически. В первые годы существования губернской управы, когда не было такого большого количества отделов, работа сосредоточивалась в двух – трех столах. Тогда каждый отдел сдавал в архив свои дела, обозначая их не по предметам содержания, даже не по отраслям земского дела, а по случайной нумерации столов. По мере усложнения земской деятельности увеличивалось и количество отделов (столов). Делопроизводство по тому или другому вопросу земского хозяйства не раз за истекшее время переходило из стола в стол. Удалось проверить наличие архивных дел и их размещение по всем отделам управы.

Ознакомление с указанными недочетами в ведении описи, несомненно, показало полную непригодность старой описи и сдаточных ведомостей. Необходимо составление новой описи не по номерам столов, а систематически по отраслям земского хозяйства. Например, «бухгалтерия», «ветеринария», «эмеритура», с соответствующими подотделами. Из какого бы стола не поступили дела по известной отрасли, они при таком порядке не должны уже разбегаться по разным комнатам. Каждому будет свое определенное место в системе описи и архива. Но создание новой систематической описи дел архива и соответственное размещение их по

комнатам и полкам архива, а это труд весьма и весьма солидный, требующий затрат значительно больших, чем казалось при начале работы.

Для продолжения и скорейшего окончания работ необходимо вновь подыскать подходящее лицо и дать ему в помощники двух человек более или менее способных разбираться в архивных материалах и грамотно вносить их в опись. Только при таком составе работников приведение архива в порядок и создание новой систематической описи могли бы быть закончены в 2–3 месяца.

Необходимо не останавливаться на полумере – довести начатое дело до конца и тем упрочить правильную постановку архивного делопроизводства на будущее время» [1. Л. 72–74].

В течение летних месяцев 1914 г. и 1915 г. работу по приведению в порядок архива губернской управы продолжали студенты: С. Н. Шкляев (Петербургский лесной институт), Н. К. Шиллегодский (Петроградский университет), М. Д. Афанасьев (Московский университет), С. В. Устюгов (Вятская духовная семинария).

Среди документов сохранилось заявление студента Сергея Николаевича Шкляева в Вятскую губернскую земскую управу от 10 мая 1914 г.: «Узнав на рождество через секретаря управы Антонова, что губернской управе желательно, чтобы я продолжал начатую мною работу по разборке архива, извещаю губернскую управу, что я согласен взять эту работу при следующих условиях: оклад жалованья 60 рублей в месяц, все неприсутственные и воскресные дни свободные, причем рабочий день в течение трех дней недели 7 часов, а в остальные – 5 часов. Увеличение оклада жалования сравнительно с прошлогодним (50 рублей) я мотивирую чрезвычайно

антигигиеническими условиями работы, отзывающимися на состоянии здоровья.

Если управа примет мое предложение, то я приступлю к разборке архива 14–16 июня и работать буду в течение двух с половиной месяцев» [1. Л. 110].

Управа согласилась с этим предложением, и с 6 июня студенты Шкляев и Шиллегодский приступили к работе в архиве.

В 1914–1915 гг. в архиве были составлены систематические описи и все дела распределены по следующим отделам:

1. Распорядительный.
2. Бухгалтерский.
3. Народное образование.
4. Медицинский.
5. Ветеринарный.
6. Агрономический.
7. Кустарный.
8. Дорожный.
9. Продовольственный.

Все вновь составленные описи были впоследствии отпечатаны на машинке.

Таким образом, к 1918 г. архив Вятской губернской земской управы был приведен в порядок. Это облегчило работу сотрудникам Вятского губернского советского архива, в который поступили документы ликвидированных земских учреждений.

Источники

1. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 616. Оп. 1. Д. 1445.

Эпизоды истории яранского уездного земства в документах Центрального государственного архива Кировской области

А. С. Корепанов

В архивном фонде Яранской уездной земской управы имеются документы, связанные с ее открытием в 1867 г. В этой связи следует упомянуть телеграмму вятского губернатора Н. В. Компанейщикова от 20 февраля 1867 г. № 1878 крестьянину Карпу Матвеевичу Ведерникову, в которой сообщалось об утверждении его в должности председателя земской управы и необходимости немедленного открытия «действий управы» [1. Л. 1–1 об.].

В своем рапорте вятскому губернатору от 9 марта 1867 г. К. М. Ведерников докладывал: «Честь имею почтительнейше донести, что Яранская Уездная Земская Управа открыла свои действия 8-го текущего марта и все производство по образованию Земских учреждений, из Комиссий Управою принято» [1. Л. 2].

На хранении в архиве имеется «Именной список членам и гласным Яранской Уездной Земской Управы и училищного совета, избранным и утвержденным на настоящее трехлетие с 1867 по 1870 год» от марта 1867 г., согласно которому первый состав управы был следующим: крестьянин Карп Матвеевич Ведерников (председатель), купец Иван Филиппович Семенов и крестьяне Петр Прокопьевич Царегородцев и Тарас Васильевич Колесников [1. Л. 10 об.].

Уездное земство занималось следующими вопросами: народное образование, медицина, общественное призрение, сельское хозяйство, кустарные промыслы, ветеринария, устройство и содержание мест заключения, земских зданий, путей сообщения, обеспечение

населения продовольствием и т. д. [2. Л. 831–831 об., 844 об., 845]. Приоритетным направлением деятельности земства стало развитие народного образования и системы здравоохранения.

В момент открытия земских учреждений ситуация в области народного образования была не простой. В «Кратком историческом очерке о деятельности Яранского уездного земства за все время его существования с 1867 по 1914 год» (Приложение к докладу Яранской уездной земской управы Яранскому уездному земскому собранию от 9 февраля 1914 г.) отмечалось, что «дело народного образования в Яранском уезде перед открытием земских учреждений находилось в самом плачевном виде». Особо подчеркивалось, что «правильных занятий в школах не было». Были проблемы и с уровнем подготовки школьных работников: «Преподавателями обыкновенно были священники, дьяконы, дьячки, семинаристы, рядовые крестьяне и даже солдаты, совершенно не подготовленные к преподаванию». Ряд проблем был связан с недостаточной материальной обеспеченностью учебных учреждений: «Школы помещались в плохих зданиях, без достаточного количества классной мебели, учебных книг и пособий, о школьных библиотеках не могло быть и речи» [1. Л. 832 об.].

Однако, благодаря активной деятельности земства удалось достичь значительных успехов в сфере народного образования в уезде. Из года в год возрастали ассигнования уездного земства на развитие образования: с 7000 руб. в 1868 г. до 502672 руб. в 1914 г. За период с 1868 г. по 1917 г. число земских училищ выросло почти в 8 раз (с 29 до 226) [2. Л. 833 об., 835; 3. Л. 64], количество учащихся с 1172 чел. к 1914 г. достигло 16244 чел. [4. Л. 16; 2. Л. 835].

Согласно отчету инспектора народных училищ о состоянии начальных народных училищ Яранского уезда за 1900–1901 учебный год, к 1901 г. все земские училища имели «собственные помещения достаточно поместительные и удобные» [5. Л. 404]. Кроме того, улучшилась ситуация и с материальной обеспеченностью учебных учреждений: «Все училища Яранского уезда... обеспечены материально достаточно». Возрос уровень образования преподавательского состава: из всех 235 учителей и учительниц 133 имели среднее образование, 83 – неоконченное среднее образование, и только 19 окончили курс в низших учебных заведениях [5. Л. 409]. Преподавание всех предметов в начальных народных училищах велось по учебным пособиям и примерным программам, одобренным Министерством народного просвещения [5. Л. 412 об.].

Значителен вклад уездного земства и в сфере здравоохранения. Необходимо отметить, что в самом начале своей деятельности земство столкнулось с довольно сложным положением дел. В докладе земских врачей А. Шулятикова и В. Жардецкого Яранскому уездному земскому собранию за 1914 г. так характеризовалась ситуация в уезде перед открытием земских учреждений: «Все потребности населения Яранского уезда в медицинской помощи до введения Земских учреждений обслуживались таким образом [:] в гор. Яранске была больница ведомства Приказа Общественного Призрения, в слободе Кукарке также больница Удельного Ведомства, 2 фельдшерских пункта в удельных волостях, да в придачу при волостях числилось несколько так называемых записных бабок, обязанных подавать помощь роженицам и по одному выбранному оспопрививателю» [2. Л. 859]. Относительно яранской больницы в

докладе говорилось: «Печальную картину представляла из себя Яранская больница... Она хотя и числилась на 30 штатных коек, но в ней помещалось не более 15-ти...». Больница была «грязною, вонючею, без всяких удобств и самого необходимого». Ситуация с фельдшерами в уезде характеризовалась следующим образом: «Бывшие в уезде фельдшера почти не получали медикаментов, а должны были сами собирать разные травы и корни и изготовлять из них снадобья...» [2. Л. 859 об.]. Всего при медицинских учреждениях уезда в 1867 г. состояло 2 врача и 12 фельдшеров [6. Л. 14].

В такой сложной ситуации земство решительно взялось за преобразования, также ежегодно увеличивая ассигнования на развитие системы здравоохранения. Если в 1868 г. расходы земства на медицину составляли всего 11988 руб., то к 1914 г. они выросли до 230149 руб. [2. Л. 844 об. – 845] (то есть в 19 раз). Число больниц в уезде выросло к 1914 г. с 2 до 7 [2. Л. 836 об., 838 об.].

В докладе земских врачей земскому собранию в 1914 г. отмечалось: «В настоящее время Земство имеет в уезде 7 больниц, помещающихся в собственных зданиях, 3 амбулаторных врачебных участка, при которых в настоящем году будут также построены и открыты больницы, 3 самостоятельных фельдшерских пункта, 14 пунктов повивальных бабок. К услугам населения приходится 12 врачей, 33 фельдшера и 22 акушерки. На медикаменты тратится ежегодно более 40 тысяч рублей. Врачебный персонал завоевал доверие населения, что видно из того, что во всех больницах за последний год лечилось около 9-ти тысяч больных, в том числе сделано 1400 операций, число амбулаторных больных

превышает уже 300 тысяч» [2. Л. 860 об. – 861].

Значимую роль сыграла деятельность яранского земства по поддержке сельского хозяйства – основной отрасли производства Яранского уезда. Стоит заметить, что до 1893 г. эта статья расходов земства была невелика: она колебалась от 60 до 695 рублей. Затем ассигнования стали увеличиваться и к 1914 г. достигли 22188 руб. [2. Л. 840, 841]. Учреждаются должности агронома-смотрителя, пчеловода, лесного инструктора, садовника, сельскохозяйственных старост, получают широкое распространение веялки, при земской управе создается сельскохозяйственный склад, из которого население могло приобретать улучшенные семена, усовершенствованные сельскохозяйственные машины и орудия, устраиваются выставки и т. д. [2. Л. 840].

Аналогичная ситуация наблюдалась и с оказанием ветеринарной помощи населению. До появления земства и в первые годы его деятельности этой работой занимались очень мало. Однако сильные эпидемии чумы и сибирской язвы заставили земство обратить серьезное внимание на ветеринарию. Расходы земства на ветеринарию возросли с 240 руб. в 1871 г. до 5459 руб. в 1914 г. Увеличивается ветеринарный персонал, устраиваются ветеринарные лечебницы, проводятся выставки лошадей и т. д. [2. Л. 841 об. – 842].

Достижениям яранского земства в целом ряде отраслей, конечно, способствовали финансовые возможности уезда. В докладе уездной земской управы земскому собранию от июня 1917 г. отмечалось, что «об экономическом богатстве края свидетельствует бюджет Уездного земства на 1917 г., простирающийся около 2 миллионов рублей» [3. Л. 65 об.]. Кроме того, судя по изученным материалам, значительную роль играл тот факт, что на

ряд сфер жизни уезда в доземский период обращалось недостаточно внимания, поэтому при должных усилиях с помощью вкладывания необходимых средств удалось переломить ситуацию. Большой вклад в это дело внесли талантливые и активные земские деятели. На хранении в архиве имеются документы, отражающие жизнь и деятельность авторитетного земского деятеля Н. П. Стародумова.

Николай Павлович Стародумов родился в 1856 г. [7. Л. 88 об.], происходил из мещан г. Яранска. Окончил курс в Яранском уездном училище. На протяжении многих лет Стародумов вел активную деятельность: был гласным Яранской городской думы, состоял гласным Яранского уездного и Вятского губернского земского собрания, занимал должность мещанского старосты, был членом Яранской городской управы и Яранского сиротского суда, состоял попечителем целого ряда учебных заведений [8. Л. 1–6]. С 20 августа 1907 г. по 20 декабря 1912 г. Николай Павлович являлся председателем Яранской уездной земской управы [8. Л. 2 об. – 3, 6 об. – 7].

Об авторитете Стародумова говорит тот факт, что 31 января 1908 г. его избрали уполномоченным Вятского земства на съезд Общеземской организации в Москве [8. Л. 3 об. – 4]. 21 июня 1908 г. на чрезвычайной сессии Вятского губернского земского собрания отмечалось, что для участия в этой организации от губернии «другого более подходящего кандидата, кроме Н. П. Стародумова, назвать трудно». Собрание постановило: «подтвердить вновь выбор губернского уполномоченного в общеземскую организацию Н. П. Стародумова» [9. Л. 115 об., 117]. Кроме того, 25 октября 1912 г. Николай Павлович был избран в члены Государственной Думы 4-го созыва [8. Л. 5 об. – 6].

Если же говорить о Стародумове как о земском деятеле, то он всеми способами старался оказывать помощь населению уезда. В журналах заседаний Яранского уездного земского собрания содержится информация о поддержке Николаем Павловичем учебных учреждений [10. Л. 2 об. – 3, 54], учительского персонала [11. Л. 2, 36 об.], библиотек уезда [12. Л. 434 об.], земских стипендиатов [11. Л. 12], о его работе по включению г. Яранска в общую сеть железных дорог [8. Л. 3 об. – 4; 10. Л. 67 об., 68 об.] и т. д.

За вклад Стародумова в сферу народного образования уезда на 46-й очередной сессии Яранского уездного земского собрания 26 ноября 1912 г. ему была выражена благодарность и принято решение представить его к награде [13. Л. 47].

Значительную часть деятельности Н. П. Стародумова занимают вопросы, касающиеся общественного призрения. Так, выступая 18 июня 1908 г. на чрезвычайной сессии Вятского губернского земского собрания, Н. П. Стародумов говорил: «Яранское убежище для подкидышей и другие тому подобные учреждения содержатся исключительно на средства благотворительного общества, а земство ничего не дает». В связи с этим он считал, что «земству необходимо придти на помощь и дать средства» [9. Л. 56 об.]. Хотя данное ходатайство было отклонено, Стародумов не оставлял начатое. 9 февраля 1914 г. на чрезвычайной сессии Яранского уездного земского собрания он выступил с докладом о необходимости учреждения районных приютов для призрения сирот, стариков и убогих [2. Л. 868 об.].

Стародумов отмечал: «Мы горожане видим, как дети, выброшенные судьбою на улицу, падают физически и нравственно, из них редко выходят хорошие

граждане. Проезжая по деревне, мы видим, как нищие просят под каждым окном, постукивая палкой. В семье умирает кормилец, куда пойдет мать, оставшаяся с детьми. Я прошу только принципиального согласия на учреждение приютов. Нельзя отталкиваться от того, что земство обязано сделать». В итоге Николаю Павловичу удалось добиться решения земского собрания о выделении пособия учреждаемым в уезде районным приютам для призрения сирот, стариков и убогих, хотя предложение об отпуске из уездных средств ежегодного пособия в размере 100 руб. на каждый открываемый приют было отклонено [2. Л. 869 об. – 870].

Таким образом, яранское уездное земство внесло значительный вклад в развитие Яранского уезда, приоритетными направлениями на всем протяжении его деятельности являлись важнейшие социальные проекты, направленные на которые старались добиться повышения уровня жизни населения своего уезда.

Источники

1. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 618. Оп. 1. Д. 162.
2. ЦГАКО. Ф. 587. Оп. 19. Д. 76.
3. ЦГАКО. Ф. 618. Оп. 1. Д. 152.
4. ЦГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 7.
5. ЦГАКО. Ф. 618. Оп. 1. Д. 38.
6. ЦГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 329.
7. ЦГАКО. Ф. 618. Оп. 1. Д. 1321.
8. ЦГАКО. Ф. 616. Оп. 12. Д. 225.
9. ЦГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 198.
10. ЦГАКО. Ф. 618. Оп. 1. Д. 101.
11. ЦГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 1417.
12. ЦГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 1399.
13. ЦГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 1438.

**Популяризация архивных документов
и патриотическое воспитание молодежи
(на примере деятельности Управления по делам архивов
Администрации города Сарапула)**

С. М. Коробейникова, Н. В. Тощевикова

Архивный фонд Удмуртской Республики является составной частью Архивного фонда Российской Федерации. Управление по делам архивов Администрации города Сарапула один из крупных муниципальных архивов Удмуртской Республики. Здесь хранится около четверти миллиона дел на различных носителях за 1790–2018 гг., которые отражают историю не только города Сарапула, но и других городов и районов Удмуртской Республики.

Сарапул – один из старейших и красивейших городов Прикамья. В XIX – начале XX в. Сарапул был не только административным центром, но и средоточием его общественной и культурной жизни. Еще менее ста лет назад это был второй по значению и развитию город в Вятской губернии.

Наша основная задача – превращение скучных для неспециалиста историко-архивных данных в интересную и понятную большинству информацию, с целью воспитания и возрождения в обществе патриотизма, любви к семье, к родине.

В современных условиях популяризация архивных документов отличается большим тематическим, географическим, хронологическим разнообразием.

Наша цель – расширить сферу применения документной информации и увеличить количество пользователей, привлекая молодое поколение к изучению и применению архивных источников по истории города.

Основными формами популяризации архивных документов в Управлении по делам архивов являются следующие: представление документов пользователям для исследований в читальном зале; экспонирование документов на выставках; создание календаря памятных дат; использование документов в средствах массовой информации (статьи, телесюжеты); проведение информационных мероприятий: экскурсий в архиве, презентаций, «дня открытых дверей», уроков для студентов и школьников.

Популяризация архивных документов – сложная и ответственная работа, которая требует высокого профессионализма, знания в совершенстве системы и видов справочно-поисковых средств к документам и фондам архива. Использование архивных документов в архиве считается разновидностью научной работы. Сотрудники архива несут ответственность за точность, достоверность и своевременность предоставленной информации, поэтому все планы мероприятий по популяризации рассматриваются и утверждаются на заседаниях экспертно-методической комиссии Управления по делам архивов.

За последние пять лет (2013–2017) Управлением по делам архивов проведено около 350 информационных мероприятий. К архивной информации обратилось более 21000 пользователей [1].

Одним из действенных методов пропаганды историко-культурного документального наследия является создание выставок. Ранее выставки создавались в электронном виде с помощью программы Power Point. Вся информационная значимость выставок была не востребована, хотя их можно было рассматривать как готовое пособие для работников сферы образования и культуры. Для более удобного использования выставки переведе-

ны в видео формат с использованием мультимедийных эффектов. В 2015 г. более 30 выставок за предыдущие годы переведены в видео формат, записаны на CD-диски и переданы педагогам учебных заведений и работникам культуры.

В Управлении проводятся следующие мероприятия, посвященные теме «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.»:

1. Школьные уроки на тему «Документы периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Управлении по делам архивов Администрации города Сарпула». Школьники знакомятся с условиями хранения ценных исторических документов, созданных в делопроизводстве учреждений, предприятий и организаций г. Сарпула в годы войны. Целью встречи является формирование патриотического и гражданского сознания у молодежи, привлечение внимания к семейным архивам.

2. В 2018 году архивисты впервые провели «Урок мужества» в стенах учебного заведения. Материалом проведения урока послужила электронная выставка «Военный дневник» (фронтовые записки К. М. Багимова, 1942 г.). Фронтовые записки содержат личные записи Багимова Константина Михайловича – главного старшины, заместителя командира по политической части отдельной роты автоматчиков 70-й отдельной бригады 7-й армии Карельского фронта, в последующие мирные годы связавшего свою жизнь с г. Сарпулом. Школьные уроки в стенах учебных заведений позволяют одновременно охватить аудиторию до 50 человек.

3. Конкурс исследовательских работ среди школьников и студентов города Сарпула «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен». Цель конкурса – вы-

явить участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и тружеников тыла, чьи имена, история жизни и деятельности до настоящего времени не были опубликованы в книгах, журналах и газетах. Весь собранный материал был использован при создании фото-выставки «Победители. Солдаты Великой Войны», изготовленной методом широкоформатной печати на баннере и размещенной на территории комплекса зданий Управления по делам архивов.

С 2015 г. Управление по делам архивов принимает участие в реализации экспериментальной Программы профильной смены для детей, состоящих на учете в Отделе по делам несовершеннолетних Межмуниципального отдела МВД России «Сарапульский». Цели программы: профилактика преступлений и правонарушений несовершеннолетних, нравственное и патриотическое воспитание, организация досуга и занятости подростков в летний период.

В рамках реализации Программы сотрудники Управления по делам архивов используют разнообразные формы популяризации архивных документов и профессии «архивист»: рассказ об истории города Сарапула; демонстрация выставок; проведение школьного урока «Профессия архивист сегодня»; показ фильмов об архиве («Прошлое во имя будущего», «Живая нить поколений»); обзорная экскурсия по архивохранилищу, где дети самостоятельно находят архивные фонды, используя топографический указатель; работа в группах с архивными документами по поиску исторических фактов; проведение IT-викторины по истории города Сарапула. Данные формы работы позволили возбудить интерес у подростков и привлечь их внимание к архивным источникам.

Самым крупным по посещаемости мероприятием является ежегодный «День открытых дверей». Для увеличения числа посетителей членами экспертно-методической комиссии было решено выбирать тему экскурсионно-выставочных мероприятий «дня открытых дверей» в соответствии с темой, предложенной правительством страны в качестве актуальной, для привлечения особого внимания к острым вопросам жизни общества. Для подготовки мероприятий используется материал, находящийся на хранении, а также осуществляются мероприятия по выявлению недостающих для раскрытия темы документов. При проведении мероприятия широко используется такой методический прием, как движение. Экскурсанты передвигаются между тематическими площадками, расположенными в логической последовательности, таким образом, движение происходит от одного объекта к другому, а также от общего представления о явлении, предмете к его детальному изучению. Для обеспечения максимального восприятия информации используются все виды документов: документы на бумажной основе, фотографии, аудио- и видеодокументы.

В 2015 г., объявленном в стране Годом литературы, «День открытых дверей» был посвящен жизни и творчеству литераторов нашего города, личные фонды которых находятся на государственном хранении: русского советского писателя Удмуртии, члена Союза писателей СССР Дмитрия Петровича Бор-Раменского, чьи произведения посвящены социально-исторической тематике; одного из основателей Южнорусского союза писателей, члена Национального союза писателей Украины, атамана войска верных казаков черноморских имени Богдана Хмельницкого, прозаика, поэта Олега

Дрямина; участника Великой Отечественной войны Зиновия Скловского.

С большим интересом собравшиеся слушали воспоминания бывшего журналиста, председателя городского отделения Общества историков-архивистов Галины Петровны Колчиной о жизни и творчестве Александра Федоровича Черных – автора книги памяти участникам Великой Отечественной войны «Никто не забыт...», об их совместной работе над книгой «Сарапульский район». Среди героев наших экскурсий был и представитель учебной литературы – Гавриил Федотов, чьи буквари для удмуртских школ выдержали 16 переизданий. Многие наши фондодержатели стали известны в Республике благодаря труду на почве краеведения: Александр Решетов, Лидия Федорченко-Шемякина, Анатолий Мельников.

Совсем мало был исследован период военной эвакуации, когда г. Сарапул прирос деятелями науки, культуры первой величины, обогатившими нас талантливыми произведениями.

Впервые широкой публике представлен сарапульский период жизни эвакуированных в г. Сарапул известного музыковеда, биографа многих русских композиторов Иосифа Кунина и переводчицы, поэтессы, любимой ученицы С. Я. Маршака Веры Эльтерман (Потаповой). Для расширения источниковой базы архивистами была проведена поисковая работа, установлена связь с внуком И. Кунина, который любезно предоставил фотографии членов семьи, личный экземпляр книги «Дом Куниных». Семейный фонд Веры Эльтерман и ее мужа Льва Длигача хранится в РГАЛИ.

В подшивке городской газеты за 1941–1945 гг. были обнаружены литературные труды других эвакуированных мастеров слова: стихи и статьи на темы культу-

ры. Во время мероприятия гости получили возможность расширить знания о литературной жизни Сарапула, узнать больше об известных писателях, открыть для себя новые имена. На встречах звучали выдержки из фронтовых писем А. Решетова, строки рассказов З. Скловского, лирические стихи И. Дрямина, мемуары И. Кунина.

Программу «Дня открытых дверей» 2016 г. определило объявление этого года Годом российского кино. В г. Сарапуле, первом населенном пункте на территории современной Удмуртии, сеанс гастролировавшего синемаатографа состоялся уже в 1897 г. Первый стационарный электротeatр «Модерн» появился в 1908 г. А к периоду развитого социализма в городе с населением 100 тысяч человек работали 3 крупных кинотеатра: «Отдых», «Восток» и «Октябрь».

Связан Сарапул и с киноиндустрией. Еще в начале XX в. сарапульские купцы приглашали кинопромышленников снимать рекламные ролики о своих товарах, которые потом демонстрировались по всей России. В 1912 г. по заказу владельцев кинотеатра «Апполо» оператором фирмы «Патэ» снят первый документальный фильм о г. Сарапуле под названием «Сарапул и его окрестности».

В нашем городе снимали и художественные фильмы: в 1931 г. на территории Благовещенского монастыря проходили съемки нескольких сцен первого советского звукового художественного фильма «Путевка в жизнь». Фильм о перевоспитании подростков в подмосковной Болшевской трудовой коммуне им. Г. Г. Ягоды получил мировое признание, он был показан в 107 странах мира, его купили 26 стран. На международном ки-

нофестивале в Венеции (1932 г.) кинокартина отмечена как лучшая по режиссуре.

В 1938 г. на экраны страны вышел фильм Г. Александрова «Волга-Волга» с Любовью Орловой в главной роли. Съёмки сцен велись в разных городах, в том числе в г. Сарапуле.

А в 1992 г. Сарапул стал декорацией фильма «Грам-тарарам, или Бухты-барахты» режиссера Э. Уразбаева по сценарию нашего земляка Р. Тюрина. В эпизодах и массовых сценах фильма многие сарапульцы смогут узнать себя и родные места, какими они были в 1990-е гг. Нам удалось разыскать очевидцев этого события, помочь согласился наш земляк Г. Макшаков, который работал во время съёмки помощником реквизитора. Он предоставил именную копию сценария фильма, фотографии, домашнее видео с членами съёмочной группы и артистами. Г. Макшаков любезно согласился выступить с воспоминаниями на «Дне открытых дверей». Выступление сотрудника архива сопровождалось музыкой, написанной к фильму известнейшим композитором Евгением Крылатовым.

При подготовке мероприятия использованы документы архивных фондов ОАФ «Сарапульский межрайонный отдел Управления кинофикации при СНК УАССР и кинотеатры города Сарапула», Сарапульский комбинат зрелищных и увеселительных заведений исполнительного комитета Сарапульского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Уральской области, личного фонда Д. И. Печерских – директора кинотеатра «Восток». Вниманию гостей были представлены короткометражные киножурналы Казанской студии кинохроники с сюжетами по истории Сарапула и Удмуртии за 1940–1941 гг., кадры из

фильмов, снимавшихся в нашем городе, видеозапись воспоминаний заместителя директора широкоформатного кинотеатра «Октябрь» Н. Новиковой. Для молодого поколения информация о кинотеатрах «Отдых», «Восток», «Октябрь», действовавших в городе около семи десяти лет, явилась настоящим открытием и оставила неизгладимые впечатления. В этот год число посетителей архива достигло 393 человек [2].

2018 год объявлен в России Годом волонтера. Именно эта тема определила тематику площадок «Дня открытых дверей»: «По призыву души (добровольцы на защите Родины)»; «Тимуровцы-волонтеры страны Советов»; «Комсомольцы-добровольцы», «Всем миром (социальное волонтерство)».

Отличительным и знаковым моментом в настоящем году стало участие в его проведении волонтеров – учащихся школ Сарапула. В Управлении по делам архивов в течение всего года на общественных началах трудились школьники в рамках акции «Волонтеры в архиве». Вместе с сотрудниками они занимались поиском сведений по истории города, печатали тексты на компьютере, выполняли другие виды архивных работ.

В «День открытых дверей» совместно с архивистами школьники рассказывали об исторических фактах, выявленных в архивных документах. Контингент посетителей был самым разнообразным: учащиеся, студенты города и Сарапульского района, краеведы, сотрудники ГКУ «Центр документации новейшей истории Удмуртской республики», ветераны комсомольских организаций города, участники проходившего в г. Сарапуле научно-практического форума «Прикамское собрание», посвященного 235-летию со дня рождения Надежды Андреевны Дуровой. Почетным гостем стал народный художник

России, обладатель диплома ЮНЕСКО, скульптор, автор памятника Надежде Дуровой в Сарапуле – Владимир Суворцев. В ходе мероприятия посетители преподнесли архивистам подарки: супруга держателя личного фонда Олега Дрямина – сборник его лирических стихов «Осенняя рапсодия любви», вышедший в издательстве «СИМЭКС-ПРИНТ» (г. Одесса), а Л. А. Балакина – методическую разработку экскурсии по школьному музею Сарапульской восьмилетней школы № 17 «Звезды Тимура» и фотографии по истории пионерского движения в г. Сарапуле.

Примечательно, что идея проведения «дней открытых дверей» в историко-краеведческом формате нашла поддержку руководства города, и данное мероприятие архива включается в программу традиционного городского открытого фестиваля «Город Надежды», учрежденного в честь землячки, «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой. Данное условие позволяет донести информацию о предстоящем мероприятии широкому кругу пользователей, которые не остаются равнодушными.

Проведение тематических «дней открытых дверей» имеет ряд положительных моментов для деятельности Управления по делам архивов. В подготовке и проведении мероприятий задействованы все сотрудники, что дает возможность молодежи, либо сотрудникам, чья основная деятельность не связана с популяризацией архивных документов, попробовать себя в роли экскурсоводов. При разработке темы необходимо заниматься краеведческими изысканиями, что позволяет выявить новые документы, раскрывающие определенный вопрос как в архиве, так и провести комплектование от частных лиц. Муниципальный архив участвует в общегородском

проекте, что положительным образом сказывается на популяризации деятельности учреждения, населению предоставляется ретроспективная информация по актуальной теме. Такие мероприятия объединяют коллектив.

Одним из новых инструментов в пропаганде и популяризации архивных документов, эффективного взаимодействия архивистов с обществом стал официальный сайт муниципального образования «Город Сарапул». Имея в структуре сайта свой раздел, мы получили возможность самостоятельной редакции и пополнения сайта, тем самым своевременного информирования граждан с использованием интернет-ресурсов. За последние годы архивисты разместили на сайте Администрации города Сарапула огромный и разнообразный материал, изменили структуру меню Управления по делам архивов, добавили новые разделы: «История развития архивного дела в городе Сарапуле», «Информация для организаций», «Получение услуг на Портале госуслуг», «Список фондов управления», «Новости», «Публикации», «Выставки», «Консультации для исследователей», «Календарь памятных дат», «Внимание! Розыск!», «Конкурс «Юный архивист»; ссылки на республиканские базы данных: «Фондовый каталог Удмуртской Республики», «ВИС Электронный архив Удмуртии», «Местонахождение документов по личному составу» [3]. Это дало положительный результат, число пользователей страницы Управления по делам архивов на сайте МО «Город Сарапул» ежегодно растет. Электронные издания нашли своего потребителя, они используются в разных сферах и востребованы широкой общественностью.

Таким образом, архивы не только хранят, но и активно используют архивные документы по истории

родного края. Все формы использования архивных документов в совокупности служат воспитанию исторически образованного поколения молодежи, что особенно актуально в современных реалиях.

Произошедшие в последние годы изменения социальной культуры общества требуют от архивов новых подходов к использованию архивной информации и новых форм взаимодействия с обществом, в том числе и с использованием информационных технологий.

Необходимо и в дальнейшем продолжать работу по популяризации архивных документов в целях полного удовлетворения потребностей общества в ретроспективной информации.

Источники

1. Управление по делам архивов Администрации города Сарпула. Ф. 189. Оп. 4. Д. 686. Л. 3 об. – 4; Д. 715. Л. 4; Д. 743. Л. 3 об. – 4.
2. Ахмадулина, С. Е. Дни открытых дверей в муниципальном архиве г. Сарпула // Отечественные архивы. 2018. № 2. С. 131.
3. http://www.cultura.admsarapul.ru/about/struktura/upravlenie_arkhiv/

Деятельность Американской Администрации Помощи в борьбе с голодом в Сызранском уезде в 1921–1923 гг. (по документам Сызранского филиала Центрального государственного архива Самарской области)

А. П. Косицына

О катастрофе 20-х годов ушедшего века – голоде 1921–1922 гг. написано немало. Однако следует отметить, что решение этого вопроса при помощи негосу-

дарственной благотворительной организации Американской Администрации Помощи (АРА), незаслуженно забыто и почти не упоминается в опубликованных источниках.

Российская молодежь имеет незначительное представление о деятельности АРА по спасению голодающего населения Российской Республики, в том числе и Сызранского уезда Симбирской губернии.

В Сызранском филиале ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области» в фонде Р-572 «Сызранское отделение Русско-американского комитета помощи голодающим детям (АРА)» сосредоточены документы о деятельности Сызранского уездного комитета в деле помощи голодающим детям уезда и Сызрани.

По своему составу это достаточно однообразные документальные материалы: инструкции, циркуляры, положения; переписка с губернскими, уездными организациями об открытии, деятельности и закрытии детских столовых; списки рабочих и служащих Сызранского комитета АРА, голодающих детей; сведения и отчеты о работе питательных пунктов, но в них содержится информация о деятельности служащих уездного, волостных и сельских комитетов АРА, спасших от голодной смерти тысячи детишек уезда.

В документах фонда имеется несколько групп источников.

Первый блок источников – инструкции, циркуляры, договора, переписка центральных и губернских органов об организации и деятельности уездных, волостных и сельских комитетов АРА, акты обследования, различных проверок.

Из этих источников становится понятно, что с августа 1921 г. молодой Советской России с возникшей проблемой голода самостоятельно не справиться.

Писатель Максим Горький, получив разрешение органов власти РСФСР, через американца господина Гувера (руководитель АРА) обратился к народу США за помощью для голодных и больных, в особенности детей, в охваченных голодом районах. «Господин Гувер и американский народ ... предложили помощь приблизительно для одного миллиона детей, независимо от их национальности, религии, социального положения и политических взглядов» [1. Л. 2].

20 августа 1921 г. в Риге уполномоченный представитель Совета Народных Комиссаров РСФСР Н. Литвинов и директор Американской Администрации Помощи в Европе господин Браун подписали соглашение об оказании помощи наиболее охваченным голодом районам Поволжья [1. Л. 4].

6 ноября 1921 г. американец Соммервиль открыл представительство этой благотворительной организации в Сызрани [2. Л. 1].

Сызранский Комитет АРА имел следующий состав: заведующий народным образованием Д. Е. Синявский, заведующий уездным отделом статистического бюро Е. И. Ковалев, военный врач Р. И. Хаймович, гарнизонный врач М. М. Бекенев, доктора А. А. Павлов и Конопацкий, учитель М. Д. Денисова, ответственный секретарь уездного комитета РКП И. Ф. Рыбочкин и председатель уездного исполкома Воздвиженский [2. Л. 1]. В первые месяцы работы общие собрания членов комитета проходили еженедельно, решались все наиболее важные и принципиальные вопросы, текущая

административная и организационная работа в Сызранском комитете проводилась Президиумом.

«Общая инструкция районным уполномоченным полномочного представителя правительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи голодающим» от 27.04.1922 г. уполномоченных представителей АРА наделяла широкими правами и обязанностями:

- все распоряжения АРА организации и учреждения города и уезда должны были выполняться немедленно, в течение 48 часов;

- члены комитета должны учитывать все нужды населения голодающего района и изыскивать способы оказания помощи нуждающемуся населению;

- представители комитетов АРА обладали особыми мандатами, согласно которых им предоставлялись права беспрепятственного передвижения по всем путям сообщения РСФСР, подачи телеграмм, ведения переговоров по прямым проводам [1. Л. 16. 17].

Кроме организационно-управленческих направлений деятельности комитеты выполняли ревизионные функции: исследовали порядок отпуска пищи, проводили санитарное обследование столовых и кухонь, осуществляли контроль за хранением продуктов, материальной отчетностью, обеспечением инвентарем и др. Инспекторы делали отметку о проведении проверок в книге ревизий столовой [1. Л. 19].

Основная деятельность АРА сводилась к тому, чтобы накормить голодающих в уезде, в первую очередь, детей. Срочно были сформированы комиссии по квартирному обходу с целью определения по пяти группам нуждаемости каждой семьи:

1 группа – безусловно остро нуждающиеся, опухшие от голода, находящиеся в острой нужде;

2 группа – лица, временно попавшие в состояние нужды (например, больные, которые после выздоровления могут выбиться из тяжелого положения, или семья, ожидающая урожая и пр.);

3 группа – достаточно сильное население, способное выполнять общественные работы;

4 группа – семьи, могущие прожить без посторонней помощи;

5 группа – явно ненуждающиеся, имеющие запас продовольствия или большие запасы имущества или скота [3. Л. 4 об.].

Всем нуждающимся были выданы талоны на питание, на обороте которых стояла печать АРА.

Комиссиями были обследованы не только нуждающиеся семьи, но и детские учреждения. В актах отмечались неблагоприятные условия для проживания (разбитые стекла в помещениях, скудность мебели, низкая освещенность, недостаток в оборудовании и пр.) [4. Л. 84–97].

Не всегда благоприятно складывались отношения между АРА и местной властью. Так, газета «Сызранский коммунар» 10 января 1922 г. обвиняла американское правительство в том, что на содержание голодного ребенка затрачивается около 1 доллара в день.

Корреспондент писал, что американцы выжидают, «когда смерть будет гулять по России неограниченным властелином» [5]. Эта же газета 18 февраля 1922 г. сообщила о том, что Комитет АРА в селе Костычи неправильно распределяет карточки на питание, в стороне остаются многодетные семьи и калеки [6].

Городской отдел труда Сызранского уезда в октябре 1922 г. докладывал уполномоченному РСФСР при АРА о том, что в Сызрани в здании женского монастыря

помещается столовая, и все служащие набраны из монашек – «чуждого рабочему классу элемента». На данную жалобу была наложена следующая резолюция: «Сообщить отделу труда, что АРА нанимает служащих, кого им нужно, так как у них заключен договор с РСФСР и вмешиваться в это дело никому право не дано» [1. Л. 171].

Катастрофически не хватало продуктов питания, денежных средств, одежды, обуви, медикаментов. При этом местные представители АРА, учитывали замечания из голодающих районов. Старались, по возможности, изменить во вкусовом отношении обеда, выдаваемые детям, так как питание, организованное комитетами, АРА плохо переносились некоторыми детьми. Например, «Сведения о работе питательного пункта АРА» за июль 1922 г. подтверждают, что в столовой № 5 села Мордовская Темрязань за отчетный период при приготовлении блюд использовали продукты питания, о которых ни дети, ни взрослое население не знали и которые никогда не ели (маис, фасоль, хлопковое масло, рис, какао и др.) [7. Л. 98–101].

Второй блок источников – это сведения и отчеты о работе питательных пунктов, в которых содержится материал о количестве выданных пайков и обедов, открытых столовых и местонахождении этих столовых. Например, в «Сведениях о питательных пунктах по Сызранскому уезду за декабрь 1921 года», отмечается, «что в уезде открыта 171 столовая, питание организовано при больницах, детских домах, школах, монастырях [2. Л. 7–10].

За отчетный период с 17 по 23 декабря 1921 г. в городе Сызрани функционировало 16 детских домов, 2 интерната, 2 дома ребенка, 5 детских столовых, 1 дом

матери и младенца, 1 дом младенчества, 7 больниц, при которых работали столовые АРА. Всего в уезде за этот отчетный период обслуживалось 30866 детей» [8. Л. 19].

В середине 1922 г. наблюдается тенденция увеличения количества питательных пунктов и выдаваемых обедов. Из анализа «Сведений о работе питательных пунктов АРА за июнь 1922 года» следует: в начале июня 1922 г. в Сызрани в столовой № 4, в женском монастыре на ул. Советской было выдано 10070 обедов, то в конце того же месяца количество выдаваемых обедов увеличилось до 11460 [9. Л. 3–5], в столовой № 1, расположенной на ул. Советской, 17 в среднем за неделю было выдано более 12000 обедов [9. Л. 109]. В селе Батраки с 1 по 7 июня 1922 г. было выдано 4760 обедов, а с 24 июня по 1 июля 1922 г. – 4886 [9. Л. 85].

В 1923 г. в селах Сызранского уезда продолжает расти количество голодающих, еженедельно пополняются списки детей, нуждающихся в питании. Документы свидетельствуют о следующих печальных фактах: в селе Бештановка при столовой № 14 кормили 292 детей в возрасте от 6 месяцев до 11 лет [10. Л. 82–87], в столовой № 43 села Губино в июне 1923 г. питалось 290 детей в возрасте от 1 года до 12 лет [10. Л. 112], в столовой № 112 села Русская Темрязань в июне 1923 г. выдавались обеды 192 детям в возрасте от 3-х месяцев до 13 лет [10. Л. 52–59]. К американцам, членам комитета обращались голодающие, которые просили давать пищу домой, чтобы поделиться обедом со взрослыми членами своей семьи. Обессиленным детям обеды стали доставлять домой. Так, в селе Старая Ярыкла с 1 июля по 1 августа 1923 г. голодающим детям на дом было выдано 2345 обедов, в деревне Старо-Тимошкино за этот же период выдано 10275 обедов [7. Л. 22], из них

на дом – 125 [7. Л. 149]. Районные уполномоченные при комитетах АРА обладали правом выдачи дополнительных обедов больным в больницах [1. Л. 9, 12, 14].

На комитеты АРА были возложены обязанности учета голодающих детей, предоставления помещений под столовые, кухни, склады, квартиры для персонала, обеспечения средствами связи, снабжения транспортом. Например, «Сведения о движении грузов по железным дорогам с 1 мая по 1 июня 1922 г.» содержат информацию об отправлении из Москвы и Симбирска продуктов питания для Сызранского комитета АРА с указанием упаковочной и весовой единиц. За этот период в Сызрань было отправлено 143 пуда какао, 746 пудов жира, 992 пуда муки, 10 тюков одежды, 157696 банок молока и др. [11. Л. 13]. Главными задачами АРА были сокращение «живых» детских очередей, выдача обедов больным и слабосильным на дом, контроль за качеством приготовления пищи, отчетностью, докладами о состоянии работ.

Третий блок источников – списки детей, находящихся в детских домах и обслуживаемых комитетами АРА, списки рабочих и служащих Сызранского уездного русско-американского комитета помощи (АРА), списки на выдачу заработной платы, пайков рабочим и служащим АРА и др.

Исследуя эту группу источников, можно установить: количество детей, получавших питание, имена сотрудников комитетов АРА, время поступления на службу, фамилии председателей и секретарей волостных комитетов АРА и др. сведения. Например, в августе 1922 г. в «Списке служащих уездного комитета на получение советского пайка за август» состояли 79 человек, среди них председатели Батракского, Кузоватов-

ского, Кашпирского, Никольского, Ст. Костычевского, Шигонского волостных комитетов [12. Л. 10–15, 18, 19]. «Раздаточный список на выдачу жалованья охранникам склада АРА» за февраль и март 1923 г. показывает, что заработная плата колебалась от 71 до 647 рублей [13. Л. 6–7]. «Списки детей Дома ребенка № 1» за март и апрель 1922 г. свидетельствуют об увеличении числа детей, охваченных питанием. Так, в марте 1922 г. в Доме ребенка содержалось и питалось 20 детей, то в апреле этого же года уже 25 [14. Л. 44, 46]. Такой документ как «Движение детей за апрель 1922 г.» имеет печальную статистику, показывает число умерших детей и отправленных на лечение в больницу [15. Л. 8].

Для организации питания нужны были столовые, оборудование для них, топливо, содержание в исправности дорог, мостов, вывоз мусора, ремонт и др. Чтобы обеспечить бесперебойную работу столовых, АРА организует общественные работы, а работников этих столовых также обеспечивает питанием.

Отчеты о расходе продуктов доставлялись уездному комитету помощи голодающим с указанием проведенных общественных работ и исполнителей [3. Л. 4]. Например, Осиновский Комитет взаимопомощи в «Кратком отчете о расходе продовольствия за июль 1922 г.» извещает, что И. Т. Лобанову (с. Ермаковка) за ремонт в народной школе было выдано пшеничной и овсяной муки, гороха; Стрежневой Акулине (вдове) за посев озимого клина был выдан один пуд овсяной муки [1. Л. 68].

Уездный комитет АРА взял на себя ответственность не только за питание, но и оказание помощи по обеспечению одеждой. Директор медицинской части Сызранского комитета АРА в «Докладной записке уис-

полкому» от 15 марта 1922 г. сообщает, что к 1 марта 1922 года нуждающимся жителям Сызрани было выдано 140 фланелевых платьев, 329 ночных рубашек, 160 халатов, 901 полотенце, 13433 пары чулок, 903 пары носков, а также юбки, одеяла, простыни, напульсники [8. Л. 3].

Таким образом, документальные материалы, которые сосредоточены помогают раскрыть одну из трагических страниц истории Сызрани и уезда. Перед исследователями стоят большие задачи по их дальнейшему изучению и анализу.

Источники

1. Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО). Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 3.
2. СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 2.
3. СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 1.
4. СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 5.
5. Сызранский коммунары: орган исполнительного комитета Сызранского уездного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов Симбирской губернии. 1922. 10 января. № 7.
6. Сызранский коммунары: орган исполнительного комитета Сызранского уездного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов Симбирской губернии. 1922. 18 февраля. № 40.
7. СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 10.
8. СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 4.
9. СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 9.
10. СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 13.
11. СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 8.
12. СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 11.
13. СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 12.
14. СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 6.
15. СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 7.

О месте рождения О. Л. Книппер-Чеховой. Поиск глазовских корней актрисы

Г. А. Кочин

В наше время одним из самых известных уроженцев города Глазова является Ольга Леонардовна Книппер-Чехова – актриса Московского художественного академического театра (МХАТ) с момента его основания, первая исполнительница главных женских ролей во всех пьесах А. П. Чехова. В 1901 г. она становится женой писателя.

В связи с приближающимся 150-летним юбилеем со дня рождения всемирно прославленной актрисы и супруги великого русского литератора по заданию Глазовского краеведческого музея был проведен поиск в нескольких архивах документов и материалов, свидетельствующих о том, что местом рождения О. Л. Книппер-Чеховой являются г. Глазов или Глазовский уезд.

В историографии общепризнанной является версия о том, что отец актрисы, инженер-технолог Леонард Августович Книппер, по происхождению эльзасский немец, уроженец Вены, в 1864 г. отправился в село Кокман Святогорской волости Глазовского уезда Вятской губернии работать на винокуренном заводе, принадлежавшем купцу Ивану Кононову [1]. В настоящее время это поселок Кокман Красногорского района Удмуртской Республики. В 1867–1868 гг. семья переезжает из Кокмана в уездный г. Глазов, где Леонард Книппер работает управляющим на одном из винокуренных заводов. В период 1870–1871 гг. Книпперы переселяются в Москву [2. С. 43]. Сама актриса в автобиографических записках, посвященных А. П. Чехову, так писала о своем происхождении и раннем детстве: «Я росла в семье, не терпевшей нужды. Отец мой, инженер-технолог, был

некоторое время управляющим завода в бывш. Вятской губернии, где я и родилась. Родители переехали в Москву, когда мне было два года, и здесь провела я всю свою жизнь...» [3].

Известный в г. Глазове писатель-краевед и один из основателей Глазовского клуба краеведов Геннадий Михайлович Ложкин, занимавшийся в 2000-е гг. сбором материалов для написания книги «Лесная обитель» по истории поселения Кокман, «поставил себе скромную задачу – узнать, где и когда родилась Ольга Книппер и ее родители». Г. М. Ложкин разослал запросы в государственные архивы городов Уфы, Кирова, Ижевска, Москвы, Санкт-Петербурга, а также в Эстонию, послу Австрии в России и другим лицам [2. С. 41]. Однако часть запросов осталась без ответа, а полученные справки в корне противоречили друг другу. В частности, в разных справках год рождения актрисы указывался как 1870-й, в других – 1868-й, а местом рождения – то Кокманский завод, то г. Глазов [2. Л. 43–44]. Согласно архивной справке Государственного архива Кировской области от 10 сентября 1996 г., выданной Г. М. Ложкину, «по документам ГАКО обнаружить сведений о деятельности Леонарда Книппера не удалось».

Большое внимание вопросу о происхождении О. Л. Книппер-Чеховой уделила известный вятский литератор и краевед, редактор и издатель Тамара Константиновна Николаева. В 1990-е гг. она собирала в архивах г. Кирова материалы для книги «Антон Павлович Чехов и Вятская земля» [4]. Однако, по признанию Т. К. Николаевой, после 5–6 лет работы в архивах ей также не удалось обнаружить ничего достоверного о пребывании Книпперов в Вятской губернии [2. С. 46].

Часть архивных поисков проходила в Ижевске – в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР). В 2017–2018 гг. в фондах архива были просмотрены два десятка дел из фонда Глазовской уездной управы (Ф. 5) и фонда Съезда мировых судей Глазовского уезда (Ф. 86. за 1867–1871 гг.), а также «Дело об укусах на Кокманском заводе девочки Марфы Сомовой медведями» 1866 г. из фонда Глазовского уездного суда [8]. Были изучены все метрические книги Преображенского собора города Глазова за 1861–1871 гг. (Ф. 63). Существовала надежда, что члены семьи Книппер могли быть упомянуты в книгах хотя бы как свидетели при крещении и венчаниях прихожан собора. Но нигде ни одного упоминания о семье Книпперов обнаружено не было.

Также работа по поиску документов по Книпперам проходила в Государственном архиве Кировской области. В июне 2017 г. там было выявлено и скопировано несколько материалов по истории Кокманского завода за период 1850–1881 гг.

В частности, там имеются представленные в 1870 г. в Вятский статистический комитет «Сведения» о деятельности Кокманского винокуренного завода. Тогда персонал завода состоял из одного мастера, семи «слесарей, кузнецов и механиков» и рабочих, число которых доходило до 200 «во время винокурения» и сокращалось до 50 «в прочее время». В то время на заводе на должности инженера-механика работал некий прусский подданный из Вены, живший в России по «билету» (вид на жительство) от вятского губернатора [5. Л. 328 об., 477]. На первый взгляд, этот иностранец вполне может быть Леонардом Книппером, так как здесь совпадает очень многое: и время, и подданство, и город, и должность

инженера. Но в ведомости фамилия иностранца указана не была, и нет никаких гарантий того, что мы имеем дело именно с отцом Ольги Леонардовны.

Можно согласиться с мнением Т. К. Николаевой, что, скорее всего Ольга Книппер все же «родилась в Глазове. Мать ее беременная жила в Глазове, кажется со своею матерью. То есть мать поселилась в Глазове только ввиду родов...» [2. С. 46]. Возможно, что инженер Книппер вплоть до своего отъезда в Москву продолжал работу на Кокманском винокуренном заводе. Накануне рождения дочери Ольги он мог отправить беременную жену из сельской глуши в г. Глазов, но сам оставался жить в Кокмане. Однако при недостатке достоверных документальных свидетельств ни подвергнуть сомнению, ни доказать эту версию пока не представляется возможным.

В июле 2018 г. в ГАКО были просмотрены 40 описей фонда Канцелярии вятского губернатора (Ф. 582) и 24 описи фонда Вятского губернского правления (Ф. 583). По результатам поиска были просмотрены 20 архивных дел за 1861–1871 гг. Однако обнаружить материалы непосредственно по Книпперам снова не удалось.

В мае 2018 г. во время поездки в Москву был произведен поиск биографических документов О. Л. Книппер-Чеховой в фондах музея Московского художественного академического театра (МХАТ). В фондах музея удалось ознакомиться с несколькими весьма ценными документами: двумя паспортными книжками О. Л. Книппер-Чеховой, выданными в 1896 и 1915 гг. и ее личным делом из отдела кадров театра.

«Безсрочные» паспортные книжки оказались единственными дореволюционными документами в

фондах музея МХАТ, содержащими сведения по биографии актрисы. Согласно первому паспорту, выданному 8 июля 1896 г., самым ранним свидетельством о рождении актрисы являлась метрика Московской евангелическо-лютеранской консистории, выданная в Москве 26 июня 1875 г., спустя семь лет после появления О. Л. Книппер на свет [6]. Скорее всего, это было вызвано тем, что в Глазовском уезде не имелось лютеранских храмов, а в православные церкви Книпперы за регистрацией ребенка не обращались. В «Паспортной книжке», выданной 18 октября 1915 г., в графе «Время рождения» указывается 9 сентября 1868 г. [6].

В «Личном деле» и других документах актрисы МХАТ особый интерес и, в то же время, недоумение вызывают сведения, подаваемые самой О. Л. Книппер-Чеховой о времени и месте своего рождения. В частности, в ее «Биографических сведениях» за 1933 г. утверждается, что О. Л. Книппер-Чехова «родилась 22 сентября 1870 года» [6]. В «Трудовом списке» 1928 г. время рождения также указано как 22 сентября 1870 г. В «Анкете» 1940-х гг. актриса снова собственноручно пишет ту же самую дату. Правда, там же в «Анкете», отдел кадров МХАТ вносит уточнение, что согласно «Свидетельству об образовании» Ольги Книппер от 1886 г., датой рождения актрисы все же является 9 сентября 1868 г. (по старому стилю). В 1948 г. О. Л. Книппер-Чехова начинает свою краткую автобиографию так: «Родилась я в Москве, в 1870 г. в семье инженера...». В еще нескольких документах также указано: «Год рождения 1870, место – Москва» [6].

Возможно, таким наивным способом стареющая актриса пыталась, хоть ненамного, но приуменьшить свой возраст. И, поскольку почти вся жизнь О. Л. Книпп-

пер-Чеховой прошла в Москве, то, естественно, она считала столичный город своей подлинной родиной. Скорее всего, эти манипуляции актрисы с документами и послужили причиной многих разночтений, существующих во многих ее биографиях и справках.

До сих пор единственными и вполне достоверными доказательствами появления на свет О. Л. Книппер-Чеховой в Глазове остаются не архивные документы, а интервью актрисы, ее приветственные телеграммы в Удмуртию и частные беседы с близкими.

В частности, на склоне лет, в письме в редакцию газеты «Удмуртская правда» от 25 февраля 1954 г., в ответ на запрос журналиста Е. М. Флейса о месте ее рождения, Ольга Леонардовна отвечала так: «Да, я родилась недалеко от Глазова, но когда мне минуло 2 года, родители переехали в Москву, где я по сию пору существую» [1].

В 1958 г., на своем 90-летнем юбилее, отмечавшемся во МХАТ, получив поздравительное послание от коллектива Глазовского народного театра, актриса со слезами на глазах сказала: «Это самый дорогой для меня привет из города моего раннего детства» [7. С. 141]. По словам Е. М. Флейса, «в последнем своем письме, полученном мною в январе 1959 года, Книппер-Чехова писала: «Мне бы очень хотелось приехать и посмотреть, как похорошел мой родной город». К сожалению, ее желание не осуществилось. 22 марта 1959 года Ольга Леонардовна скончалась» [7. С. 148].

Таким образом, в ходе поисков в архивах и краеведческой литературе было выявлено немало материалов, позволяющих дополнить биографию и образ О. Л. Книппер-Чеховой. Попутно была собран много

документов по истории уездного города Глазова и винокуренных заводов Глазовского уезда середины XIX в.

Но прояснить до конца вопрос о месте рождения и раннем детстве актрисы пока так и не удалось, но остается надежда на то, что в будущем исследователям все-таки удастся обнаружить новые документы и материалы, которые прольют свет на малоизвестные страницы биографии О. Л. Книппер-Чеховой.

Источники

1. Иванова, Е. А. О месте рождения актрисы О. Л. Книппер-Чеховой / Е. А. Иванова. – <http://udmkrai.unatlib.ru/?p=4>.
2. Ложкин, Г. М. Лесная обитель (история Лесного поселения Кокман). – Глазов, 2010. – 252 с.
3. Чехов в воспоминаниях современников. Второе, дополненное издание. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954. – 591 с.
4. Николаева, Т. К. Антон Павлович Чехов и Вятская земля. Киров, 1995. – 68 с.
5. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. 574. Оп.1. Д. 353.
6. Музей Московского художественного академического театра. Фонд О. Л. Книппер-Чеховой (К-4).
7. Флейс Е. Народная артистка // Слово о земляках: Сборник. Ижевск: «Удмуртия», 1965.
8. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 126. Оп. 1. Д. 431.

Источники Центрального государственного архива Кировской области в научных исследованиях по истории архитектуры Удмуртии конца XVIII – начала XX в.

М. В. Курочкин, Н. В. Рыжкова

Исторические источники являются первоосновой любой научно-исследовательской и научно-практи-

ческой деятельности. Особое значение они приобретают в исследованиях, связанных с изучением архитектурных объектов и творческой деятельности архитекторов давно ушедшей эпохи. В данной статье предлагается обзор источников, связанных с историко-архитектурным наследием Удмуртии конца XVIII – начала XX в.

Основным объектом нашего внимания является, так называемая, «архитектурно-строительная документация», «техническая документация архитектурно-строительного профиля» конца XVIII – начала XX в., т. е. архивные дела, которые фиксировали процессы проектирования, строительства и эксплуатации жилых, общественных и культовых зданий, а также отражали творческую деятельность и особенности творческого почерка того или иного архитектора. Основной массив этих документов в целом по Вятской губернии в дореволюционный период сосредоточен в следующих фондах:

- Ф. 619 – Вятская губернская строительная комиссия (1851–1865 гг.). Комиссия учреждена в 1832 г. для осуществления руководства строительством казенных зданий, дорог и контроля за гражданским строительством в губернии. Преобразована в губернскую строительную комиссию на основании Указа Сената от 28 апреля 1849 г. Ликвидирована на основании Указа Сената «О преобразовании гражданской строительной и дорожной части» от 12 ноября 1864 г. с передачей функций строительному отделению губернского правления;

- Ф. 620 – Вятская губернская строительная экспедиция (1781–1832 гг.). Экспедиция создана в составе Вятской казенной палаты на основании Указа Сената от 16 февраля 1781 г. для осуществления наблюдения за

состоянием мостов и перевозов, а также строительством и ремонтом казенных зданий;

•Ф. 582 – Канцелярия вятского губернатора (1796–1917 гг.). Должность вятского гражданского губернатора учреждена в 1796 г. Губернатор являлся главой местной администрации, свои функции выполнял с помощью ряда административных учреждений;

•Ф. 583 – Вятское губернское правление – документы строительное отделение правления (1866–1918 гг.) Первоначально открыто как наместническое правление – исполнительный орган власти в 1780 г. Преобразовано в губернское правление в 1796 г. Возглавлялось губернатором и осуществляло административно-хозяйственные и судебно-полицейские функции;

•Ф. Р-3846 – личный фонд главного архитектора г. Кирова Б. В. Зырина. Несомненным достоинством фонда является наличие самой разнообразной информации об архитектуре Вятки и Вятской губернии – документов по паспортизации архитектурных памятников, исторических справок, вырезок из периодических изданий, картинок, зарисовок и проектов.

Материалы, представленные в этих фондах, можно условно разделить на письменные источники (делопроизводственные, актовые и проч.) и изобразительные (графические, фотоматериалы).

Наибольшую ценность с точки зрения истории и теории архитектуры представляет группа изобразительных источников – графические и фотоматериалы (планы, чертежи, разрезы, фото различных зданий и сооружений). Именно они позволяют достоверно оценить внешний облик и планировку здания, оценить его функциональность, выявить стилистические особенности и предпочтения, установить заказчика.

По письменным источникам – сметам на постройку и ремонту отдельных зданий, делам по отводу земель из фондов Вятской губернской строительной и дорожной комиссий, Вятской губернской чертежной и Вятской межевой контор установлено местоположение и дополнен архитектурный образ многих исследуемых зданий, а также прослежена динамика строительства и особенности творческого почерка архитекторов. Интерес в исследованиях представляют переписка и технические резолюции, собранные в единый пакет документации. На основе переписки удалось выявить авторство значительного количества построек.

Протоколы строительного отделения Вятского губернского правления также позволяют уточнить или установить дату постройки зданий или сооружений, а также установить архитекторов, принимавших участие в этом процессе. Особую ценность, конечно, представляют документы, позволяющие оценить творческий потенциал и определенный творческий почерк архитекторов.

В процессе исследования оказалось, что творческое наследие любого архитектора может характеризовать не только стиль проектируемых им зданий, их характерные черты, но и стиль графического исполнения самого документа – чертежа. Чертежи, выполненные в разное время, необычайно интересны и выполнены в одной манере, характерной только для того или иного мастера. Комплексное изучение этого материала, безусловно, говорит о существовавшей стилевой общности проектных документов с одной стороны, и особенностях, характерных для того или иного мастера – с другой. Именно эти особенности мы и наблюдаем в архивных документах.

Проводившиеся исследования авторами статьи показали, что период творчества первого вятского губернского архитектора Филимона Меркурьевича Рослякова (1758–1806) представлен в основном рабочей перепиской и рапортами о строительстве храмов и гражданских зданий на территории Вятской губернии в архивном деле «Ведомости и рапорты Губернского архитектора о составлении им планов построек церквей, колоколен и иконостасов по Епархии за период с февраля 1796 г. по август 1801 г. Губернский архитектор Ф. М. Росляков» [1]. Его здания в большинстве случаев можно отретировать только по годовым строительным спискам.

Творческое наследие вятского губернского архитектора Ивана Тимофеевича Соловкина (1809–1865) определяется пока только по типологии храмовых построек и сведения о нем содержатся в «Деле по рапорту Губернского Архитектора Соловкина о награждении его чином Коллежского асессора, прочих чиновников комиссии с выслугой сроков. 12 января 1854 г. – 18 февраля 1855 г. [2].

Сохранилось значительное количество графического материала за период деятельности Михаила Станиславовича Купинского (1829–1891), позволяющего оценить потенциал данного мастера [3].

Документальный материал за более чем двадцатилетний период творчества вятского губернского инженера и архитектора Александра Степановича Андреева (1829 – после 1905) в основном ограничен рабочей перепиской [4].

Наиболее полно отражен графическими и иными письменными источниками (переписка, протоколы и проч.) творческий период Вятского губернского архитек-

тора Ивана Аполлоновича Чарушина (1862–1945). Такой активности, работоспособности и такого грандиозного размаха творческой деятельности, отразившейся в «Деле о службе и. д. Губернского инженера Строительного отделения Вятского губернского правления Ивана Аполлоновича Чарушина. 13 сентября 1893 г. – 28 марта 1918 г.», не наблюдалось ни у одного из архитекторов Вятской губернии. [5].

Следует заметить, что при работе с графическим документом для определения авторства постройки необходимо учитывать и анализировать не только верхнюю, утверждающую документ подпись того или иного архитектора. Чаще всего авторство определяется по надписи: «губернский архитектор...». Заметим, что каждый чертеж утверждался в Министерстве внутренних дел и проходил несколько этапов согласований: губернатор, губернский инженер, губернский архитектор. Исследователи, сославшись только на имя губернского архитектора, совершают ошибку. Авторство проекта на документе подтверждается в нижней кромке или в правом нижнем углу чертежа.

Таким образом, в ходе научных исследований, проводимых авторами в ЦГАКО, были установлены многие факты строительства и подтверждения авторства различных построек, выявлены новые имена архитекторов, занимавшихся строительством и проектированием в Вятской губернии в изучаемый период.

Выявление новых имен легло в основу различных публикаций. Только по г. Сарапулу в разное время работали архитекторы: Кашкарев Петр Петрович, Федоров Александр Матвеевич, Гросс Густав Людвигович, Акимов Николай Павлович, Оловягин Николай Петрович, Галкин Николай Алексеевич, Кочуров Евгений Ивано-

вич, Бухгольц Матвей Алоизович, Горностаев Дмитрий Захарович и т. д. [6. С. 312–316].

Использование, сопоставление и всесторонний анализ перечисленных источников, сосредоточенных в архиве, позволяет научно, комплексно и объективно решать проблемы, связанные с научным изучением историко-архитектурных процессов Удмуртии конца XVIII – начала XX в., а также, возможно, определить первоначальную достоверную историческую базу для проведения работ по реставрации и реконструкции историко-культурного наследия городов Вятской губернии.

Источники

1. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). 583. Оп. 601. Д. 447.
2. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 2. Д. 2613.
3. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 439 (Формулярный список служащих Вятского губернского правления за 1869 г.).
4. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 344 (Формулярный список служащих Вятского губернского правления за 1859 г.).
5. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 976 б.
6. Курочкин, М. В. Архитекторские уполномоченные Сарапульского земства // Научный альманах. Тамбов, 2016. № 7. Ч. 2.

Архивные документы о художнике А. Н. Князеве

Т. В. Малышева

Немецкому писателю И. В. Гете принадлежит мысль о том, что основная задача биографа – изобразить человека в соотношении его со временем: в какой степени оно было ему враждебно, в какой благоприятствовало, как под воздействием внешних событий сложились воззрения человека на мир.

Этот гетевский принцип соответствовал моей задаче биографа, и помог в этом личный фонд Князева, хранящийся в Центральном государственном архиве Кировской области в составе Коллекции документов художников Кировской области (Ф. Р-755). В нем оказались дореволюционные документы Казанского учебного округа Министерства народного просвещения об окончании гимназии и аттестации. Процитируем один из них: «Педагогический совет Вятской 2-й мужской гимназии аттестует на право преподавания рисования и черчения в начальных училищах 25 сентября 1914 г. сына Действительного статского советника Алексея Николаевича Князева». В том же свидетельстве запись: «По распоряжению попечителя округа от 14 декабря 1914 г. за № 8138, оклад 500 р. в год положен и назначение на должность учителя графических искусств Уржумского высшего начального училища от 12 января 1915 г. № 239». Распоряжение подписано директором народных училищ А. Тихановым.

Алексей Николаевич Князев в 1914 г. изображен на фотопортрете М. Шиляева с сургучной гербовой печатью Вятской губернской гимназии.

Директор Вятской 1-й гимназии, действительный статский советник и кавалер Сергей Богатырев 7 декабря 1915 г. подписывает аттестат бывшему ученику пятого класса Алексею Николаевичу Князеву, сыну действительного статского советника, родившемуся 22 сентября 1894 г., в том, что он имеет право в течение года со дня выдачи поступить на военную службу вольноопределяющимся 2 разряда. Очень ценны эти официальные документы и фотография.

Информативна сохранившаяся в личном фонде папка с документами советской поры. Это, прежде все-

го, подробная автобиография, написанная собственноручно в 1948 г. Из нее мы узнаем, что военная служба Князева проходила с января 1915 г. в саперном батальоне в г. Старице Тверской губернии. В 1916 г. он был направлен на фронт, но ранен, лечился в госпитале г. Вышний Волочок, после ранения в армию не призывался, а вернулся на родину, оставшись инвалидом.

Ценны документы ранней советской поры: членский билет Союза работников искусств СССР, где прописано, что Князев беспартийный и запасной РККА, профсоюзный комитет РАБИС принял его в свои ряды с 1919 г.

Следующее дело «Материалы служебной и творческой деятельности А. Н. Князева. 1931–1953» с отзывами его товарищей. Также «трудовая книжка», документы Ждановского ЗАГСа, статья художника А. А. Потехина из газеты «Комсомольское племя» и каталог посмертной выставки 1953 г. со статьей К. П. Анисовой, дело с фотодокументами, любительскими снимками в мастерской и на природе.

Из документов мы узнаем, что после возвращения с фронта Князев два года преподавал черчение и рисование в школе им. К. Д. Ушинского. В 1919 г. он был одним из организаторов Вятской народной студии художеств, в которой состоял преподавателем рисунка и живописи.

Хотя война прервала занятия искусством, но опыт был: параллельно гимназическому курсу – три года в студии вятского академика В. Н. Хлебникова, перед войной в Петроградской частной школе Я. С. Гольдбладта. В конце 1921 г. поступил на 3-й курс Ленинградских высших художественных мастерских декоративных искусств (бывшее училище барона Штиглица).

До марта 1922 г. работал под руководством художника А. Е. Карева, но по состоянию здоровья вынужден, не окончив курса, вернуться в Вятку.

Осенью 1922 г. был принят на работу в Художественно-промышленный техникум на должность преподавателя рисования и живописи для 1 и 2 групп. Выбыл из него по реорганизации последнего в Кустарный техникум.

В 1926 г. А.Н. Князев числится одним из инициаторов и организаторов филиала АХРР в г. Вятке, где и состоял членом правления до его ликвидации.

В 1931 г. жил в Москве и работал как художник-оформитель.

В 1932 г. был приглашен на работу в г. Вятку в качестве преподавателя рисования и живописи на художественно-педагогическое отделение при Вятском педагогическом техникуме, который с 1937 г. назывался Кировским физкультурно-педагогическим техникумом с главными отделениями – физкультурным и художественным. К руководству художественным отделением даже был первоначально назначен А. Н. Князев, но его вскоре заменил выпускник Академии художеств П. Е. Сумароков, прибывший из г. Архангельска.

В конце 1938 г. преподавателя рисунка и живописи Князева премировали месячным окладом за отличную подготовку учителей рисования и черчения.

Князев перенес самую тяжкую эпоху поспешных решений, когда человек становится жертвой быстро меняющихся событий, нововведений, отмен, когда вырабатывается наиболее приемлемое, выбирается оптимальное, самое удобное для общества состояние.

В 1932–1939 гг. в его трудовой книжке значится должность художника-оформителя в Кировском об-

ластном Государственном музее краеведения, в частности, его филиале – Музее Революции.

Почти каждый год в судьбе Алексея Николаевича происходили значимые события. Его активная гражданская позиция достойна уважения. Еще в 1933 г. он был одним из инициаторов и организаторов товарищества, вошел в первое правление, избранное на четыре года. В газете «Кировская правда» от 28 декабря 1934 г. сообщалось, что Князев для Музея Революции написал картину, в которой отобразил октябрьский переворот в Вятке, что-то вроде нынешнего диорамного полотна. В июле 1938 г. художника признают ударником оформительского труда.

В 1938 году оставил работу в музее и перешел в товарищество «Кировский художник». В октябре 1939 г. он покинул педучилище, в нем начали преподавать А. А. Потехин, А. П. Широков и Ф. А. Шпак – дипломированные педагоги с академическим образованием, а Алексей Николаевич из-за ранения и инвалидности имел лишь незаконченное высшее.

В 1939 г. в числе пяти местных художников Князев оформлял на ВДНХ зал Кировской области. Двадцать живописных этюдов отобрали в Москву, и его картины – лучшие на выставке.

В автобиографии Князев после перечисления своих лучших произведений, находящихся в Кировском областном художественном музее, с гордостью советского гражданина пишет: «В 1939 году был издан массовым тиражом мой плакат к выборам в Верховный совет РСФСР».

В 1948 г. он вновь избран членом правления Кировского областного Союза советских художников. Считал эту деятельность основной и работал до самой

смерти, наступившей 14 апреля 1953 г. в возрасте 58-и лет.

Художник А. А. Потехин в своей статье о посмертной выставке Князева отмечает, что «нет и следа надломленности» даже в самых последних произведениях нашего героя. Искусствовед Клавдия Павловна Анисова в каталоге пишет, что его лучшие картины и этюды говорят о нем как о художнике, «глубоко и искренне любившем природу родного края. В этом отношении его можно поставить в ряд с другим замечательным мастером этюда, горячим патриотом Н. Н. Хохлаковым».

В течение жизни Князев волею судьбы бывал и участвовал на выставках в Москве, Петрограде-Ленинграде, Вышнем Волочке, Феодосии, Перми, Горьком, Ессентуках, Риге. Ему было куда вернуться в Вятку, в родной и теплый дом на высоком берегу реки. Адрес он написал в автобиографии: ул. Труда, дом 3, напротив Александровского сада.

Работая уже по другой теме, я случайно нашла в фонде Р-897 «Список граждан г. Вятки, в досоветское время занимавших ответственные должности (возраст, место проживания и новой службы, состав семьи на 1919 год)». Тогда поняла, что у Алексея Николаевича «сквозь революцию» прошел отец, действительный статский советник и ректор реального училища в г. Вятке, было в живых пятеро братьев и сестер, только мамочка не вынесла и, страдая за всех, «ушла» преждевременно.

В бывшем Государственном архиве социально-политической истории в книге отзывов о посмертной выставке, нашлась благодарность его сестер и братьев – старых заслуженных учителей за то, что состоялась вы-

ставка их брата А. Н. Князева, что его узнала общественность города. Поэтому появилась надежда, когда в следующем, 2019 г. (22 сентября – 125 лет со дня рождения) в серии выставок «Малые вятчане» состоится персональная выставка А. Н. Князева в Доме-музее художника Н. Н. Хохрякова, найдется кто-нибудь из потомков Алексея Николаевича. Главное, чтобы память ожила, в том числе благодаря архиву. Уже в конце этого года выйдет «Памятная книжка» с юбилейной статьей «Вятский художник Алексей Князев».

Пензенский областной архив и журнал «Пензенское краеведение»

Е. С. Мясоедов

Издание нового периодического краеведческого журнала стало возможным благодаря созданию в ноябре 2013 г. региональной общественной организации краеведов Пензенской области, которая разработала проект «Комплексной программы развития краеведческого движения в Пензенской области». Эту программу поддержал Государственный архив Пензенской области.

Данный проект впервые в истории нашего региона поставил краеведческое движение в ряд приоритетных и важнейших направлений.

Редационный совет журнала учитывал, что пензенский читатель не обделен краеведческой информацией. Несмотря на известные трудности, продолжают выходить самые различные издания: книги, брошюры, буклеты, плакаты, а особенно альбомы. Знания несут добротные газетные публикации.

Однако нужда в краеведческом журнале огромная, и в особенности для молодого поколения пензенцев, ко-

торое получило возможность осуществить свои творческие замыслы на страницах издания. По нашему глубокому убеждению, привлечение молодых краеведов к работе с архивными источниками и возможностью бесплатной публикации является важным инструментом в популяризации краеведческого движения, что в свою очередь позволит сохранить интеллектуальные ресурсы на территории области, а это сегодня является весьма важной проблемой для всех регионов страны.

Становление нового журнала – событие настолько значительное, что его трудно переоценить. Журнал – это возможность высказаться по любой проблеме и поделиться своими знаниями, а также почерпнуть сведения об окружающем нас мире.

В настоящее время в России издается большое число разнообразной краеведческой литературы – от рекламных буклетов до серьезных монографических исследований. В различных регионах выходят продолжающиеся издания, как правило, это материалы тех или иных чтений, конференций, которые устраиваются регулярно и имеют многолетние традиции. Однако узкоспециализированных краеведческих периодических органов – журналов, представляющих краеведческое движение в регионах, – в стране немного.

Для того чтобы наладить выпуск добротного и интересного журнала, необходим, во-первых, квалифицированный редакционный коллектив, состоящий из энтузиастов своего дела и, во-вторых, стабильное и достаточное финансирование. Энтузиастами пензенское краеведение всегда было богато. Отрадным является и понимание необходимости подобного издания со стороны правительства Пензенской области, руководства Пензенского государственного университета и ГАПО, ока-

завших как финансовую, так и научную поддержку новому краеведческому журналу.

В этом журнале, наряду с местной краеведческой проблематикой, отражается как многогранный опыт работы краеведческих объединений в других регионах, так и основные достижения всероссийского краеведческого движения.

В январе 2014 г. был создан редакционный совет нового журнала, в который вошли ведущие пензенские краеведы и сотрудники ГАПО. Презентация первого номера состоялась 18 декабря 2014 г. Читателю были предложены следующие рубрики (отделы): «Наши юбилеи», «Личность в пензенском краеведении», «Культурное наследие», «Тайны, находки, открытия», «Дискуссии», «Точка на карте области», «Здравствуйте, я ваш экскурсовод!», «В записную книжку краеведа», «Школьные страницы».

По мере развития журнала появлялись новые рубрики. Так, в первом номере журнала за 2015 г. состоялась премьера рубрик: «Наука», «Родная старина» редактором является директор ГАПО, «Природа»; во втором номере – «Высшая школа»; в третьем – «Советуем почитать» и «Конференции». Следует заметить, что не все рубрики прижились. За четыре года издания журнала наиболее популярными у читателя стали отделы: «Наши юбилеи», «Личность в пензенском краеведении», «Культурное наследие», «Тайны, находки, открытия», «Здравствуйте, я ваш экскурсовод!», «Школьные страницы». Чем обусловлена их популярность? В рубрике «Наши юбилеи» публикуются материалы о памятных событиях в жизни области, организаций, учреждений, предприятий, о юбилеях пензенских краеведов, поэтому материалы для нее расписываются заранее на не-

сколько номеров вперед. Этому во многом способствует публикация в последнем номере журнала «Календаря памятных и юбилейных дат Пензенского края» на следующий год. Причем неуклонно идет тенденция к увеличению численности материалов в этой рубрике. Так, например, в первом номере за 2015 г. в ней была опубликована лишь одна статья, а в первом номере за 2016 г. – уже пять. Рубрика «Личность в пензенском краеведении» в какой-то мере ликвидирует образовавшуюся лагуну в освещении творчества пензенских краеведов. В ней мы рассказывали о жизни и творчестве известных пензенских краеведов О. М. Савина, Г. И. Мешкова, Г. В. Еремина, В. И. Лебедева, Г. Е. Горланова, В. С. Година, которому в честь столетия образования архивной службы на здании нашего архива была открыта мемориальная доска-горельеф. В рубрике «Культурное наследие» мы обычно рассказываем о писателях, поэтах, композиторах, режиссерах, актерах, художниках, архитекторах, просветителях, связанных с Пензенским краем.

Постоянной ведущей рубрики «Здравствуйте, я ваш экскурсовод!» является Т. А. Кайманова, человек много лет проработавший в Литературном музее г. Пензы, в различных экскурсионных бюро, являющийся автором учебного пособия «Экскурсоведение. Теория и экскурсоведческая практика». На методических материалах, опубликованных в нашем журнале, проводятся занятия с начинающими экскурсоводами в вузах и школах. Для сельских школ они, по сути, являются единственным методическим пособием для экскурсоводов школьных краеведческих музеев.

Популярность рубрики «Школьные страницы» легко объяснима, здесь частыми авторами являются са-

ми школьники. Также мы рассказываем об истории средних учебных заведений, о школьных музеях, об учительских династиях. Все это в комплексе и определяет популярность этой рубрики.

Однако во многом содержание журнала зависит от наших авторов, а мы открыты для всех. Здесь может опубликоваться и школьник, только начинающий свой путь в краеведении, и маститый краевед. Это потому, что основным нашим читателем являются преподаватели, учителя, учащиеся, студенты, все, кому дорога Пензенская область. Мы стараемся, чтобы каждый номер журнала стал для них маленьким открытием родного края. Этому во многом способствует рубрика «Тайны, находки, открытия».

На этапе создания журнала редакционный совет осознавал, что нам придется завоевывать региональное информационное пространство. Поэтому мы сразу планировали его издание и в электронном виде, с последующим размещением в интернете. Сейчас с уверенностью можно сказать наши расчеты полностью оправдались. Молодежь в большинстве своем знакома с нашим журналом именно по электронным изданиям. Для многих из них он стал пособием для подготовки к урокам и практическим занятиям по краеведению.

Большим достижением для нашего журнала является то, что в январе 2016 г. он был включен в базу данных Российской национальной библиотеки в разделе «Краеведческая периодика России», а 2 июня 2018 г. журнал представлял нашу область на книжном фестивале «Красная площадь» в Москве.

На сегодняшний день журнал «Пензенское краеведение» прочно вошел в социокультурное пространство региона. Он впервые за время существования подобных

изданий поставил краеведческое движение в ряд важнейших и приоритетных направлений.

Журнал создает почву для формирования патриотизма и любви к родному краю, расширяет знания молодежи о Пензенском крае и позволяет привлечь в краеведческое движение значительное количество молодежи, а также способствует развитию регионального туризма и туристической привлекательности Пензенской области. В этом процессе ведущую роль играет Государственный архив Пензенской области.

Документы по истории вятского миссионерства в архивном фонде Вятской духовной консистории

М. А. Орлов

В недавнем прошлом, когда еще доживала свой век советская империя, не только общественность Вятки, но даже авангард местной исторической науки с каким-то хладнокровным равнодушием относились к церковной истории. А если к ней попутно и обращались, то для того только, чтобы найти нужные сведения для выстраивания марксистской парадигмы. Даже в 1990-е гг., в то время, когда в столичных городах уже постепенно возвращались к обсуждению проблем церковной истории, в Кировском педагогическом институте аспирантам и студентам внушали, что, дескать «нечего искать в фонде Вятской духовной консистории».

Подавляющая часть исследователей занималась экономическими, социальными и политическими вопросами. Был потерян не только цельный взгляд на историю, но вместе с ним и умение работать с церковными источниками. Дореволюционные мэтры местной ис-

торической науки, такие, как А. Верещагин, П. Луппов и многие другие, свои труды создавали именно на основе документов духовного ведомства.

Лишь в последние два десятилетия часть ученых стала настойчивее обращаться к фонду Вятской духовной консистории. Однако в этих работах чувствуется отсутствие синтеза, неумение собирать архивный материал воедино и видеть в истории живой процесс.

Действительно ли в этом фонде нечего было искать? Конечно, подобное мнение – это выражение определенной идейной позиции. Нечего искать в источнике потому, что к документу не обращаются как к свидетельству эпохи. Умение поставить вопрос есть существенное свойство историка. Но качество самой постановки зависит от компетенции исследователя, его интуиции и широты мышления.

Фонды Центрального государственного архива Кировской области, в которых отложились разнообразные источники по церковной истории, хранят уникальные документы.

В этой небольшой статье мы попытаемся дать лишь небольшой обзор фонда Вятской духовной консистории, в котором имеются источники по истории православного миссионерства на Вятке.

Первые две описи фонда содержат Журналы заседаний консистории.

В журналах велись протокольные записи дел, которые рассматривались в присутствии членов консистории. Все дела можно разделить на две категории: те, в которых принимали непосредственное участие участники рассматриваемого дела, и те, которые зачитывались секретарем консистории. В последнем случае речь идет об императорских указах, архиерейских и консистор-

ских распоряжениях, а также переписке с гражданскими органами власти. Историческая важность всех этих журнальных записей состоит в том, что многие из них являются единственными источниками по многим рассмотренным в консистории делам. Дело в том, что часть дел дублировалась и сшивалась в отдельную опись, например, метрические книги. Однако некоторые записи в журналах оставались не продублированными. Таковы, например, указы Вятской духовной консистории игумену Иову Тукмачеву, касающиеся организации проповеди чердынским вогуличам, а также отчеты самого игумена об этой поездке [1. Л. 402, 495 об.].

Но значимость журналов заседаний Вятской духовной консистории не только в этом. При комплексном изучении отдельно взятой темы, в нашем случае – истории миссионерства, каждая «мелочная запись» может дать богатый материал для ответов на многие, казалось бы, уже решенные вопросы. Так, в советской литературе считалось неприличным ставить под сомнение применение силы при крещении, изъезженным перлом стала фраза «насильственное крещение». Эту фразу, вовсе не проверяя ее досконально по архивным источникам, мог вставить в свой труд любой местный историк [10. С. 46]. В постсоветское время такой штамп продолжал и продолжает рассматриваться в качестве некой аксиомы исторического знания. Но надо понимать, что в советское время это знамя поднималось во имя боевой антирелигиозной пропаганды. От новых, постсоветских историков требовался более трезвый подход. И все же некоторые работы продолжают наполняться подобными фразами, причем в общих категориях, не ссылаясь на источники. А если некоторые и ссылаются, то выборочно, не комплексно. Современные казанские историки ис-

пользуют эту, привычную для советского ученого фразу, в несколько переработанном аспекте: борьба у них носит уже не антирелигиозный, а антицерковный характер. Едва ли не на каждой странице книги известного казанского историка Ф. Г. Ислаева можно встретить фразы: «миссия на насильственное крещение», «духовное и экономическое принуждение», «русская колониальная власть» и даже «террор» [11].

Конечно, заявленная тема не уместится в рамках нашей статьи, однако некоторый путеводитель по фондам Вятской духовной консистории здесь весьма уместен. К примеру, журнальная запись о крещении мусульманина Каринского района Багися Урасина. Находясь в Вятской провинциальной канцелярии для приема в рекруты, он изъявил желание креститься в православную веру. От него была взята расписка, в том, что «подлинно ли он от себя веру христианского благочестия принять желает». После получения утвердительного ответа Урасин отослан к хлыновскому священнику, который его вскоре и крестил [2. Л. 321–324]. Конечно, можно усомниться, что Урасин не под давлением ставил расписку в добровольном крещении. Об этом уверенно пишет историк Ф. Г. Ислаев, упоминая о целом ряде якобы фиктивных подписок, которые ставили татары, удостоверяя искреннее желание креститься [11]. Но при этом всегда стоит учитывать фактор расхождения интересов двух ведомств: духовного и гражданского. Задача последнего заключалась в бесперебойной поставке рекрутов и фискальной отчетности перед центром. Поэтому всякий язычник или мусульманин, заявивший о желании стать христианином, ставил в недоумение канцелярские власти тем, что они за него должны были заново начинать процедуру набора рекрутов. А о нежелании

вятских гражданских властей предоставлять налоговые вычеты новокрещеным давно уже сказано в нашей науке [12].

Наконец, не стоит упускать из вида, что каринские мусульмане вообще находились в добрых отношениях с местными властями, а последние даже препятствовали православным миссионерам вести проповедь ради установившихся контактов с местными татарами.

26 августа 1746 г. в Журнале консистории встречаем протокольную запись, в которой видим просьбу вятского епископа Варлаама на царское имя, в которой он жалуется на Слободскую канцелярию, которая приходящим к святому крещению удмуртам «по понаровке им татаром» чинит обиды и разорения. Если местные канцелярии по причине дружеских отношений с татарами препятствовали духовным властям крестить приходящих к святой купели, то есть ли основания говорить о «едином фронте» церковной и гражданской власти против татар, как то утверждается в работе Ф. Г. Ислаева? Сам факт коренного переплетения интересов местной русской власти с вятскими татарами уже ставит под сомнение возможность принудительного крещения вятских мусульман. Журналы Вятской консистории при изучении данного вопроса становятся, таким образом, важным историческим источником при изучении не только данного вопроса, но и других магистральных тем истории вятского миссионерства.

Другим значимым источником в фонде Вятской духовной консистории являются метрические книги. В отличие от «журналов», в «метриках» дается более полное описание рассмотренных в консистории дел. Подробно излагается каждая сторона дела, описываются подробности следственных дел, уточняются детали, вы-

свечиваются факты, не относящиеся к делу, предлагается биография лиц, участвующих в деле. Например, дело о новокрещеных удмуртах, которые послали делегацию в столицу империи с просьбой вернуть их в язычество. Одно это следствие отражает в себе многие стороны истории миссионерства: взаимоотношения гражданских и светских властей, позицию центра относительно целей миссии, условия проповеди и даже общественное устройство удмуртов [3].

Некоторые дела, собранные в метрических книгах, содержат жизнеописания новокрещеных, из которых мы можем получить весьма богатую картину жизни отдельного человека того времени. В этих историях важны не столько бытовые подробности, сколько духовные искания и борения, а также путь конкретной личности, которая так часто теряется в исследованиях о массах новокрещеных.

Удмурт Иван Келдышев, в крещении Стефан, будучи язычником, жил при доме отца своего, после чего ушел на соляные промыслы, а в 1741 г. пришел в Хлынов, где по своему желанию «восприял веру». По какой-то причине он приглянулся управителям Архиерейского дома, которые взяли Стефана в свое услужение. Обращает на себя внимание формулировка, связанная с обучением этого новокрещеного: «для такого ж в вере сугубаго наставления жил при келии Его Преосвященства». В словаре прот. Григория Дьяченко слово «сугубый» означает «приличный», «вдвое больший», «двойной» [13]. Мы не даром обратили внимание на вставку этого слова. В массе дел, связанных с обучением новокрещеных христианской вере, такое упоминание едва ли не единственное в имеющихся у нас архивных документах. Для чего бы бывшему чернорабочему давать вдвое

больше знаний о новой вере? Если внимательно изучить детали дальнейшей жизни Стефана, то могут приоткрыться тайны такого усиленного обучения. Есть два факта, которые обращают на себя внимание. В деле говорится, что желает он родных «к восприятию увещавать». Но это не было новостью для того времени, ибо подобных дел архив Вятской консистории может представить весьма изрядное количество. А вот упоминание о поездке Стефана в 1745 г. в свите вятского епископа Варфоломея в столицу империи уже наводит на определенные соображения: не желал ли вятский архиерей показать, как может преобразиться бывший чернорабочий язычник в приличного христианина? И после этой поездки Стефан остался жить при Архиерейском доме [4]. Видимо, из него получился достойный ученик. Это наводит на мысль, что в принципе все новокрещенные могли стать если и не достойными совместных поездок с архиереем в столичные города России, то, по крайней мере, добротными христианами. Такое достигалось, как мы увидели, при сугубом обучении новокрещенных.

Богатый материал метрических книг содержит удивительные свидетельства того живого сердечного отклика в сторону православной веры, который мы видим среди некоторых представителей нерусского населения Вятки. Фразы о повсеместном насильственном крещении народов Поволжья разбиваются при встрече с подобными историческими источниками. Приведем лишь несколько примеров.

В 1750 г. бывший мусульманин Исай Урасинов, принявший христианство уже в преклонном возрасте, просил Вятскую духовную консисторию поселить его с русскими людьми «для твердого в вере христианского благочестия и наставления», ибо он своих сыновей пы-

тался склонить к православию, но те отказались, и, не желая видеть соблазн «от их бусурманского жития», возжелал быть при христианах [5].

Другой пример показывает дело о новокрещеных удмуртах, которые при архиепископе Алексие (Титове) подписывались в том, что веру греческого закона принимают «самую свою истинною правдою и волею и не от какова принуждения и не от бед и не от долгов[,] а всякие Е. И. В. подати платить будем». Здесь очень характерно указание на волеизъявление платить подати и после принятия крещения. Вятский архиепископ впоследствии будет ходатайствовать перед местной провинциальной канцелярией о даровании им хотя бы на 3 года льготы в уплате налогов, однако просьбы эти останутся без ответа [6].

Конечно, архивные источники хранят и сведения о применении силы при крещении. Но нужно помнить, что такие случаи были скорее исключением, большинство же оставляло свой прежний закон добровольно и шло в далекий Хлынов только лишь за тем, чтобы погрузиться в святую купель и выйти из нее новым человеком. Были примеры, когда новокрещеные просили сопровождать миссионеров, чтобы проповедовать евангельское слово своим братьям, несмотря на притеснения от Слободской канцелярии, которая в этом деле зачастую препятствовала делу христианизации. Все эти исторические свидетельства хранит фонд Вятской духовной консистории.

Особый интерес вызывают описи, стоящие под порядковыми номерами 81–221, в которых отложились промемории Вятской провинциальной канцелярии, а также судебные тяжбы по линии церковного управления. Ценность описи, стоящей ныне под № 81, содер-

жащей промемории из Вятской провинциальной канцелярии, заключается в том, что архив сохранил эти уникальные документы в нашем городе.

Известно, что фонды Вятской и Слободской канцелярии во время советской централизации перекочевали в Москву в Центральный государственный архив древних актов (ныне РГАДА), что создало местным исследователям существенные трудности. А вот фонд Вятской духовной консистории, никому не нужный в атеистическое время, благополучно продолжал жить здесь и ждал своих исследователей. Надо сказать, что эти промемории также дают богатый материал по нашей теме.

Так, дело о миссионерской деятельности монахов Верхочепецкого Воздвиженского монастыря открывает новые страницы в истории вятской миссии. Вообще тема о роли монастырей в процессе христианизации вятских окраин является одной из неизвестных страниц вятской истории.

В 1741 г. архимандрит Верхочепецкого монастыря Леонтий проводил огласительные беседы с удмуртами, затем послал в их селения священника того же монастыря Гавриила. В итоге сами удмурты из разных деревень пришли в монастырь «для святого крещения» [7].

Наконец, серия документов, сгруппированных в описях с 82 по 221, сохранила дела различного содержания: здесь и судебные тяжбы духовенства между собой и мирянами, и дела, касающиеся внутрприходской жизни, и статистические данные по епархии, и указы духовной консистории и их выполнение или невыполнение на местах.

По причине необъятного объема мы укажем лишь на один документ с той целью, чтобы показать ценность

этих источников для исследователей церковной истории. В 1761 г. Вятская духовная консистория распорядилась поменять начальное лицо, заведовавшее всеми новокрещенскими делами. Согласно этому распоряжению, знаменитый миссионер Вятки XVIII в. игумен Феодот Ившин был смнен на архимандрита Слободского Богоявленского монастыря Софония (видимо, Софрония). Первое, что приходит на ум, это смена состарившегося уже к тому времени игумена Феодота на более молодого. Однако эта догадка теряет силу после прочтения мотивировки, занесенной в распоряжение. Цитируем: «игумен Феодот Ившин не токмо проповеди Слова Божия, но и увещания по неучению ево едва ль употребить может» [8]. Для тех, кто хотя б немного знаком с трудами Ившина, такая резолюция может сразу вызвать ступор мысли. Известно, что Феодот стал наиболее ревностным миссионером в истории Вятки, за его плечами были тысячи крещеных удмуртов. Даже современники, и сама консистория, признавала, что этот миссионер «пред другими в новокрещенских жилищах обретающимся священникам по ревности своей имел во увещании и привождении ко святому крещению отяков первенство» [9. Л. 484 об.]. И тут такое решение. Как могло оказаться, что наиболее опытный проповедник Слова Божия, который успешно приновился к проповеданию евангельских истин среди удмуртов, вдруг признается невеждой в делах проповеди? На данный момент эта резолюция остается для нас загадкой. Но всем давно известно, что для исторической науки важен не только ответ, но постановка вопроса.

Итак, документы Вятской духовной консистории являются свидетельством исторических процессов, происходивших на территории Вятки в XVIII–XIX вв. Цен-

ность этих фондов заключается в том, что мы не имеем по церковной истории Вятки комплекса источников иного плана, чем ведомственные акты консистории, особенно по истории XVIII в.

Поэтому именно в этих делопроизводственных документах возможно раскрыть полноту и колорит истории вятского миссионерства. И важен не столько фактический набор документов, ибо история еще не есть собирательство фактов, и историк не есть музейный работник. Важен синтез и полный охват исторической реальности в их динамике, а порой и статике.

Русский богослов XX в. прот. Георгий Флоровский писал: «Еще мало научиться воспринимать и различать исторический колорит текстов. Нужно научиться еще и тому, чтобы видеть их в органической связи, в единстве раскрывающейся жизни» [14].

Источники

1. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 237. Оп. 1. Д. 1.
2. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2.
3. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 83, 103, 105, 109, 126.
4. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 104.
5. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 160.
6. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 14.; Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 1. Д. 157.
7. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 205.
8. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 82. Д. 1.
9. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 8.
10. Бердинских, В. А. Историк на грани эпох: Павел Луппов – первый историк удмуртского народа. Ижевск, 1991. С. 46.
11. Ислаев, Ф. Г. Православные миссионеры в Поволжье. Казань, 1999.
12. Луппов, П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий до XIX века. СПб., 1899. С. 87–88.; Орлов, М. А. Влияние местных властей на процесс хри-

стианизации в Вятской и Великопермской епархии в XVIII веке // Христианское чтение. 2018. № 4. С. 231–237.

13. Полный церковно-славянский словарь / Сост. прот. Г. Дьяченко. М., 2011. С. 685.

14. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия. М. 2009. С. 479.

Документы Центрального государственного архива Кировской области о строительстве здания Кировского драмтеатра (1925–1939 гг.)

Л. Г. Попова

Вторая половина 30-х годов XX века для города Кирова стала периодом грандиозного строительства в связи с образованием Кировского края (декабрь 1934 г.) и Кировской области (декабрь 1936 г.). В то время возводились промышленные корпуса, жилые здания и объекты социального значения завода КУТШО (совр. район завода «Лепсе»), были построены два дома крайисполкома в начале улицы Коммуны (совр. Московская), гостиница «Центральная» на улице Ленина, здание школы на улице Свободы, кинотеатр «Октябрь» на улице Карла Маркса, произведена надстройка здания пединститута, начато асфальтирование улицы Ленина и т. д. На Театральной площади вырос величественный драматический театр с белыми колоннами.

Однако вопрос строительства нового каменного здания драмтеатра решался на протяжении многих лет. Еще в 1907 г., спустя 30 лет с момента постройки в городе Вятке деревянного театра (1877), появились высказывания о его недостаточной вместимости по сравнению с ростом численности населения города.

А почти через 50 лет эксплуатации здания оно было признано ветхим, небезопасным для общественного пользования и «годным к службе в течение не более двух лет». В акте обследования здания гортеатра от 28 мая 1925 г. комиссией губисполкома, в состав которой входил архитектор И. А. Чарушин, указано: «Общее состояние главного здания, а равно пристроеное весьма ветхое и малоустойчивое. Бревенчатые стены здания вышли из вертикального положения. Северная капитальная стена зала имеет наклон...» [1. Л. 51].

В 1925 г. вопросом постройки нового здания заинтересовалась Вятская губернская плановая комиссия (губплан) в лице секретаря Г. Д. Пономарева [2. Л. 4 об.]. На заседании бюро губплана 4 марта 1925 г. были рассмотрены мнения об использовании имеющихся в городе зданий под театр или строительстве нового городского театра. Под театр были предложены здания ГПУ (особняк купца Т. Ф. Булычева. – *Л. П.*), клуб имени Демьяна Бедного (часть Преображенского женского монастыря. – *Л. П.*), здание Александроневского собора и бывший дом купца Н. И. Клабукова (совр. здание Кировского колледжа музыкального искусства имени И. В. Казенина на пересечении улиц Казанской и Спасской. – *Л. П.*). Предварительно осмотрев и проанализировав все эти здания, архитектор Чарушин пришел к выводам, что они не могут быть перестроены под театр из-за их конструктивных особенностей, и работы по перестройке зданий обошлись бы для города дороже постройки нового здания.

15 марта 1925 г. на совещании, где присутствовали архитекторы Иван Васильевич Ведянин и Иван Аполлонович Чарушин, член Губплана Г. Д. Пономарев

и главный режиссер городского театра Я. И. Тихомиров состоялось обсуждение вопроса о постройке нового помещения городского театра в Вятке или даже Дворца Труда, включающего в себя театр. И. А. Чарушиным была дана характеристика-описание устройства существующих на 1925 г. театров столицы и крупных городов страны. Был сделан вывод, что для удобства расположения всех помещений и мест для зрителей вместимость театра должна быть на более 1000–1100 человек, а для одинаковой открытости и доступности для звука всех зрительных мест потребуется устройство зала не менее, чем в три яруса [1. Л. 65, 65 об.].

Дворец Труда должен был служить очагом культурного и физического развития населения. Его здание планировалось из трех корпусов, составляющих единое целое: центральная часть – театр, по бокам два корпуса: один – зал для собраний на 250–300 человек с читальным залом и музеем имени В. И. Ленина, другой – помещение для клубно-студийной работы с залом физической культуры [1. Л. 72, 72 об.]. Грандиозное сооружение из железа, бетона и кирпича предполагалось выстроить на Театральной площади в три очереди, первоначально построив центральный корпус театра.

В феврале 1926 года Вятский губисполком предложил Ленинградскому обществу архитекторов-художников организовать конкурс на составление проекта театра для города Вятки. Срок проведения конкурса был определен следующий: с 1 ноября 1926 г. по 1 февраля 1927 г. Был подписан договор с Обществом [3. Л. 20]. Программа Всесоюзного конкурса на составление проекта здания городского театра имени В. И. Ленина в г. Вятке включала в себя следующие положения: театр предназначался для драматических,

опереточных и оперных представлений со зрительным залом на 1200 мест; для постройки отводилась площадь в центральной части города на пересечении двух главных улиц Карла Маркса и Коммуны с предполагаемым расширением в северной части до улицы Энгельса (совр. Преображенская); одновременно шла закладка памятника В. И. Ленину; желательным было сохранить здание старого деревянного театра до окончания строительства; здание предполагалось смешанной конструкции с использованием бетона и кирпича; зрительная часть должна была включать сам зал, вестибюль с двумя кассами, фойе, площадью не менее 80 % от площади партера, гардеробные, буфет без кухни, курительные комнаты, кабинет врача вблизи от сцены, кабинет директора, контору, женские и мужские уборные, а сценическая часть – собственно сцену, глубиной не менее 12 метров, не менее 20 артистических уборных, артистическое фойе, кабинет режиссера, парикмахерскую, реквизиторскую, мебельную мастерскую и т. п. [З. Л. 28].

В 1926 г. целью постройки гортеатра в Вятке называлось создание не только места для «зрительного развлечения», но и для культурного развития трудящихся масс. Будущее здание планировалось уже как Народный Дом имени В. И. Ленина. Причем его строительство необходимо было завершить к 10-й годовщине Октябрьской революции, т. е. к 1927 г. [З. Л. 33, 36, 37]. Однако объявление конкурса было отложено из-за неопределенности местоположения строительства. Кроме того, идея постройки Дворца Труда (Народного Дома) позднее была признана непосильной для города и отвергнута. Под место постройки театра предлагалось три площади: Театральная, Воскресенская (совр.

пересечение улиц Ленина и Московской, где располагается здание гостиницы «Центральная – Л.П.) и Советская (около Александровского сада – Л.П.).

Отстаивая первый вариант, И. А. Чарушин писал о том, что уже празднование первой годовщины Октябрьской революции (1918 г.) было отмечено закладкой здания гортеатра на Театральной площади: «...и место это было намечено не зря. Площадь находится в центре города, на пересечении двух главных его улиц, и театр, построенный на самом центре этой площади, не стеснив ни его торговли, ни движения, имея свободные выходы и красивую обработку всех четырех фасадов, видных на все четыре стороны... отвечал бы всем требованиям современной театральной техники и мог бы называться вполне достойным памятником, украшающим город» [1. Л. 80–81 об.].

Архитектор И. В. Ведянин также защищал место будущей постройки – Театральную площадь, т. к. она расположена на горе со скатом в сторону главного фасада по улице Карла Маркса, и здание театра здесь будет хорошо просматриваться и доминировать на площади. Воскресенскую площадь И. В. Ведянин считал маленькой по размеру и шумной от базаров и церквей.

Председатель Вятского губисполкома Никифор Киприанович Груздев, наоборот, отстаивал необходимость строительства на Воскресенской площади, там, где наметился «культурный центр города». Он говорил: «Театр надо ставить там, где бьет жизнь!» [3. Л. 3]. Для этого требовалось снести Воскресенскую церковь (постройка в XVII в.). Здание театра планировали расположить так, чтобы главный фасад его был бы обращен на улицу Ленина. Расположение театра на

Воскресенской площади делало его хорошо обозреваемым со стороны реки Вятки.

10 декабря 1926 г. на заседании пленума Коммунальной секции Вятского городского Совета XII состава в присутствии архитекторов И. В. Ведянина и И. А. Чарушина определили место будущей постройки на Театральной площади: со сносом каменных помещений бывшего дома купца И. Г. Толмачева с водонапорными баками для городского водопровода, дома Казаковых и строений до угла улицы Энгельса для образования площади [4. Л. 74.]. Для домов, расположенных на площади, установили запрет на ремонт всех домов и построек, чтобы достичь естественной изношенности. И. В. Ведянин предоставил эскизные наброски расположения театра, расширения Театральной площади и запланировал очередность сноса строений при постройке театра в течение пяти лет [2. Л. 5 об.].

Вопрос о строительстве нового здания театра на протяжении 1925–1935 гг. оставался открытым из-за недостаточности бюджетных средств и неопределенности формы и местоположения объекта.

В феврале 1935 г. для проектирования города и реконструкции его площадей в г. Киров приезжали москвичи, скульптор В. А. Павлов и архитектор Е. В. Покровская, которые предложили воздвигнуть красивое здание нового городского театра на месте бывшего женского монастыря, а от угла на пересечении улиц Коммуны и Ленина до входа в парк имени Степана Халтурина проложить аллею с устройством на имеющемся подъеме красивых итальянских лестниц. Как писала газета «Кировская правда»: «...Этот участок наиболее выгоден для театра, т. к. здесь можно с

успехом разбить театральный сад, среди зелени развернуть летнюю зрелищную часть. Кроме того, этот участок непосредственно смыкается с садом Степана Халтурина, от которого идет спуск к реке. Аллея, разбитая на улице Коммуны, будет открывать прекрасную перспективу на театр. Большой зеленый массив, берег реки, красивая аллея, памятник (В. И. Ленину. – *Л. П.*) и театр – все это создаст прекрасное место для культурного отдыха трудящихся города...» [5. С. 4]. Этот план переустройства города не был реализован. Вопрос о строительстве городского театра был решен горсоветом и крайисполкомом в пользу Театральной площади [6. С. 4].

Победителем среди участников конкурса проектов здания Кировского оперно-драматического театра стал проект второй (театральной) мастерской архитектурно-проектного бюро Наркомата просвещения РСФСР, выполненный архитекторами А. Н. Федоровым и И. Г. Буровым. В газете «Кировская правда» от 24 декабря 1935 г. № 295 (307) было дано подробное описание нового театра: «...театр запроектирован в монументальных формах. Вход в здание театра оформляется портиком с 10-ю колоннами, увенчанными скульптурой. Стена за портиком будет из зеркального стекла. Площадь перед театром предполагается оформить колоннадой. На площади будет разбит сквер, украшенный фонтаном, скульптурой... и т. д.» [7. С. 4]. Известно, что в проект А. Н. Федорова и И. Г. Букова были внесены некоторые изменения главным консультантом крайисполкома архитектором И. А. Чарушиным. В декабре 1935 г. им было предложено убрать колоннады с боковых фасадов, архитектурно обработать скверы, примыкающие к боковым фасадам гортеатра, и

использовать их под летнее фойе [8. Л. 380].

Выделение под строительство театра земельного участка было принято 16 мая 1936 г. постановлением Президиума Кировского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов № 51/6 [9. Л. 746]. Московским архитектурно-проектным бюро 28 мая 1936 г. была составлена генеральная смета строительства театра в г. Кирове. Работы предполагалось провести в период с 1 августа 1936 г. по 1 ноября 1937 г. [10. Л. 1].

Строительство театра осуществлялось организацией «Кирстройтрест». Известны точные даты, когда и какие работы были выполнены. Например, 19 июня 1936 г. приступили к ограждению забором, 9 июля 1936 г. – к освобождению строительной площадки от застройки деревянными домами, 28 июля 1936 г. – начало рытье траншей под фундамент стен здания в сценической части, 27 августа 1936 г. – кладка бутовых фундаментов под стены сценической части, март 1937 г. – армирование и бетонирование колонн, май 1937 г. – кладка кирпичных стен, октябрь 1937 г. – постройка стропил под кровлю над купольным перекрытием, июнь 1938 г. – штукатурка наружного фасада, июль 1938 г. – облицовка искусственным мрамором лестниц, апрель 1939 г. – подъем и постройка каркаса основного занавеса, май 1939 г. – настил паркетных полов, октябрь 1939 г. – окраска дверей зрительной части театра и др. [11. Л. 1 об.].

Как видно, строительство театра не было закончено, как планировалось, к 1 ноября 1937 г. К этому сроку были завершены лишь основные строительные работы, проведение же отделочных работ растянулось на два года. Причинами этого называли плохую органи-

зацию работы, нехватку строительных материалов (цемента, круглого леса, арматурного железа) и рабочих, использование имеющихся работников не по специальности. Задержку строительства здания вызвало также неполучение в срок технических чертежей на ряд работ (например, чертежей ступеней, столярных изделий, облицовочных работ и др.) [12. Л. 8–9].

На протяжении 1936–1937 гг. в газете «Кировская правда» появлялись взволнованные строчки о беспорядках на стройке театра: «...Около ямы для гашения извести сидят рабочие. Они «ожидают» воды. До 11 часов просидев без дела, наконец, получают распоряжение прораба: «Воды не будет, идите на земляные работы...» [13. С. 4]. «Для штукатуров сейчас есть громаднейший фронт работы. Но стройка имеет несколько килограммов цемента, а штукатурить железобетонные перекрытия и потолки без цемента нельзя...» [14. С. 4].

Здание Кировского областного драматического театра было открыто в канун 22-й годовщины Октябрьской революции – 4 ноября 1939 г. в 18:00 [15. Л. 132]. По случаю его открытия состоялось торжественное заседание партийных, профсоюзных и общественных организаций. Приглашения были отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, А. А. Жданову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и др. Вместе с пригласительными билетами им были отправлены фотографии старого и нового театров. Также были приглашены по два представителя театров из соседних Горьковской и Пермской областей. Продолжительность торжественной части определялась в два часа. В 20:00 была начата постановка первого спектакля в новом здании «Любовь Яровая» [15. Л. 115–117].

Кировчан встречало новое величественное здание

драматического театра: «Через широкие двери мы попадаем в огромный вестибюль... По лестницам с той и другой стороны вестибюля поднимаемся в фойе. Здесь светло, просторно. По обе стороны расположены комнаты отдыха... Можете подняться на балкон в фойе, посмотреть вниз. Балкон... поддерживают колонны. Пол в фойе паркетный. Отсюда можно войти в зрительный зал. Яйцевидной формы, он кажется миниатюрным, если его соразмерить с общей площадью здания. Но это только так кажется. Зал имеет 1100 мест и очень удобен для зрителя. Амфитеатр вздымается ступенька за ступенькой, и ото всюду сцена открыта, как на ладони. То же самое и на балконе... Полумягкая мебель, откидные сиденья...» [16. С. 62]. Здание областного драматического театра, построенное 80 лет назад, и сегодня является украшением города Кирова.

Источники

1. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. Р-887. Оп. 1. Д. 950.
2. ЦГАКО. Ф. П-6817. Оп. 1. Д. 33.
3. ЦГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 300.
4. ЦГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 211.
5. Кировская правда. 1935. 18 февраля. № 41.
6. Кировская правда. 1935. 24 февраля. № 46.
7. Кировская правда. 1935. 24 декабря. № 295.
8. ЦГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 335.
9. ЦГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1294.
10. ЦГАКО. Ф. Р-2047. Оп. 2. Д. 107.
11. ЦГАКО. Ф. Р-2047. Оп. 2. Д. 233.
12. ЦГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 179.
13. Кировская правда. 1936. 9 августа. № 183.
14. Кировская правда. 1937. 22 ноября. № 267.
15. ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 117.
16. Колобов, В. И. Новый областной драматический театр // Успехи соцстроительства Кировской области. Киров : облгиз. 1939.

**О перспективах поиска документальных свидетельств
реформы социального страхования 1912 г. в фондах
Центрального государственного архива
Кировской области**

А. Д. Протасов

Черета юбилеев знаковых и в то же время трагических событий нашей истории начала XX в. вновь заставили обратить внимание на вопросы, имевшие в недалеком советском прошлом первостепенное значение. Например, об уровне жизни и условиях труда рабочих до свержения самодержавия. Во многом наши знания еще остаются под влиянием не терпевшего различий классового подхода. В связи с этим не получившая широкого развития в советский период тема социального страхования рабочих при царском режиме становится откровением для многих исследователей. Тем большее значение приобретают свидетельства прошлого, позволяющие пролить свет на реализацию страховых законов от 23 июня 1912 г.

В соответствии с законами 1912 г. страхование рабочих от несчастных случаев осуществлялось в окружных страховых товариществах. Для обеспечения на случай болезни организовывались отдельные или общие для нескольких предприятий больничные кассы. Под руководством Совета по делам страхования рабочих контроль за их деятельностью на местах возложили на губернские страховые присутствия.

Характеризует положение дел с сохранностью документов страховых учреждений сразу после революции следующий факт. Предпринятая в 1918 г. попытка собрать необходимые для разработки статистики материалы больничных касс выявила серьезные проблемы.

В фондах контролировавших страхование органов отсутствовали документы некоторых страховых учреждений, как за отчетные периоды, так и по отдельным больничным кассам [3. С. 73–74]. Учитывая, что страховые советы и присутствия регулярно получали отчеты с мест, о полной сохранности материалов, особенно в регионах, где прогремела Гражданская война, говорить не приходится. Автор ранее уже обращал внимание на факты вывоза документов отступающими войсками и обнаружения их в не относящихся к делу архивах [4]. Сюда же необходимо отнести уничтожение в политических и бытовых целях.

Предпринятая в 1926 г. попытка изучения дореволюционного страхования рабочих не была реализована в полном объеме. Обширные планы Комиссии по изучению истории социального страхования (Истсоцстрах) по собиранию материалов не суждено было воплотить в жизнь. Она, как и ее уральское отделение – Уралистсоцстрах, прекратила свое существование в 1930 г. [5].

Редакции изданных в советский период сборников документов эта проблема интересовала лишь с точки зрения противодействия рабочих открытию больничных касс. Для этих целей события из страхового движения на Урале подходили как нельзя лучше. Именно здесь произошли самые крупные и известные «страховые» волнения [6; 7].

На современном этапе исследования носят обобщающий характер и можно отметить в них недостаточное привлечение архивных источников. Происходившие в связи с введением государственного страхования события на территории Вятской губернии освещены наиболее слабо.

В рамках государственной страховой кампании по законам от 23 июня 1912 г. был образован Уральский страховой округ в границах Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерний. Страхование рабочих (здесь и далее при упоминании рабочих читай: «и служащих»). – *А. П.*) от несчастных случаев осуществлялось в открывшем свои действия со второй половины 1915 г. Уральском окружном страховом товариществе (далее УОСТ) с правлением в г. Екатеринбурге. Руководство в нем находилось в руках промышленников, проводивших страхование и профилактические мероприятия по предупреждению несчастных случаев за свой счет.

Для обеспечения рабочих на случай болезни предприниматели совместно с рабочими организовывали отдельные или общие для нескольких предприятий больничные кассы. Средства, как и управление в них, были смешанными. Первые формировались из взносов рабочих и 1/3 от этой суммы доплат владельцев предприятий. Расходы по оказанию медицинской помощи отнесли на счет наиболее обеспеченной стороны.

Опубликованные источники и материалы центральных архивов позволили составить общее представление о страховании на Урале [9]. Всего в УОСТ число застрахованных предприятий доходило до 935, с примерно 230 тыс. рабочих. Как минимум 129 из них, с около 21 тыс. занятых наемных трудом, находились на территории Вятской губернии [8. С. 180; 7. С. 10]. Половина этих предприятий была связана с обработкой животных продуктов, питательных и вкусовых веществ (винокуренные, пивоваренные, мукомольные, маслобойные, мыловаренные, кожевенные и т. п.)

Открытие больничных касс не было синхронизировано с включением предприятий в страховые товари-

щества. К началу 1916 г. в Уральском страховом округе действовало и находилось на разных стадиях организации 177 больничных касс, с примерно 137 тыс. участников [1. Л. 30–30 об.]. Удалось обнаружить сведения о создании на территории Вятской губернии 37 больничных касс с почти 17 тыс. участников [1. Л. 30–30 об.]. Сравнив количество предприятий и больничных касс, можно прийти к заключению, что большинство из них были общими. И действительно, из установленного не полного перечня наименований 28 касс как минимум 17 включали несколько предприятий [2. Л. 9 об., 19 об., 20 об., 21 об., 46 об., 48 об., 49 об.]. Таким образом, можно предположить, что свидетельства деятельности страховых учреждений встречаются довольно часто. Но, как показывает опыт, дело обстоит не совсем так. До сих пор еще не выделен весь комплекс источников по проблеме. Учитывая слабую изученность источниковой базы важное значение приобретает работа по установлению мест возможного нахождения материалов, отражающих деятельность страховых учреждений.

На какие же фонды необходимо обратить внимание в первую очередь? Конечно же, на фонды контролировавших страхование органов, больничных касс, предприятий, медицинских учреждений и т. п. Здесь на помощь исследователям приходит хорошо разработанный научно-справочный аппарат ГАКО.

Интересующие нас документы должны были отложиться в первую очередь в фондах фабрично-заводского и по делам страхования рабочих губернских присутствий (Ф. 564, 567). Можно ожидать, что здесь мы встретим распорядительную и отчетно-статистическую документацию.

Непосредственный контроль за соблюдением законов был возложен на чинов фабричного и горного надзора (Ф. 566, 841, 1320). К их компетенции, в том числе, отнесли включение и исключение предприятий из состава УОСТ, а также утверждение уставов больничных касс.

Особое внимание привлекают фонды двух общих больничных касс (Ф. 509, 797). Хочется поблагодарить выделивших их документы архивистов. Они помогут рассмотреть более сложную систему взаимоотношений двенадцати кампаний, согласовавших свои действия для обеспечения рабочих. К тому же это сразу позволяет установить два типа объединения – одного вида производства населенного пункта и всех предприятий на определенной территории.

Больше всего источников предполагается обнаружить в фондах самих предприятий. Таких, удовлетворяющих требованиям, по справочнику около пятидесяти. Опыт показывает, что чаще всего здесь хранятся некоторые отражающие страхование организационно-распорядительные и учетно-отчетные документы. Следует подчеркнуть, что система документирования социального страхования по законам 1912 г. до сих пор в полном объеме не выявлена. Со временем мы надеемся выделить весь перечень выполнявшихся в связи с социальной реформой мероприятий и обеспечивавший их делопроизводственный комплекс.

Фонды медицинских учреждений могут включать договоры с предпринимателями и больничными кассами на оказание медицинских услуг и свидетельства их выполнения (Ф. 634 и др.).

Необходимо также обратиться к фондам кредитных учреждений, где свои средства размещали УОСТ и больничные кассы (Ф. 186 и др.).

Не следует обходить стороной и документы силовых структур. Велика вероятность отыскать здесь свидетельства волнений при организации больничных касс и контроля за проникшими в них для обеспечения себе доступа к массам революционерами (Ф. 721 и др.).

Среди материалов мирового и гражданского судебного производства могли отложиться результаты защиты рабочими своих прав (Ф. 62 и др.).

Извещения о проведении собраний страховых учреждений, специальные бланки для пересылки пенсий и другого рода страховую корреспонденцию следует искать в фондах почтовой службы (Ф. 984 и др.).

Определенные надежды мы возлагаем на обнаружение материалов о такой малоизвестной стороне социальной реформы, как страхование рабочих судоходных предприятий (Ф. 201 и др.). Для этих целей организовали Волжское судоходное страховое товарищество с управлением в г. Нижнем Новгороде.

Новое направление в исследовании могут открыть свидетельства взаимодействия страховых учреждений с общественными организациями, например, с Вятским обществом вспомоществования престарелым и неспособным к труду рабочим и их семьям и др. (Ф. 1207 и др.) Созданные во многом для решения аналогичных задач с введением обязательного страхования они не прекратили свою деятельность.

Безусловно, это не полный перечень учреждений, среди документов которых могли отложиться интересующие нас источники. К тому же, как мы уже отмечали ранее, свидетельства социальной реформы разрозне-

ны не только по фондам и делам, но и по архивам. Ярким примером может служить обнаружение в Государственном архиве Тюменской области (ГАТО) датированных 1918 г. документов Омутинской районной страховой кассы Кирсинского завода (Ф. 1704). На обложке фонда перечеркнутый штамп Государственного архива Свердловской области, что говорит о передаче его уже в советское время. Некоторые из источников оформлены на оборотной стороне бланков дореволюционной больницы кассы завода.

Таким образом, документы архива помогут нам получить ответы на некоторые не до конца раскрытые вопросы о ходе и значении социальной реформы в Вятском крае, на Урале и в целом на территории Российской империи. Введение их в научный оборот может пролить свет на новые стороны забытой социальной реформы и станет еще одним недостающим звеном в изучении отечественной истории.

Все сказанное наводит на мысль, что, возможно, пришло время задуматься о необходимости создания единой электронной базы данных архивных источников по истории социального страхования.

Источники

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 27. Д. 513.
2. РГИА. Ф. 23. Оп. 29. Д. 73.
3. Зайцев, В. А. Заболевасемость и смертность рабочих в России в 1913–1916 гг. // Вестник труда. 1921. № 9. С. 73–110.
4. Протасов, А. Д. Забытая дата: к 100-летию принятия комплекса страховых законов 1912 года в России (на материалах ГБУТО «Государственных архив Тюменской области») // Документ в контексте универсальных практик: Сб. ст. по мат-лам III Всерос. науч.-практич. конф. Тюмень, 2012. С. 264–266.

5. Протасов, А. Д. «Истсоцстрах внушает страх?» Дела и дни Комиссии по изучению истории социального страхования (1926–1930) // Наукові записки Вінницького держ. педагогіч. ун-ту ім. Михайла Коцюбинського. Сер.: Історія. 2018. Вып. 26. С. 254–260.

6. Рабочий класс Урала в годы войны и революции: в документах и материалах: В 2-х т. Т. 1. Рабочее движение в годы войны. Свердловск, Уралпрофсовет, 1927. XXXIII, 364 с.

7. Материалы по истории социального страхования: Сб. Истсоцстраха / Под ред. Б. Г. Данского и Б. Т. Милютина; общ. ред. Б. М. Файнгольда. М.: Вопросы труда, 1928. Сб. 1. 383 с.

8. Отчет и доклады правления Уральского окружного страхового товарищества 2-му общему съезду уполномоченных (1916 г.). Отчет наблюдательного комитета. Протокол ревизионной комиссии. Екатеринбург: Тип. Т-ва «Уральский край», 1919 [1915]–1916. 183 с.

9. Отчет правления Уральского окружного страхового товарищества о деятельности товарищества в 1916 г. Екатеринбург, 1917. 103 с.

**Архивные документы как один из источников
формирования музейной экспозиции
(из опыта создания Музея истории предварительного
следствия Вятского края)**

Д. А. Садаков, П. Н. Шарабаров

Современная Россия переживает бум создания музеев самого разного профиля. Для различных организаций и государственных ведомств музеев является имиджевым проектом, подчеркивающим их высокий статус и богатую историю. Только за последнее время в Кировской области были созданы Музей управления Федеральной службы судебных приставов, Музей Второго арбитражного апелляционного суда, Музей истории предварительного следствия Вятского края, в ноябре 2018 г. была открыта выставка истории шинного произ-

водства в г. Кирове. Ключевой частью подобных экспозиций является исторический раздел. При его подготовке необходимо проводить большую научно-поисковую работу по выявлению материалов, предназначенных для размещения в музейных залах. Важнейшей их категорией являются архивные документы.

Авторы данной статьи приняли участие в создании Музея истории предварительного следствия Вятского края, открывшего свои двери 27 июля 2018 г. в здании Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области. Исторический характер экспозиции обусловил экспонирование копий документов из фондов Центрального государственного архива Кировской области в трех из пяти ее разделах. Основой для ведения работы по отбору и изготовлению материалов для музея послужил подготовленный сотрудниками архива тематический перечень, включивший в себя 94 комплекса документов из 24 архивных фондов и хронологически охватывавший материалы за 1829–1976 гг.

Большое количество выявленных документов и их разноплановый характер позволил составить комплексную картину жизни и служебной деятельности провинциального следователя различных эпох.

Переломным моментом в истории следственных органов России стала реформа 1860 г., которая предусматривала создание института судебного предварительного следствия. Ее нормативной основой стали утвержденные императором Александром II законодательные акты – «Учреждение судебных следователей», «Наказ судебным следователям», а также именной указ о введении их в действие [1. С. 69, 75]. Фрагменты всех указанных документов размещены в рамках раздела

«Предварительное следствие в дореволюционном Вятском крае».

Представление о работе вятского судебного следователя дается на материалах архивных фондов Вятской губернской палаты уголовного и гражданского суда (Ф. 20), Вятского окружного суда (Ф. 24), Судебного следователя по особо важным делам (Ф. 77), Судебного следователя по г. Вятке (Ф. 78), а также Судебных следователей уездных участков (Ф. 79–90; 93, 94).

Структура, типология и количество дел, находившихся в следственном производстве, иллюстрируются при помощи «Ведомости о движении дел следователя Вятского окружного суда по особо важным делам» за январь 1881 г. [2. Л. 6 об – 7]. Об организации служебной деятельности следователя также свидетельствуют «Циркулярное предписание председателя Вятского окружного суда судебным следователям о порядке представления отчетности по судебно-следственным делам» (31 июля 1896 г.) [3. Л. 18] и «Предложение председателя Вятского окружного суда судебному следователю 1-го участка Уржумского уезда получать часть содержания золотой монетой» (7 октября 1896 г.) [3. Л. 22].

Учитывая, что целевой аудиторией музея являются сотрудники правоохранительных органов, авторам экспозиции было важно показать специфику производства следственных действий в разные периоды и по различным категориям дел. Так, процесс осмотра места преступления показан на примере «Протокола осмотра вещественных доказательств, найденных на месте покушения на жизнь вятского губернатора Горчакова» от 18 октября 1907 г. [4. Л. 16–16 об.] и «Выдержек из протокола осмотра места убийства крестьянина Чагаева» от

3 июня 1914 г. [5. Л. 25, 26]. В последнем случае большой интерес представляет фотография с места преступления. Картину работы с уликами дополняет фрагмент «Книги вещественных доказательств судебного следователя 1-го участка Вятского уезда Вятского окружного суда на 1895 г.» [6. Л. 1–1 об.].

Большое внимание уделялось допросам фигурантов дела. Так, прочитав фрагмент из «Протокола допроса потерпевшего по делу о разбойном нападении на дом слободского купца Н. Н. Платунова», посетитель музея переносится в 1910 г.: «Часов около 7 вечера сегодня, когда я сидел у себя в кабинете и писал при зажженных свечах, вдруг услышал в комнатах своих неистовый крик своей горничной Екатерины Дмитриевны Саврасовой: “Ай, ай, ай!”. Так как крик был, по-видимому, от испуга, то я подумал, что случилось что-нибудь необычное. <...> В кабинет вошли какие-то люди, одетые, по-видимому, в валенки, так как стука не было слышно; раздался голос одного из них: “Зажгите огонь и давайте деньги, а то мы Вас уьем”» [7. Л. 10].

Особенности сбора показаний демонстрируются при помощи «Клятвенного обещания при даче показаний по делу о покушении на вятского губернатора В. И. Чарыкова» от 7 января 1872 г. На посетителей музея большое впечатление производят чеканные формулировки документа: «Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием и животворящим крестом в том, что в деле сем, по которому ныне призван и спрашиван буду, имею показать самую сущую правду, не норовя ни на которую сторону, ни для дружбы, вражды, свойства, зависти и подарков, ниже страха ради, ничего не прибавить и не убавить, а так чисто и ясно, как знаю, видел и слышал и

как в том на страшном суде Христове ответ дать должен. В заключение же сей моей клятвы целую слово и крест Спасителя моего. Аминь» [8. Л. 35].

Понятие о мере пресечения для подозреваемых дают «Выдержки из постановления о заключении под стражу в Орловский тюремный замок обвиняемых в изготовлении и сбыте фальшивых монет» (1890 г.) [9. Л. 110–111].

Большой интерес представляют также материалы о личной жизни и имущественном положении судебных следователей. Крайне информативными являются «Сведения о личном, семейном и имущественном положении исправляющего должность судебного следователя 2-го участка Слободского уезда Вятского окружного суда И. А. Драверта» от 19 июля 1890 г. Из этого документа мы можем узнать, что Иван Александрович «полный курс наук окончил в Императорском Казанском университете в 1886 г. со степенью действительного студента юридического факультета с правом на XII классный чин», а его доходы состояли из: 1000 руб. жалования, 500 руб. столовых, 500 руб. канцелярских и квартирных 150 руб. от земства [10. Л. 31]. Любопытно также свидетельство о браке судебного следователя 3-го участка Уржумского уезда К. Н. Андреева с дочерью дворянина А. Г. Свяженинова девицей Елизаветой [11. Л. 38].

Октябрьская революция 1917 г. привела к ликвидации судебной системы Российской империи и формированию новых следственных органов. 24 ноября 1917 г. был принят Декрет «О суде» № 1, в соответствии с которым были введены первые организационные формы и процессуальный характер деятельности следственных комиссий при революционных трибуналах [1. С. 136, 138]. В экспозиции представлена публикация

этого документа в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» [12. С. 1].

История советского следствия отражена в материалах фонда Вятского губернского отдела юстиции (Ф. Р-382), уездных исполкомов (например, Ф. Р-883), народных следователей (например, Ф. Р-422), Прокуратуры Кировского края (Ф. Р-2684) и Кировской области (Ф. Р-2943), районных прокуратур г. Кирова (например, Ф. Р-2644).

Наглядное представление о создаваемой советской властью структуре органов юстиции Вятской губернии дает рукописная «Схема отдела юстиции Вятского губисполкома» за апрель 1919 г. [13. Л. 284]. Узнать, как после революции изменился характер расследуемых дел, можно благодаря «Ведомости о движении дел Следственной комиссии Вятского губернского ревтрибунала» за октябрь 1918 г. Обращает на себя внимание, что наиболее распространенные преступления принадлежали к категории: «Злоупотребления властью, предоставленной общественным или административным положением, хотя бы и не в момент исполнения служебных обязанностей, преступления красноармейцев, выходящие за компетенцию ротных, товарищеских, фронтовых или полковых судов, преступления милицейских караулов, охраняющих имущество или общественный порядок» – по подобным делам обвинялось 105 человек из 236 находящихся под следствием по всем семи категориям [14. Л. 86 об. – 87]. Образ революционных следователей периода Гражданской войны формируют их служебные удостоверения с приложенными к ним фотографиями [15. Л. 3, 5, 6].

В 1928 г. функции предварительного следствия были переданы прокуратуре – был образован институт

народных следователей. Начался долгий путь предварительного следствия при прокуратуре.

Атмосферу, в которой работали следователи 1930-х гг., передает «Протокол оперативного совещания нарследователей при следственном отделе Облпрокуратуры» от 10 января 1939 г. Вот наиболее характерные цитаты: «В прошлом враги народа, которые были у руководства Облпрокуратурой, учебные конференции не проводили»; «Судебную медицину нужно восполнить поднятием трупа неизвестной личности»; «Прошу Облпрокурора обеспечить нашу прокуратуру средствами передвижения, а то нам приходится ходить пешком»; «Предлагаю организовать изучение фотоаппарата» [16. Л. 4–5].

Сравнить имущественное положение народного и судебного следователя позволяют «Сведения из личного дела народного следователя Кировской городской прокуратуры Б. С. Абронина» от 1935 г. Образование следователя было средним, дополненное окончанием краевых годичных курсов в г. Горьком. Условия работы оставляли желать лучшего. Следователи сидели по двое в одном кабинете и не были обеспечены телефонной связью. Зарботная плата также была невысокой и составляла всего 300 руб. [17. Л. 1–2]

Особенности следственных действий в межвоенный период иллюстрируются материалами дела по обвинению О. П. Шулаковой и А. Ф. Кочкиной в убийстве пятерых детей, совершенном ими в д. Сметаницы Нагорского района в мае 1938 г. [18.] Среди них: постановление о возбуждении уголовного преследования; план места преступления; телефонограмма начальникам районных отделов милиции с сообщением о приметах разыскиваемого преступника; протокол обыска

О. П. Шулаковой; протоколы допросов; постановление о предъявлении обвинения; переписка с председателем Верховного суда СССР И. Т. Голяковым по вопросу о помиловании преступниц. Содержание документов шокирует посетителей мотивом, обстоятельствами убийства, исполнителем которого стала старшая сестра убитых А. Ф. Кочкина: «Если бы не было у нас ребят, то мне больше покупали бы одежды» [18. Л. 53 об.]. Точку в комплексе ставит совершенно секретное распоряжение председателя Верховного суда СССР И. Т. Голякова, отклонившее прошение о помиловании О. П. Шулаковой и требовавшее немедленного приведения в исполнение высшей меры наказания – расстрела [18. Л. 143].

Начавшаяся Великая Отечественная война привела к тому, что многие следователи ушли на фронт, но при этом работы в тылу не убавилось. Так, одним из эпизодов работы следователей в военное время стало расследование взрыва бочки с серной кислотой, произошедшего в апреле 1944 г. В постановлении о возбуждении уголовного дела читаем: «Проезжая по ул. Ленина против дома № 76 по направлению к кожзаводам, одна из бочек, наполненных кислотой, взорвалась, отчего в дне бочки получилось отверстие, и брызнувшей струей кислоты, имеющей немалую силу (так как струя кислоты достигла 6–7 м в длину), обожгла несколько человек, проходивших в то время параллельно с машиной» [19. Л. 1].

Послевоенные годы стали временем роста преступности, обусловленного наличием большого количества оружия на руках у населения, бедностью, снижением ценности человеческой жизни. В музейной экспозиции данный исторический период раскрывается при по-

мощи комплекса уникальных архивных документов: выдержек из «Справки об основных показателях следственной работы Кировской области за первое полугодие 1947 г.», «Доклада о состоянии и мерах улучшения следственной работы в Кировской области за 1952 г.» и «Постановления следователя прокуратуры Уржумского района Семенова о назначении производства полной документальной ревизии по складу № 2 базы Уржумского райпотребсоюза» (3 апреля 1959 г.) [20].

Дальнейшее развитие системы предварительного следствия при прокуратуре, а также в рамках созданного в 2011 г. Следственного комитета Российской Федерации в экспозиции показано при помощи материалов, переданных сотрудниками и ветеранами ведомства. Весь массив предоставленных архивом копий документов был загружен в интерактивный экран и разбит на три раздела: «Из истории предварительного следствия России и Вятского края»; «Следователи Вятской губернии / Кировской области»; «Из следственной практики». Данные материалы способствуют более глубокому погружению в историю предварительного следствия нашей страны и органично дополняют экспозицию.

В целом архивные документы составили костяк исторической части экспозиции. Искренняя благодарность и восторженные отзывы о музее ветеранов и действующих сотрудников правоохранительных органов послужили подтверждением правильности принятых создателями экспозиции научных и оформительских решений.

Источники

1. История следствия в России: монография / под общ. ред. Д. О. Серова, А. В. Федорова. М., 2017. С. 69, 75.

2. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 77. Оп. 1. Д. 38.
3. ЦГАКО. Ф. 89. Оп. 2. Д. 4.
4. ЦГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 59.
5. ЦГАКО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 69.
6. ЦГАКО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 28.
7. ЦГАКО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 44.
8. ЦГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1749.
9. ЦГАКО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 15.
10. ЦГАКО. Ф. 24. Оп. 21. Д. 127.
11. ЦГАКО. Ф. 24. Оп. 21. Д. 26.
12. Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 24 нояб. (№ 17).
13. ЦГАКО. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 20.
14. ЦГАКО. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 38 а.
15. ЦГАКО. Ф. Р-883. Оп. 1. Д. 193.
16. ЦГАКО. Ф. Р-2943. Оп. 4. Д. 25.
17. ЦГАКО. Ф. Р-2684. Оп. 1. Д. 105.
18. ЦГАКО. Ф. Р-2473. Оп. 1. Д. 315.
19. ЦГАКО. Ф. Р-2644. Оп. 1. Д. 336.
20. ЦГАКО. Ф. Р-2943. Оп. 10. Д. 8. Л. 2–3 об.; Там же. Д. 70. Л. 27; Там же. Ф. Р-2473. Оп. 8. Д. 1145. Л. 310.

У истоков развития исторической науки и архивного дела в региональном пространстве

М. С. Судовиков

История являлась и является важнейшим фактором в становлении культурного и научного пространства России, что ярко прослеживается и в региональном измерении. Богатейшие традиции в этом плане накоплены в Вятском крае, где научная историческая мысль начала развиваться еще в XVIII веке.

Уже в тот период благодаря стараниям учителя главного народного училища, а затем и Вятской мужской гимназии Александра Ивановича Вештомова

(1768–1831) появился первый обобщающий труд по истории нашего региона «История вятчан...» [1]. То время, когда жил «вятский Карамзин» Вештомов, являлось эпохой становления российской науки, и Александр Иванович, учитывая его незаурядность в воспроизведении исторических фактов и событий, интерес к другим наукам [2], стал олицетворением ученого в самых лучших проявлениях.

Нельзя не отметить, что большую роль в формировании культуры исторического мышления в регионе играли учебные заведения, первоначально такие, как Вятская духовная семинария, главное народное училище, а затем и Вятская мужская гимназия, в которой в отдельные периоды изучение истории начиналось с первого класса.

В 1914 г. в Вятке открылся учительский институт, в штате которого имелась должность преподавателя истории и географии, и со временем осуществлялся прием на три отделения: словесно-историческое, физико-математическое и естественно-географическое. С 1918 г., став высшим учебным заведением, этот институт являлся флагманом гуманитарного и исторического образования в регионе.

Вместе с тем для развития исследовательского поля истории нужны были учреждения, которые непосредственно являлись бы центрами сбора и обобщения наследия прошлого, и такие учреждения в Вятской губернии появились в XIX – начале XX столетия. Это были – Вятский губернский статистический комитет, открытый в 1835 году; Вятская публичная библиотека, начавшая работу в 1837 году; вятский музей, открывший свои двери в 1866 году, и особое место в изучении

прошлого занимала Вятская ученая архивная комиссия, созданная в 1904 г.

У истоков комиссии стояли местные энтузиасты, люди, неравнодушные к истории и культуре, не понаслышке знавшие цену памятникам древности. Это – почетные члены Вятского губернского статистического комитета Н. А. Спасский и А. С. Верещагин; член Пермской губернской ученой архивной комиссии, протоиерей И. М. Осокин; кандидаты богословия Л. И. Софийский и Н. К. Попов, являвшиеся действительными членами Петербургского археологического института; преподаватель Вятского духовного училища, кандидат богословия М. Н. Решетников, обосновавшие необходимость создания центра по сбору и изучению памятников старины [3. С. 84–88].

Первое рабочее заседание комиссии под председательством «дедушки местных краеведов» Н. А. Спасского (1846–1920) [4. С. 9–15] прошло 11 декабря 1904 г. Еще на ее открытии только что избранный председатель выступил с программной речью, в которой он выделил основные направления деятельности архивной комиссии и назвал важнейшее из них – издание трудов.

«Труды Вятской ученой архивной комиссии» выпускались 13 лет, с 1905 по 1917 г. включительно [5]. Всего вышло 46 выпусков.

Сначала были опубликованы фрагменты летописных произведений, в которых содержатся упоминания о Вятском крае; исторические памятники вятской письменности. С предисловиями и комментариями печатаются «Летописец старых лет», «Повесть о стране Вятской», «Вятский Временник», издаются грамоты и акты Успенского Трифонова монастыря, грамоты и акты Вятского архиерейского дома, тексты писцовых, дозор-

ных, переписных книг, царские грамоты и послания митрополитов на Вятку, многие редкие документы XVII–XIX вв., интересные воспоминания.

Крупной, обобщающей работой по истории региона явилось сочинение действительного члена комиссии Лидии Николаевны Спасской – «Прошлое Вятки с ее заселения русскими до воцарения Михаила Федоровича Романова», опубликованное в «Трудах» в 1913 г., когда помпезно отмечалось 300-летие со времени восшествия на престол династии Романовых. Издавались статьи А. С. Верещагина, И. М. Осокина, В. И. Шабалина, М. Г. Худякова, В. Д. Емельянова, Н. Н. Блинова, А. А. и Г. А. Замятиных, Д. К. Зеленина, П. Н. Луппова и целого ряда других авторов. Многие из этих исследований вошли в золотой фонд историографии Вятского края, а П. Н. Луппов (1867–1949) в дальнейшем сыграл важнейшую роль в создании Госархива Вятской губернии, которым он и руководил в первые годы советской власти.

Выпуск «Трудов» являлся далеко не единственным направлением деятельности Вятской ученой архивной комиссии. Ее члены вели большую работу по выявлению ценных источников в местных архивах государственных учреждений и церквей, архивах столичных городов. В архиве комиссии хранились документы губернского правления, окружного суда, казенной палаты, управления государственных имуществ, бывшего Московского удельного приказа и других учреждений.

Архивная комиссия организовывала церковно-археологические поездки по губернии с целью отыскания письменных и вещественных исторических памятников. Уже в начальный период в архивную комиссию стали поступать старинные вещи, которые позднее лег-

ли в основу Трифоновского церковно-археологического музея, открытого в октябре 1912 г.

Вятская ученая архивная комиссия была обладательницей интересного книжного собрания. Ее библиотека начала складываться в 1904 г. и постоянно пополнялась новыми историческими изданиями. В фондах библиотеки хранились «Труды» архивных комиссий других губерний, книги, присланные из Императорского Русского археологического общества, Московского главного архива министерства иностранных дел, Московского архива министерства юстиции, Московского Императорского общества истории и древностей Российских и т.д. Книжные фонды пополнялись и за счет пожертвований почетных и действительных членов комиссии. Книги для библиотеки передавали такие известные исследователи, как В. О. Ключевский, Н. П. Лихачев, А. А. Спицын, Д. К. Зеленин. Ключевский, в частности, отправил в Вятку свои сочинения «Древнерусские жития святых как исторических источников», «Боярская дума Древней Руси» [б. л. 12 об.].

Основные вопросы, связанные с работой комиссии, обсуждались на ее заседаниях, проходивших в публичной библиотеке. На заседаниях комиссии заслушивались научные доклады, утверждались статьи для публикации в «Трудах», рассматривались вопросы о мерах по сохранению памятников старины.

Успех работы комиссии зависел прежде всего от деятельности тех, кто понимал ее значимость для современников и потомков. В конце 1905 г. в состав комиссии входили 17 почетных и 78 действительных членов, в 1916 г. – уже 26 почетных и 90 действительных членов. Членами ученой архивной комиссии являлись

люди разных сословий и профессиональных занятий – чиновники, священники, купцы, преподаватели.

Среди почетных членов значились лица известные и уважаемые – академики, профессора столичных учебных заведений, вятские губернаторы, епископы, крупные предприниматели. Почетными членами Вятской ученой архивной комиссии были историки С. Ф. Платонов, В. О. Ключевский, Н. П. Лихачев, И. Е. Забелин, филолог, академик А. А. Шахматов, антрополог, этнограф и археолог Д. Н. Анучин, великий князь Николай Михайлович, графиня П. С. Уварова и др. [7. Л. 17–18].

Вятская ученая архивная комиссия нередко сталкивалась с проблемами, решить которые в короткие сроки не всегда представлялось возможным. В их числе – отсутствие знаний и опыта архивной работы, постоянные финансовые трудности, из-за чего комиссия вынуждена была сокращать число изданий, но, несмотря на все препятствия, существовавшая до первых лет советской власти Вятская ученая архивная комиссия стала ярким примером бескорыстной преданности исторической науке и краю.

С полным основанием можно утверждать, что деятельность архивной комиссии заложила прочный фундамент для будущего развития исторической науки и архивного дела в нашем регионе, способствовала возведению архивов в самостоятельную отрасль, формированию у регионального сообщества культуры исторического мышления, уважительного отношения к материальному и духовному наследию.

Накопленный архивной комиссией опыт был и остается важнейшим подспорьем в работе ведущих центров научного изучения истории – Научно-исследовательского института краеведения, существовавшего с

1922 по 1941 г.; областной научной библиотеки им. А. И. Герцена с открывшимся еще в 1909 г. отделом краеведческой литературы и приступившим к работе в Год российской истории научно-исследовательским Центром регионоведения; Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина с историческим факультетом, впоследствии Вятского государственного гуманитарного университета и Вятского государственного университета; областного краеведческого музея и наших архивов.

Примечания

1. Полное название труда А. И. Вештомова – «История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества или с 1181 по 1781 год чрез 600 лет». Казань. 1907.

2. А. И. Вештомов был автором труда в трех частях по ботанике с названием «Вятская флора, рисованная с самой природы с описанием свойств и употребления, содержащихся в ней произрастаний, почерпнутым из разных врачества и экономии писателей к пользе и употреблению жителей Вяткой губернии и особенно учеников главного оной училища». Рукопись хранится в фондах Кировского областного краеведческого музея.

3. Докладная записка местной общественности вятскому губернатору П. Ф. Хомутову с просьбой об открытии в Вятской губернии ученой архивной комиссии от 28 ноября 1903 г. // Вятский исторический сборник. Год 2013-й : труды науч.-исслед. Центра регионоведения. Киров. 2013.

4. Подробнее о нем см.: Судовиков, М. С. О летописце российской провинции // Спасский Н. А. Труды по истории и статистике Вятского края. Киров, 2014.

5. Чудова, Г. Ф., Колупаева, В. Н. Указатель содержания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» 1905–1917 гг. Киров. 1993. 114 с.

6. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 170. Оп. 2. Д. 8.

7. ЦГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 75.

Учебно-исследовательская деятельность учащихся очно-заочной краеведческой школы как одно из направлений развития региональной генеалогии Кировской области

О. Л. Фокина

В последнее время возрос интерес научной общественности к проблемам исторического краеведения, что является давно назревшей проблемой. Д. С. Лихачев говорил, что «любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества».

Уже 20 лет при Центре детского и юношеского туризма и экскурсий существует областная очно-заочная краеведческая школа (ОЗКШ), в которой обучаются старшеклассники из разных районов Кировской области.

Первоначально школа задумывалась как обычное объединение при Центре дополнительного образования, в котором педагоги делились с учащимися своими знаниями по краеведению. В 1997 г. программа ОЗКШ получила звание лауреата и стала авторской.

Программа школы ориентирована на творческое развитие личности учащихся, формирование устойчивого интереса к краеведческим исследованиям и воспитание патриотизма на основе увлекательного познания истории Вятского края.

ОЗКШ открыта при Центре дополнительного образования, поэтому в программу включены предметы, не входящие в базовый план общеобразовательной школы.

Преподавание курса «Генеалогия» с первых лет существования ОЗКШ вполне оправдано, так как нельзя изучать историю края, не зная истории людей, в нем

живущих. Никакие учебники и художественная литература не заменят нам то, что дает фамильная история – через нее постигается и современность, и история, будь то отечественная или всемирная.

Генеалогия связана со смежными историческими науками: ономастикой, топонимикой, антропонимикой, геральдикой, краеведением. И генеалогия, и краеведение изучают деятельность человека в его ближайшей исторической среде. Их связь позволяет говорить о краеведческой генеалогии как подразделении краеведения, занимающемся изучением семейной истории, родословием отдельных лиц и фамилий, их социально – культурной ролью на локальном уровне.

Сегодня остро стоит вопрос об утрате в современном обществе понимания связи поколений. После революции 1917 г. в России были в корне нарушены выработанные традиции, у людей отняли чувство уважения рода, чувство исторической памяти в семьях. Долгие годы знание своей родословной было не только ненужным, но и опасным. На протяжении двух, а то и трех поколений наш народ старался не вспоминать свое реальное прошлое. Поддерживать кровные узы, да просто упоминать о своем происхождении было страшно. Семейные архивы уничтожались, люди прятали свое прошлое. Это привело к тому, что сегодня нам некого спрашивать о своих предках. Корни отрублены, связи потеряны. Современные старшеклассники зачастую не могут сказать, как зовут их прадеда, не говоря о более дальнем родстве.

Знание основ генеалогии, используемые учащимися для воспроизведения истории своего рода, позволяют сформировать и закрепить у них мотивированный интерес к познанию и почитанию предков, что и является

главным признаком духовного роста самосознания личности.

Работа курса «Генеалогия» состоит из нескольких этапов. Во время сессий учащиеся прослушивают цикл лекций. В межсессионный период учащиеся выполняют творческие задания в специальных рабочих тетрадях и составляют схемы восходящего и нисходящего родства.

С самого начала каждый школьник ставится в положение исследователя, который не только участвует в лекционных и практических занятиях курса, но и собирает информацию о предках и работает над составлением своей родословной. Учащиеся быстро восстанавливают истории своих семей до IV–V колена на основе устных источников (воспоминаний родных), а также документов семейного архива. Информация о дореволюционном прошлом своих предков частично сохранилась в семейных легендах, которые требуют документального подтверждения. Для этого необходимо посещение официальных учреждений (музеев, библиотек, ведомственных и государственных архивов). По итогам работы с документами в данных учреждениях некоторые учащиеся добиваются и до VI–VII колена своей родословной.

Так как в школе за основу взята учебно-исследовательская технология, то уже на 1 курсе каждый учащийся выбирает тему для изучения и работает над ней индивидуально под руководством педагога в период всего обучения.

Данные исследования проводятся с использованием неопубликованных источников, хранящихся в Центральном государственном архиве Кировской области. Источники церковного происхождения являются осно-

вой для исследования истории семей, вышедших из непривилегированных сословий.

Ведущее место среди учетных документов церковного происхождения, содержащих важную генеалогическую информацию, занимают метрические книги (Ф. 237. Оп. 226). Тем более, что сохранность метрических книг Вятской губернии представляет собой уникальное для областных архивов явление.

Также ценными, информационно насыщенными документальными генеалогическими источниками являются исповедные росписи (Ф. 237. Оп. 71). Исповедные росписи – это ведомости о прихожанах, бывших на исповеди и на причастии, ежегодно составляющиеся священником каждой приходской церкви.

Клировые ведомости содержат много сведений о служителях церкви (Ф. 237. Оп. 70). В ЦГАКО хранятся книги с середины XVIII в. до начала XX в.

Важнейшим источником в проведении генеалогического поиска являются материалы переписей населения – ревизские сказки (Ф. 176. Оп. 2).

Помимо перечисленных материалов для отдельных исследований использовались также и другие источники (Ф. 215. Оп. 1, 2; Ф. 216. Оп. 1 и т. д.)

В конце 3-го курса проводится защита учебно-исследовательских работ учащихся.

По итогам защиты лучшие работы школьников поступают на постоянное государственное хранение в ЦГАКО, где существует архивный фонд Центра. Также в конце каждого выпуска издается сборник со статьями учащихся по темам их исследований.

Исследований учащихся, связанных с родословной, достаточно много, так как собственная история всегда вызывает интерес. Тематика работ разнообразна.

За прошедшие годы сложились несколько направлений генеалогических исследований учащихся. Изучаются фамилии родословной, профессии и занятия предков, их жизнь и деятельность в разные исторические периоды.

Школьники с удовольствием не только восстанавливают собственную родословную, но и рассматривают ее взаимосвязь с историей Вятского края и всей страны. Есть в нашей картотеке работы, рассказывающие о старообрядчестве, коллективизации, репрессиях и гонениях 30-х – 40-х гг. XX в., об участии предков в различных войнах и т. п.

Вот темы некоторых работ: «Предки мои – крестьяне», «Профессии и занятия моих предков», «Кто я и откуда?», «Мы не знали, что такое слезы, мы все терпели... (из истории одной семьи)», «С Россией связаны навеки (о судьбах российских немцев в свете исторических событий на примере семей Унгеман и Метцлер)», «Из истории старообрядчества России на примере семей Чернышевых-Гремитских», «Мы бережно храним... (первая систематизация материалов по истории семьи)», «История, к которой мы прикоснулись... (историкородословный поиск вятских Гончаровых на основе документов ЦГАКО)».

Традиционно большой интерес вызывает изучение фамилий вятских жителей. Важной задачей краеведов является освещение исторического заселения края, изучение истории всех без исключения населенных пунктов.

Изучение истории крестьянских семей может дать важные сведения в этом направлении. Историю любого народа невозможно представить без биографий конкретных людей и родословных их фамилий. В фамилии, ее историческом бытовании очень отчетливо проявляет-

ся связь человека как индивидуума с историей. Темы исследований: «Фамилия Куимов и Вятский край», «Фамилия Бушков в истории села Русский Турек», «Фамилия Мотовиловых в истории села Павлово Пижанского района», «Фамилии моих предков на Котельничской земле», «Фамилия Казаковы – одна из самых ранних фамилий д. Быданово», «Антропоним Кошечев в истории Вятского края», «Из истории фамилий Лебяжского района», «Из истории фамилий жителей города Лузы», «Фамилии родословной как средство изучения истории Малмыжского района», «Татарские фамилии на Аджимской земле на примере родословной Загидуллиной Лилии». Рассматриваются фамилии представителей всех слоев Вятской земли (купечества, мещанства, крестьянства). Однако особенное внимание обращается на фамилии вятского духовенства. Здесь сказывается личная заинтересованность руководителя. Уже более четверти века я занимаюсь восстановлением своей родословной, одна из ветвей которой – священнический род Пинегиных. Представители 11 поколений этого рода верой и правдой служили в церквях Вятской епархии на протяжении 250 лет.

Многие известные вятчане были родом из духовного сословия (Васнецовы, Бехтеревы, Пинегины, Спасские, Костровы и др.) На протяжении столетий духовенство Вятки давало стране и краю врачей, учителей, инженеров, общественных деятелей и людей искусства. Понимая, какой огромный вклад внесли служители церкви в развитие Вятского края, о них самих мы знаем непростительно мало. Просмотрев тематику исследований государственного архива Кировской области за последние 10 лет, мы выяснили, что посетители занимаются восстановлением своих родословных, изучают из-

вестные роды, отдельных представителей вятского духовенства. Однако в целом вопросом о фамилиях служителей церкви, существовавших на Вятской земле, никто не занимался. Даже полного списка фамилий священно- и церковнослужителей Вятки не существует в каких-либо печатных изданиях. Таким образом, учебно-исследовательские работы учащихся ОЗКШ призваны дополнить эту недостающую информацию.

Разработаны темы: «Клир Покровской церкви с. Адышево Орловского уезда Вятской епархии с сер. XVIII в. до нач. XX в.»; «Клировые ведомости как источник сведений о священно- и церковнослужителях (на примере клира Покровской церкви с. Адышево); «Восстановление истории вятской династии священно- и церковнослужителей Романовых по материалам клировых ведомостей (XVIII в. – XIX в.)», «Фамилии священно- и церковнослужителей Вятской епархии в сер. XVIII в. (на основе клировых ведомостей); «Фамилии священно- и церковнослужителей Орловского заказа Вятской епархии во 2-й пол. XVIII в.»; «Искусственные фамилии священно- и церковнослужителей Орловского заказа Вятской епархии в 1-й пол. XIX в.»; «Искусственные фамилии священно- и церковнослужителей Свято-Троицкой церкви с. Кстинино».

Существуют определенные трудности в написании исследовательских работ учащихся. Это, в первую очередь, невозможность работать с архивными документами непрерывно в течение всего года из-за удаленности ЦГАКО от районов. Поэтому набор материала для исследования проводится во время сессий, а затем в межсессионный период на местах идет его обработка.

Изучение истории семьи, рода – интересная, познавательная, но достаточно трудоемкая работа. В про-

цессе исследования учащиеся сталкиваются с обработкой огромного количества документной информации. Работа с первоисточниками требует больших временных затрат. Другая сложность состоит в самих документах. Они находятся в разной степени сохранности, некоторые написаны очень неразборчиво, разными почерками, с ошибками. Нынешние четырнадцати-пятнадцатилетние дети незнакомы с половиной слов, которые встречаются в документах. Все это замедляет процесс исследования, но с другой стороны, повышает мотивацию учащихся к дальнейшей работе.

Анализ исследований учащихся позволил подвести некоторые итоги. В ОЗКШ учатся дети со всей области. Все они стараются изучать историю своего района комплексно: с точки зрения географии, истории, культуры, исторической ономастики. Поэтому в некоторых районах практикуется преемственность исследований. В течение нескольких лет учащиеся Адышевской школы изучают историю Покровской церкви, открытой в их селе еще в XVII в. Описана архитектура данной церкви, история ее создания и развития, а также собирается материал о людях, в ней служивших. На базе собранных сведений составляется картотека служителей Покровской церкви за 150 лет. Эти исследования позволили добавить много нового к истории села.

Духовно-нравственное возрождение России во многом зависит от того, как в современных семьях восстанавливается духовная память о предках, возрождается родовая традиция. Именно генеалогии отводится немалое место в ликвидации бездуховности нашего общества, ибо некоторые науки делают людей не только более разумными, но и лучшими. Направление генеалогических исследований учащихся ОЗКШ очень перспек-

тивно. В процессе написания исследований они получают неоценимый опыт работы с архивными документами, расширяют знания по генеалогии, антропонимике, другим наукам. Восстанавливая родословную, школьники возвращаются к своим истокам, учатся любить семью, род, малую родину. Изучая историю собственных семей на фоне исторических событий, происходивших в нашей стране, они добавляют штрихи к истории родного края. Учебно-исследовательская деятельность учащихся способствует формированию у детей чувства гражданственности и патриотизма, а также вносит вклад в развитие региональной генеалогии Кировской области.

Опыт совместной работы над историческими телевизионными передачами сотрудников архива и сотрудников телевидения

А. А. Фоминых

Центральный государственный архив Кировской области для журналиста – это поистине пещера сокровищ. Сколько интересного и ранее неизвестного можно найти на стеллажах фондохранилищ!

Конечно, без открытости коллектива и руководства архива, без готовности специалистов помочь у журналиста ничего не получится. Именно понимание того, что уникальные фонды нужно бережно сохранять и изучать, при этом не держать их под спудом, а представлять обществу – отличает вятских архивистов.

Мне, как автору программ по истории Вятской земли, не удалась бы ни одна работа без помощи руководства и сотрудников архива.

Архивные документы – это всегда открытие. Телевизионная передача – это всегда достойный, впечатляющий видеоряд. А где он лучше, если не в архиве? Таинственный полумрак фондохранилищ, ровные ряды коробок документов с датами от 18 столетия и до наших дней! Многие до сих пор думают, что архивы – это очень закрытые организации, что попасть в архив могут только профессиональные историки. Не даром здания архивов порой напоминают крепостные башни с узкими бойницами окон. На самом деле все иначе! Стоит только переступить порог архива, и ты видишь доброжелательные лица знающих свое дело, трудолюбивых людей, экспертов, не скрывающих своих профессиональных секретов.

Поэтому на Вятской земле сложилось так, что в архив любят приходиться гости. И архивисты сами приглашают к себе гостей, чтобы поделиться своими открытиями и находками.

В Центральном государственном архиве Кировской области вот уже более 12 лет действует клуб друзей архива «Летописец». В 2006 г. мне посчастливилось снимать первое заседание клуба. Я назвал материал «Чай для ученых».

Я знаю, что специалисты архивного дела очень ценят подлинные документы. И у меня тоже есть свой архив, в котором я сохранил все тексты своих сюжетов, фильмов и передач. Открываю папку 2006 г. – вот он, мой первый сюжет о деятельности архива и популяризации документального наследия прошлого.

10 марта 2006 г.

Ведущий в студии: «Сегодня в Государственном архиве Кировской области собрались профессиональные историки и краеведы, все те, для кого архив, как дом

родной. Встреча проходила в неформальной обстановке. Впервые ученые собрались в архиве не для работы с документами, а просто попить чаю».

Сюжет: Встреча носила закрытый характер, но для съемочной группы КГТРК «ВЯТКА» сделали исключение. «Встреча друзей архива» – так решили назвать это мероприятие. Те, кто на ней присутствуют в полной степени соответствуют понятию – друзья. Кто-то помогает в публикации материалов, кто-то давно и плодотворно работает с фондами. Но главное сегодня – это поздравления в адрес работников архива. Возможность преподнести свои подарки.

Михаил Судовиков, историк, дарит собственные книги: «В каждой статье, а это статьи наших аспирантов и преподавателей кафедры, есть ссылки на Государственный архив Кировской области».

Текст: «Собравшиеся охотно делятся друг с другом последними открытиями, сделанными в этих стенах. Вообще ни один историк не может представить себя без работы в архиве».

Валентин Сергеев, историк, краевед: «В центральные архивы приходят документы. Ну, скажем, из губернии, выжимки. А самая деталь, то чем живет и пульсирует история, она сохраняется в местных архивах».

Текст: «Даже в праздник в архиве работают историки, на свет извлекаются документы, столетиями лежавшие в фондах архива. Открываются новые факты и имена».

Михаил Судовиков, заведующий кафедрой Отечественной истории ВятГУ: «Открытия, вы знаете ожидают на каждом шагу. Бывает открытием, хотя бы тот факт, что ты берешь дело и видишь, что с

этим делом никто раньше до тебя не работал. И ты начинаешь это дело листать и встречаешь информацию которая нигде не опубликована, быть может, эта информация глобального значения не имеет, но вот эти крупницы позволяют в целом рисовать картины прошлого».

Текст: «Дальнейшая совместная работа архива и историков обещает нам множество интересных и даже сенсационных открытий. Ведь в истории России и Вятки еще достаточно белых пятен. Алексей Фоминых, Николай Швецов. Вести – Кировская область».

В дальнейшем идея встреч клуба друзей архива «Летописец» разовьется до культурных событий городского масштаба. В рамках клуба будут проводиться выставки уникальных документов, театрализованные представления и музыкальные вечера. Будут выступать известные историки и краеведы, такие, как Евгений Пятунин, Тамара Николаева, Антон Касанов, Владимир Семибратов, Валерий Мусихин и многие, многие другие.

Особенно ценны такие встречи для начинающих историков, для студентов только здесь, они могут так близко, ознакомиться с документами 18–20 веков, попытаться разобраться в хитросплетениях древней скорописи и ощутить всю прелесть работы с первоисточником.

Вятскую землю обошли стороной нашествия и войны, поэтому у нас в архивах сохранились редкие документы, рассказывающие о патриотизме вятчан в трудные для страны годы нашествия «двунадесяти язык» – Наполеоновских полчищ. Несмотря на удаленность от театра боевых действий, Вятка не была в стороне от этих исторических событий. Когда в канун столетия Бородинской битвы в 2012 г. мне предложили на

ГТРК «Вятка» взялась за тему участия вятчан в Отечественной войне 1812 года, я предполагал сделать один, максимум, три сюжета о той эпохе.

И первое, что я предпринял, пришел в Государственный архив Кировской области. В нашем регионе в то время эта тема была слабо разработана и не было ни передач, ни фильмов, на которые можно было бы опереться. В средствах массовой информации этот период практически не освещали даже в юбилейные годы. Считалось, что это «не наша, не вятская тема». Беглое знакомство с документами, представленными архивистами, показало, что тема еще как наша! Так родился мини сериал «Вятские: Война и Мирь», который и сегодня, в рамках кинолектория «Мы-Вятские» от ДЮЦ имени Александра Невского служит незаменимым учебным пособием при преподавании истории родного края. А началось все с темы Вятских ополченцев 1812 года. Вот сценарий первой серии этого проекта:

Студия. Ведущий Михаил Коньшев: «Мы начинаем рассказ о событиях 1812 года в рубрике «Вятские: Война и Мирь». В год юбилея Бородинской битвы ГТРК «Вятка» совместно с Государственным архивом Кировской области расскажут об участии наших земляков в тех грозных и судьбоносных событиях. Сегодня речь пойдет о вятском народном ополчении».

Ведущий Юлия Шалаева: «Почему именно благодаря вятским Европа сохранила уникальные произведения архитектуры и искусства, и как представители славного рода Васнецовых оказались в составе ополчения смотрите в материале Алексея Фоминых?»

Сюжет: «...за великое поставляю счастье пролить кровь мою на ратном поле...мне 17-й год, но рука крепка, оружие не выпадет из оной», – писал в прошле-

нии об отправке в ополчение уроженец Слободского уезда Петр Смолин. Эти строчки ярко характеризуют настроения жителей вятской губернии в 1812 г. – в эпоху великих испытаний».

(Кадры из х/ф «Кутузов: отступающие войска («Ну вот опять отступаем – да не отступаем, а меняем позицию – для баталии! Нешто можно без позиции баталию давать!»)

Текст: «При численном преимуществе противника и быстром продвижении его во внутрь российских земель Александр I решился на необычный шаг и издал манифест призывающий «все сословия и состояния к единодушному и общему содействию против врага». Таким образом, было узаконено народное ополчение. Была одобрена партизанская война».

Елена Кодолова, главный специалист отдела использования архивных документов ГАКО: «Жители Вятской губернии с тревогой следили за разворачивающимися событиями. Многие решили «защищать отечество до последней капли крови, а если уже и к селениям их будет приближаться неприятель, то все они, кто может, пойдут с какими-нибудь орудиями для поражения супостата».

Текст: «Местом формирования Вятского ополчения были намечены два города Вятка и Уржум.

В ополчение принимались мужчины от 17 до 45 лет, здоровые и пригодные к службе.

Было определено обмундирование ополченца армяк и шаровары серого сукна, кожаный ремень с патрон-ташем на 20 патронов и суконная шапка с латунным крестом и вензелем императора.

Наиболее слабым местом ополченца являлось вооружение. Для пехотинца – пика и ружье со штыком, для конного воина – пика, сабля и пистолет.

В краеведческом музее Кировской области хранятся уникальные экземпляры оружия той эпохи – нам разрешили провести съемку непосредственно в фондах музея».

Сотрудница фондов музея: «Вот пика, вот кистень – его тоже могли применять ополченцы. Смотрите какой тяжелый – он-то понадежней даже пики будет».

(Щелкает затвор).

Алексей Фоминых, режиссер проекта «Вятские: Война и Мирь»: «Тяжелое, гладкоствольное, долго перезаряжается! Вятские ополченцы предпочитали использовать такие пики в рукопашной».

Текст: «Жители Вятской губернии – удмурты, мари, татары – также принимали активное участие в борьбе с наполеоновскими ордами. Сохранились документальные свидетельства о вступлении добровольцами в вятское народное ополчение татар, живших в губернии. Так, в г. Сарапуле записались добровольцами 6 человек. Среди них Абдулвакит Сейфуллин и Петр Курбатов. Ополчение становилось действительно всенародным.

Елена Кодолова, главный специалист отдела использования архивных документов ГАКО: «Большой отклик получил призыв императора в сердцах вятского духовенства и учеников семинарии, сохранилось много рапортов прадеда художников Виктора и Аполлинария Васнецовых Козмы Ивановича Васнецова, благочинного Нолинского округа о разрешении семинаристам и духовным вступить в ополчение. Среди них, есть и пред-

ставители рода Васнецовых. В документах Нолинского благочиния сохранились свидетельства о том, что предки художников Васнецовых воевали в 1812 г. в Вятском ополчении».

Текст: «Вятским ополченцам не пришлось сражаться с наполеоновскими войсками на своей родной земле. К моменту готовности выдвинуться на театр военных действий враг уже был разбит и изгнан из пределов русской земли. Вятчанам пришлось воевать на территории Западной Европы. В октябре 1813 г. ополчение принимало участие в блокаде г. Дрездена. Наполеон считал его «основным пунктом для противодействия неприятелю» Осада города велась под непрерывным обстрелом, вооружение ополченцев во многом уступало вооружению французских солдат, но как отмечают западные историки того времени, «выказав врожденную им храбрость русские сражались упорно».

(Кадры из х/ф «Кутузов»: сражение).

Аркадий Колотов, начальник отдела использования архивных документов ГАКО: «Известно, что Дрезденская галерея находилась под охраной вятских ополченцев, и они спасли галерею от отступающих французских мародеров».

Текст: «Из документов архива мы узнали, что в списках воюющих значился и Петр Смолин из Слободского уезда. Значит, сбылась мечта 17-летнего юноши защищать свое отечество с оружием в руках!

Судьба бывших ополченцев сложилась по-разному. Кто-то вернулся к своему обычному ремеслу и крестьянским занятиям. Некоторые были зачислены в счет рекрутов и уже никогда домой не вернулись. Некоторые, вернувшись домой, пошли на повышение по службе, например, как Алексей Васнецов. По Высочай-

шему повелению, участники той войны имели преимущество при поступлении в полицию.

Алексей Фоминых, Андрей Никулин, Валерий Никулин. Вести – Кировская область».

Сколько интереснейшей информации, а ведь это только малая часть нашего совместного проекта! Всего в сотрудничестве со специалистами ГАКО мы сняли около десяти серий, в которых рассказывалось о благотворительности на Вятке, о наших земляках – героях Отечественной войны 1812 года, уроженце города Хлынова генерале Юшкове – первом военном коменданте Парижа, о дочке городничего г. Сарапула Надежде Дуровой, проявившей себя в боях с французами, первой женщине – кавалере Георгиевского креста, получившей контузию на Бородинском поле.

Особой темой стали пленные французы, попавшие в Вятскую губернию и их дальнейшая судьба. Все эти темы мы смогли осветить в эфире ГТРК «Вятка» только благодаря удивительно богатым архивным фондам.

В 2014 г. пришло время рассказать об участии наших земляков в «забытой войне» – Первой мировой. И здесь мы сделали немало поразительных открытий!

Вятчане – первые авиаторы. Санитарный поезд имени Вятской губернии. Расцвет меценатства и благотворительности в трудное военное время.

Работая над темой Первой мировой войны совместно с сотрудниками архива, мы чувствовали, что именно здесь, на съемках поднимаем пласт маловостребованных в прошлом документов. У многих лист использования был абсолютно чист! Мы были первыми за сто лет, кто просматривал эти «папки» с целью публикации!

На одной из съемок была сделана интереснейшая находка. Прямо под объективом камеры, Антон Касанов, тогда еще сотрудник ГАКО, извлек из невзрачного конверта набор открыток. На нем были изображены палаты госпиталей в городе Котельниче, раненые солдаты и офицеры, отправка на фронт Вятской пешей дружины и молебен на площади. Но самым потрясающим для меня стал архивный фонд «Красного креста», содержащий письма вятских солдат на родину с передовой и даже из немецкого и австрийского плена!

25 августа 2014 г.

Ведущий в студии: «Сегодня в рубрике «Вятские: Война и Миръ» мы продолжим рассказ о событиях Первой мировой. И в этом нам помогут солдатские письма той поры – еще один малоизученный и практически неизвестный широкой общественности источник информации о жизни России и Вятки начала 20 века».

Сюжет: «В Государственном архиве Кировской области в разряде особо ценных документов хранится папка с пожелтевшими листками самых разных размеров. Они попали в архив вместе с бумагами Вятского отделения российского Красного Креста. Это письма солдат, призванных на войну из Вятской губернии».

(На экране – письмо).

«21 июня 1915 г.

В Вятскую городскую управу

Многоуважаемые господа!!!

Прошу не отказать моей просьбе. Вышлите гармошку, на которой я хорошо могу играть/двухрядка, русский строй. На такой гармошке я играл дома и на действительной службе. Но как поехал на войну, так гармошку взять не пришлось. А теперь хорошо бы

иметь и развеселить публику в горькую минуту, в особенности, после похода.

*С почтением к Вам защитник до гробовой доски
Семен Шатров*

Проживавший г. Вятка: слобода Дымково».

В годы Первой мировой войны председателем вятского общества Красного Креста был губернатор Андрей Чернявский. Члены общества организовали курсы подготовки сестер милосердия. Принимали на лечение раненых. Кроме того, именно они помогали доставлять письма с фронта, причем, даже из Германии и Австрии от пленных солдат».

Сергей Касанов, историк медицины, писатель: «Деятельность Вятского Красного Креста неразрывно связана с Российским Красным Крестом, и заслуги вятского красного креста очень большие: это и Русско-Турецкая, Русско-Японская и Первая мировая Война. На войне сестры милосердия, санитарки проявляли беспримерный подвиг! В тылу собирали вещи, шили белье».

Текст: «Эти письма никогда не публиковались. И по разным причинам так и не достигли своих адресатов. Отдадим должное Вятской организации Красного Креста, благодаря которой сохранились эти весточки с фронта. Каждое письмо – это маленькая история вятской семьи начала 20 века».

Алексей Леонтьев, главный специалист отдела использования архивных документов ГАКО: «Это письмо Владимира Глебовича Дмитриева, 13-я рота пехотного Свяжского полка: «Я, по милости Божией, жив, здоров, чего и тебе желаю, клянусь дорогим моим деточкам Санюшке, Олюшке, Наденьке, немедленно их увези от твоей матери, тебе охота довести их и простудить? Чтобы я этого не видел, пока жив!» Отец на

службе далеко от своего дома, но не забывает о своих детях, и говорит, чтобы они слушались матери, вели себя хорошо, и заботится, чтобы они не простудились».

Текст: «Нарочито простой стиль письма и бытовое содержание – гарантия того, что письмо не будет задержано военной цензурой. Часто в письмах можно прочитать просьбу выслать посылку, сухари, одежду. Рассказов о боевых действиях и подробностей окопной жизни практически нет. Но часто можно встретить сообщения о боевых наградах. Вот как об этом сообщает жене вятчанин Владимир Дмитриев».

Алексей Леонтьев, главный специалист отдела использования архивных документов ГАКО: «С великим терпением получил я Георгиевского кавалера, имею два креста, а дальше не знаю, что будет моли Бога, может бог помилует нас грешных, нахожусь на передовой линии».

Текст: «Есть в архиве и письма другого рода. На них стоит два штампа цензуры. Сначала немецкой, а затем русской. Обратный адрес – барак военнопленных. В Первую мировую солдат, попавший в плен, имел возможность сообщить о себе родным. Такие письма придавали человеку силы и надежду на возвращение в родной дом».

Алексей Леонтьев, главный специалист отдела использования архивных документов ГАКО: «Почему ты мне не пишешь, забыла, наверное? Напиши хотя бы там немножко, хоть две строчки, чтобы я хоть как дома побывал».

Текст: «Некоторые из фронтовых писем написаны на бумаге с миниатюрами, изображающими эпизо-

ды сражений и военную технику той эпохи. Это достаточно интересный и малоизученный факт».

Алексей Леонтьев, главный специалист отдела использования архивных документов ГАКО: «Очень трогательные бывают письма. Читаешь и видишь солдата в окопе, он там, в сыром окопе пишет письмо на коленке и отправляет его далеко в Вятку».

Текст: «Что же касается нашего первого героя Семена Шатрова, удивительно, но искомая гармошка, несмотря на все трудности военного времени, была незамедлительно выслана в действующую армию. Яркий факт, свидетельствующий об отношении жителей тыла к землякам, защищавшим Отечество».

«7 августа 1915 г.

Семену Павловичу Шатрову

действующая армия, штаб 3 армейского корпуса.

Городская управа одновременно с сим, посылкой препроводила Вам двухрядную русского строя гармошку, о получении коей просит ее уведомить. Член управы Житных».

Добавим, что с уникальными документами и фотографиями, в том числе, с солдатскими письмами времен Первой мировой войны, можно будет познакомиться на выставке, которая пройдет в Государственном архиве Кировской области в начале сентября (2014 г.)».

Интересно и полезно работать в архиве любому журналисту. Уникальная информация – это не только источник вдохновения для новых творческих работ, но и путь к профессиональному успеху.

Одна из работ цикла «Вятские: Война и Мирь» – «Кавалерист девица Германской войны», рассказывающая об А. Т. Пальшиной, в 2014 г. стала абсолютным

победителем Всероссийского конкурса средств массовой информации «Патриот России», который проходил в г. Уфе. Эта награда еще раз подчеркнула важность и актуальность исторической темы на региональном телевидении и показала, что сотрудничество с архивами в деле производства телепрограмм и документальных фильмов – один из главных столпов будущего успеха произведения!

Конечно, превратить документ в изображение на экране очень непросто! Для этого требуется особое освещение, камера высокого разрешения и очень много съемочного времени. Но все затраты окупаются сторицей, ведь главное в том, что зритель узнает с телеэкрана новые факты из истории своей малой родины, о героизме своих предков-вятчан, а это и есть главная первооснова патриотизма!

Из миллионов документов, заполняющих фонды вятских архивов, в наших фильмах и передачах не отражено, наверное, и сотни единиц. Так что задел для дальнейшего сотрудничества огромен, если не сказать – неисчерпаем!

В завершение приведу слова уважаемого вятского историка, которого уже нет с нами, Валерия Егоровича Мусихина. Его интереснейшие интервью есть во многих моих материалах, посвященных архиву. На одной из встреч клуба «Летописец» в 2008 г. он сказал запоминающиеся и важные слова: «Я здесь, наверное, ни как историк скажу, а как гражданин, конечно, нужно больше выделять средств, чтобы расширять возможности архивов, надо больше платить сотрудникам архива. Поэтому, что они ведь хранители нашей всей истории, а мы прекрасно знаем, что без знания истории, прошлого, нельзя, конечно, и понять настоящее».

Абрам Столяр – первый руководитель Кировской области

П. А. Чемоданов

Постановлением ВЦИК от 14 января 1929 г. была ликвидирована существовавшая с 1796 г. Вятская губерния и большая часть ее территории оказалась в Нижегородской области, преобразованной затем в Горьковский край. По исторической иронии, возрождение самостоятельности Вятской земли как региона произошло лишь после убийства С. М. Кирова, с переименованием Вятки в Киров и образованием Кировского края в конце 1934 г. [1. С. 76].

Первым секретарем Кировского крайкома ВКП(б), т.е. фактическим руководителем нового региона, сразу же после этого был назначен Абрам Яковлевич Столяр (1901–1938). Именно он управлял Вятской землей в самый сложный исторический период 1935–1937 гг. Несмотря на историческую значимость фигуры А. Я. Столяра для Вятского края, подробностей его биографии известно немного. Автор этих строк надеется хотя бы частично восполнить обозначенный пробел на материалах двух государственных архивов – Государственного архива социально-политической истории Кировской области и Центра документации общественных организаций Свердловской области.

Основные факты о жизни Абрама Яковлевича Столяра можно почерпнуть из его автобиографии [2. Л. 9–10]. Он родился в апреле 1901 г. в с. Олово Читинского уезда Забайкальской области в семье крестьянина еврейского происхождения. В конце 1900-х гг. семья Столяров (8 детей) переехала в г. Нерчинск, где глава семьи постепенно начал свое дело. Первоначально он на верблюдах возил мясо на

нерчинские золотые прииски, где торговал им, затем сам стал владельцем одного из приисков. Однако разбогатеть Якову Столяру не удалось, и перед Первой мировой войной он разорился, попав за долги в заключение сроком на два года. Старшим детям в семье пришлось в тот период наниматься на работу. Пользуясь заработками старших братьев и сестер, юный Абрам смог учиться в Нерчинском реальном училище и окончить его в 1917 г.

Сам А. Я. Столяр впоследствии так описывал этот непростой отрезок своей жизни: «Время разорения отца было чрезвычайно революционизирующим моментом для всей семьи, так как от обеспеченной жизни пришлось впасть в крайне бедственное положение с сопровождающим его изменением отношения всех окружающих» [2. Л. 9].

Именно в таком положении семью Столяров застала Февральская революция. В апреле того же года в Нерчинске членом Сибирского бюро ЦК РСДРП(б) Приямовым была создана партийная организация большевистской партии, куда вступил и выпускник Нерчинского реального училища Абрам Столяр. Он же был одним из создателей коммунистической молодежной организации, «стоящей на платформе признания советской власти», которая со временем влилась в созданный комсомол.

В период между Февралем и Октябрем 1917 г. А. Я. Столяр в числе других активистов вел агитацию против ведения войны с Германией и за передачу всей полноты власти советам в среде крестьян, рабочих-кожевников и казаков.

Затем будущий руководитель Кировского края непосредственно участвовал в установлении советской

власти на Дальнем Востоке: был комиссаром почты и телеграфа, секретарем Нерчинского Совета рабочих и солдатских депутатов, членом комиссии по сбору контрибуции (по итогам Брестского мира), участвовал в «усмирении казаков» и т. д. После образования РККА, будучи председателем военного отдела Совета РСД, принимал участие в организации армейских частей. С первым образованным красноармейским отрядом ушел на Забайкальский фронт в качестве комиссара.

Дальнейшая биография А. Я. Столяра была не менее насыщенной. На фронте он являлся представителем военно-полевого суда над «семеновцами» (т.е. пленными бойцами и командирами белой армии атамана Г. М. Семенова).

В сентябре 1918 г., в связи с начавшейся иностранной интервенцией на Дальний Восток и последовавшим за ней падением советской власти, в составе конного партизанского отряда отступил на Амур. Затем (уже нелегально) Абрам Столяр с несколькими товарищами пытался через КВЖД перебраться в Сибирь, однако группа задержалась в «полосе отчуждения» КВЖД (имеется в виду территория, оккупированная войсками китайского военачальника Чжан Цзолиня).

В период нахождения в Маньчжурии А. Я. Столяр вел нелегальную политическую деятельность против бывшего царского управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата.

Лишь к маю 1920 г. он получил возможность вернуться на советскую территорию и обосновался в г. Верхнеудинске (совр. Улан-Удэ), который являлся в тот момент столицей Дальневосточной республики (ДВР). С этого момента и до ноября того же года

служил в политическом отделе Народно-Революционной армии ДВР. С ноября 1920 г. Абрам Яковлевич работал заместителем начальника Центральной партийной школы флота и армии ДВР. В конце 1920–1921 гг. продолжал службу в Народно-Революционной армии ДВР, параллельно с этим вел массовую политическую работу, являясь членом дальневосточного бюро ЦК РКП(б).

В октябре 1921 г. А. Я. Столяр был командирован в г. Екатеринбург для учебы в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, где одновременно являлся членом бюро ячейки лекторской группы и секретарем дискуссионного клуба. В 1924 г. успешно завершил обучение в университете.

После этого, в связи с «Ленинским призывом» в партию был направлен на работу в Нижегородский губком РКП(б) (с 1925 г. – ВКП(б)). Позднее работал в Канавинском райкоме партии г. Нижнего Новгорода, затем лектором и редактором газеты «Нижегородская коммуна», а после был назначен первым секретарем Канавинского райкома партии.

С этого момента партийная карьера А. Я. Столяра пошла в гору. В 1929 г. он перешел на работу в Нижегородский крайком ВКП(б), где стал быстро подниматься по служебной лестнице, сменив должности заведующего агитмассовым отделом, 3-го секретаря крайкома и, наконец, 2-го секретаря Горьковского крайкома ВКП(б).

В декабре 1934 г. был утвержден в должности первого секретаря Кировского крайкома ВКП(б) [3. Л. 2]. Он руководил Кировским краем (с декабря 1936 г. – Кировской областью) до июня 1937 г., пока не был переведен на должность первого секретаря Сверд-

ловского обкома ВКП(б). За период своей партийной деятельности, начавшейся еще в 1917 г., избирался делегатом VII, VIII Всесоюзных, XII Всероссийского съездов Советов, XVI и XVII съездов ВКП(б), членом ЦИК СССР, депутатом Верховного Совета СССР 1-го созыва (1937) [4. С. 41–42].

Итоги развития Вятского края под руководством А. Я. Столяра были подведены уже после его перевода в г. Свердловск, на I Кировской областной партийной конференции, состоявшейся в июне 1937 г.

В материалах к отчету Кировского обкома ВКП(б), изданных к ее началу, приводились следующие показатели. Так, основные фонды промышленности территорий, вошедших в конце 1936 г. в состав Кировской области, выросли на 41 %, а валовая продукция всей промышленности в начале 1937 г. составляла 170 % к уровню 1934 г. Увеличилась численность рабочего класса региона: с 35 тыс. чел. до 43 тыс. (данные по государственной промышленности за вычетом Удмуртии). Согласно официальной версии, более 40 % из них было охвачено стахановским движением, начавшимся на территории края в сентябре 1935 г.

Значительный прогресс наблюдался и в механизации сельского хозяйства: в начале 1937 г. в области было 78 машинно-тракторных станций с 5366 тракторами вместо 48 МТС с 1053 тракторами в конце 1934 г. [5. С. 3].

Серьезный толчок был дан и развитию культуры. Показательно, что именно после назначения А. Я. Столяра первым секретарем Кировского крайкома ВКП(б) в регионе появилось собственное государственное книжное издательство [6. С. 90].

За годы руководства А. Я. Столяра начал преобра-

жаться и сам региональный центр. В г. Кирове в 1935–1937 гг. было начато возведение широко известных ныне зданий центральной гостиницы, драматического театра, Дома Советов, «дома чекистов» и двух «домов облизполкома» (на набережной р. Вятки). Был также пущен в строй один из двух существовавших тогда в СССР Комбинат учебно-технического школьного оборудования, где на 1 января 1937 г. работало около 4 тыс. рабочих [5. С. 14].

О личных качествах Абрама Яковлевича невозможно судить по сухим архивным документам. Однако сохранились любопытные воспоминания известного передовика Омутнинского металлургического завода, сталевара Ф. К. Вилловых о встрече с ним на I краевом совещании стахановцев (г. Киров, 2 декабря 1935 г.). Стахановец вспоминал: «В Кирове я встретился с тов. Столяр. Он сказал мне, что на некоторых заводах выплавляют на квадратный метр [стали] в два-три раза больше, чем Омутнинские заводы. Я ответил на это тов. Столяр[у]: «Шесть с половиной тонн я, пожалуй, дам, Абрам Яковлевич!». «Когда дашь шесть с половиной тонн, напиши мне», – сказал, пожимая мне руку, товарищ Столяр, – «Филипп Кузьмич, я на тебя надеюсь...» [7. С. 37]. Из приведенного отрывка можно заключить, что первый секретарь Кировского крайкома ВКП(б) был прост в общении даже с простыми рабочими.

Перевод в индустриальный Свердловск стал для А. Я. Столяра серьезным повышением и показателем доверия Москвы, однако кадровая политика новоиспеченного первого секретаря Свердловского обкома партии сразу несла на себе отпечаток «кумовства».

Вот что пишет об этом екатеринбургский исследователь А. В. Сушков: «В Свердловск новый хозяин

области прибыл в сопровождении целой свиты, куда входили руководящие работники, помощники и даже шоферы. В общей сложности Абрам Яковлевич перетащил за собой из Кирова более десятка человек. Самые высокие посты получили Борис Захарович Берман (бывший 1-й секретарь Удмуртского рескома ВКП(б) – П.Ч.), занявший кресло третьего секретаря обкома, и Алексей Петрович Грачев (бывший 1-й секретарь Кировского горкома ВКП(б) – П.Ч.), который вначале был назначен заведующим промышленным отделом обкома, а позже, в октябре 1937 г. – председателем облисполкома. Учитывая, что второго секретаря в обкоме не было почти на всем протяжении «столяровского правления», эта троица стала заправлять всеми (или почти всеми, так как к тому времени значительно возросла роль начальника областного УНКВД) делами в бюро обкома» [8. С. 134].

Судьба самого А. Я. Столяра и многих его выдвиженцев после перевода сложилась трагично. Проработал Столяр в г. Свердловске около десяти месяцев. Решением ЦК ВКП(б) от 31 марта 1938 г. он был снят с должности и в этот же день арестован. Уже 6 апреля в г. Свердловске состоялся IV внеочередной пленум обкома ВКП(б), где присутствовал секретарь ЦК партии А. А. Андреев, который выступил с разъяснением решения Москвы в отношении А. Я. Столяра. В резолюции пленума Абрам Яковлевич был обвинен в сокрытии вредительства и развале всех отраслей экономики региона. В документе значились следующие обвинения в адрес бывшего первого секретаря: «Обком ВКП(б) [под его руководством] не выполнил прямых директив ЦК и лично т. Сталина по борьбе с вредительством... Не закончено распределение

доходов по трудодням в 1937 г., имеет место незаконное исключение крестьян из колхозов, недопустимые размеры принял падеж скота. Урожай 1937 г. со 100 000 га на 1 апреля оставался необмолоченным... за 1-й квартал 1938 г. план по чугуну по заводам Востокстали выполнен лишь на 52 %, по стали — [на] 66 %, план погрузки на ж/д им. Кагановича в I квартале выполнен лишь на 75 %...» и т. д. [9, л. 185]

В сводке важнейших показаний арестованных НКВД, поданной И. В. Сталину 3 апреля 1938 г., фигурировали, в том числе, и показания А. Я. Столяра. В документе говорилось: «В поданном заявлении на имя наркома Столяр А. Я. сознался в том, что он с конца 1933 года являлся участником существовавшей в г. Горьком контрреволюционной организации правых, в которую был вовлечен [бывшим первым секретарем Горьковского крайкома / обкома ВКП(б)] Прамнэком и Погребинским. Организация расставляла на важнейшие посты свои кадры, вела борьбу на идеологическом фронте, проводила вредительство в промышленности и сельском хозяйстве, организовала повстанческую работу и террор против руководителей партии и правительства... Столяр показал, что он, как участник организации правых, проводил вредительскую работу, направленную на срыв льноводства, севооборотов и дезорганизацию планирования сельского хозяйства, в особенности северо-восточных районах [Свердловской] области... Столяр также показал, что после избрания его первым секретарем Кировского обкома он, связавшись с участниками организации правых в г. Кирове Ивановым – зав. ОблЗУ, и Дубинским – зав. Сельхоз-отделом обкома, продолжал проводить вредительскую работу в области сельского хозяйства в Кировской

области. По показаниям Столяра, участниками организации правых в Кировской области являются также: Берман – быв. секретарь обкома ВКП(б) в Удмуртии, работавший последнее время 3 секретарем Свердловского обкома ВКП(б), Абугов, Козленко – быв. секретарь Воткинской парторганизации, Вязанкин – быв. зав. отделом печати обкома. По приезде в Свердловск Столяр проводил ту же линию на сохранение вражеских кадров на местах, продолжая вредительскую линию [бывшего первого секретаря Свердловского обкома] Кабакова в партийной работе. Работая в Свердловской области, Столяр проводил вредительство в сельском хозяйстве, в результате чего привел его в тяжелое положение» [10. С. 263–264]. Разумеется, приведенные показания не могут характеризовать реальную личность А. Я. Столяра, поскольку в трагическую эпоху «большого террора» они, как правило, давались под давлением следствия.

Уже 3 июля 1938 г. А. Я. Столяр был исключен из членов ВКП(б) как «враг народа». 27 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58 п. 7, 58 п. 8, 58 п. 11 УК РСФСР приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 апреля 1956 г. приговор отменен «за отсутствием состава преступления». Постановлением бюро Свердловского обкома КПСС от 16 октября 1956 г. постановление бюро Ленинского райкома ВКП(б) от 3 июля 1938 г. в отношении А. Я. Столяра отменено. Постановлением бюро Свердловского обкома КПСС от 24 января 1989 г. восстановлен членом партии с 1917 г. (посмертно) [11. С. 49].

Как видно из приведенных фактов биографии

А. Я. Столяра, его жизнь оказалась насыщена самыми разнообразными историческими событиями первой половины XX века. Известные вехи его биографии и профессиональной деятельности говорят о том, что он был активным и талантливым руководителем, прошедшим путь от самых низов. Показания, данные им на Лубянке в 1938 г., носят явные черты самоговора и никоим образом не могут перечеркнуть реального положительного вклада Абрама Яковлевича в развитие Кировской области, о котором необходимо помнить.

Источники

1. Административно-территориальное деление Вятской губернии – Кировской области. 1917–2009 гг. Справочник. – Киров: изд-во «Лобань», 2011. – 634 с.

2. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 22. Д. 3392.

3. Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 6.

4. Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник / Сост. В. С. Жаравин, Е. Н. Чудиновских. – Киров, 2009. – 730 с.

5. Материалы к отчету Кировского обкома ВКП(б) первой областной конференции. – Киров: Кировское областное издательство, 1937. – 150 с.

6. Полвека в пути. Кировский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина. 1918–1968. – Киров: [б.и.], 1970. – 440 с.

7. Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. – Киров : Изд-во «Кировской правды», 1936. – 95 с.

8. Сушков, А. В. Десять месяцев Абрама Столяра: свердловское руководство в политических водоворотах 1937–1938 годов // Россия XXI. 2017. № 1. С. 130–157.

9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12.

10. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина: Документы и комментарии / Сост. В. Н. Хаустов. – М. : МФД, 2011. – 528 с.

11. Сушков, А. В. Руководители г. Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б) – КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950): историко-биографический справочник. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. – 168 с.

Деятельность Архивного сектора управления делами администрации Тужинского района по сохранению и использованию архивных документов

С. А. Шайко

Архив – место соединения прошлого, настоящего и будущего. Благодаря архиву сохраняется связь времен, история развития культуры и общественной жизни. Как известно, без знания прошлого своей страны нельзя ни понять, ни оценить по достоинству наш сегодняшний день, представить будущее.

Любой архив по праву можно назвать сокровищницей документальной памяти, так как главной задачей является сохранение полноценного комплекса документальных источников по истории края и их разностороннее использование.

Возросший интерес к прошлому своей страны придает большое значение деятельности архивов. Это объясняется особенностью хранящихся в них документов.

Если говорить о муниципальных архивах, то это, прежде всего, фонды органов местной власти и управления, колхозов и совхозов, предприятий, общественных организаций, учреждений и граждан, проживающих в данной местности. И, конечно, кладзем для изучения исторического прошлого своего района и страны в целом являются документы районных газет и документы инспектуры государственной статистики прошлых лет.

Работа по сохранению и использованию архивных документов является одной из важнейших задач муниципального архива администрации Тужинского района Кировской области.

Краеоведами Тужинского района подготовлен ряд изданий о своей малой родине – Тужинской земле: в 2001 г. – «Знатные люди земли Тужинской», в 2004 – «Два председателя». В 2006 г. Е. А. Вершининым была написана первая его книга «Повесть о земле Тужинской». В 2007 г. вышли также книги: А. П. Оносова. «Служба дни и ночи» (очерки по истории тужинской милиции) и «С песней по жизни» (очерки по истории народного хора «Ветеран»). При написании этих книг были использованы документальные материалы муниципального архива и Государственного архива Кировской области.

Интерес к истории своей малой Родины и к своим предкам не ослабевает. Ежегодно количество посетителей читального зала нашего архива растет. Благодаря современным информационным технологиям появилась возможность использования наших документов теми, кто живет за пределами района и области.

Каждый год в районной газете «Родной край» публикуются статьи, посвященные разной тематике. Одной из самых важных является тема героического исторического прошлого нашей Родины.

Историческая память – великая сила. Нынешнее поколение людей должно воспринимать и продолжать замечательные традиции уважения к нашей истории, к нашему прошлому, хранить благодарную память о тех, кто защищал и спас нашу Родину от захватчиков.

Славные традиции боевого подвига наших земляков были отражены в статьях, которые ежегодно публикуются в районной газете.

В 2015 г. была проведена подборка материалов об участии земляков-тужинцев в сборе средств на укрепление Родины и их самоотверженном труде во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. На информационном стенде размещена информация о тех, кто был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Статья «Пиштенурский детский дом» была посвящена жизни детей, эвакуированных в с. Пиштенур Тужинского района. Также была организована выставка документов под названием «Военные будни. Тужинский район в годы Великой Отечественной войны».

2017 г. был юбилейным для Тужинского района. Администрацией района была разработана большая программа по празднованию 50-летия образования района. Архив не остался в стороне. Так как помощь архива была необходима практически всем службам района в тот юбилейный год, то главной задачей архива стала помощь по сбору материалов и архивных документов разным учреждениям. Были подготовлены документы по истории органов ЗАГС, по истории районной библиотечной системы, к юбилею открытия Государственного банка в с. Тужа, а также материалы о передовиках и заслуженных работниках района.

Статьи «10 января 1967 года в третий раз образовался Тужинский район» и «С праздником, земляки!» посвящены юбилею района. На стенде в архиве был помещен материал по истории возникновения района «Откуда есть, пошла Земля Вятская, наш родной край Тужинский». Этот материал впоследствии был предостав-

лен работникам культуры сельских поселений для использования в работе.

2018 г. является юбилейным годом для всей архивной службы, поэтому работы в этом году у работников архивов всех уровней еще прибавилось. Конечно, поучаствовать во многих мероприятиях по подготовке и проведению празднования 100-летия государственной архивной службы России и Кировской области (о мероприятиях, относящихся к муниципальным архивам) не представилось возможным по разным причинам.

Архивный отдел нашего района принял участие в конкурсе на лучший информационный стенд. Был оформлен альбом по истории нашего архива, в котором так же представлена информация о деятельности архива в наше время. В районной газете «Родной Край» была помещена статья, посвященная этой теме «Без архива нет истории...».

В честь 100-летия архивной службы России в МКУ «Тужинский краеведческий музей» были представлены документы (подлинники и копии) для выставки «Прошлое для настоящего», которая проходила с 1 июня по 1 августа. Общее число посетителей выставки составило 384 человека: группы летнего лагеря, жители и гости поселка.

Тесное сотрудничество архива с редакцией газеты «Родной край» позволяет донести информацию до каждого уголка и каждого человека нашего района. Написание некоторых статей планирую заранее, например, к юбилейным датам, посвященным празднованию Дня Победы – это святое, обязательно с поздравлением ветеранов.

Листая газеты 1930-х – 1940-х гг., нашла такую информацию, которая неизвестна или непонятна, ввиду

своей архаичности, современному человеку. Зная, что есть в районе заинтересованные люди, составила краеведческую викторину, договорилась с районной газетой о призах, и поместила эту викторину в газете. Результат не заставил себя ждать. Нашлись желающие получить бесплатную подписку на полгода.

2018 г. – год 100-летия комсомола. Материалов о деятельности комсомольской организации в районной газете прошлых лет, как говорится, хоть отбавляй. Современная молодежь практически ничего не знает о комсомоле, а для их родителей, комсомол – это целая жизнь.

Надо знать молодому поколению, что все, что есть в районе: школы, сады, учреждения, множество улиц поселка построили и вырастили их родители, бабушки и деды; своим ударным трудом прославили свой район. Так родилась статья «Это праздник твой, комсомолия!» (Обязательно в статье указаны фамилии людей, их заслуги и дела, награды, в конце – поздравление).

23 октября этого 2018 г. была приглашена в музей на мероприятие «Юность комсомольская моя» – на встречу поколений. Участники мероприятия: ветераны комсомола, школьники, волонтеры.

1 июня отмечается международный День защиты детей. В 2015 г. с использованием архивных документов и других источников была подготовлена статья по данной теме.

В 2016 г. в Год кино была написана статья «Ура! Кино!». Трудно представить современному человеку, живущему в век информационных технологий, что было время, когда не было не только компьютера, но и телевизора. Поэтому появление кино – это большое событие и огромная радость для всех без исключения. В статье

отражены воспоминания участников тех событий, отмечены заслуженные работники культуры, киномеханики.

К дню выборов в 2016 г. была написана статья «Исторический день – 12 декабря 1937 года» о том, как проходили первые в районе выборы в Верховный Совет СССР, о торжественности этого дня, о подготовке и проведении выборов, подсчете голосов. Были представлены копии документов, так как выборы были впервые, представлены формы избирательных бюллетеней тех лет, правила голосования.

Году экологии (2017 г.) была посвящена статья, которая называлась: «2017 год – год экологии. (Что такое экология, об истории по охране природы в районе, представлены выдержки из сочинений школьников на данную тему).

Для сохранения менталитета своего народа, развития сознания подрастающего поколения мы, в том числе, архивные работники, должны постоянно работать с молодежью и пропагандировать духовно-нравственные ценности нашего народа.

Наша задача воспитать в подрастающем поколении чувство причастности к делам родного края и понимание, что если мы будем вести себя как временно проживающие на этой земле, то не надо будет строить дома, больницы, детские сады. А если воспитать в молодежи чувство гордости за свою малую родину, то у каждого из них будет желание помочь в благом деле. Каждый будет способствовать процветанию родного края. В этом заключается значение архива как источника культурно-исторической информации.

Испытание веры на земном пути монахини Елисаветы (Видякиной)

Н. В. Шевелева

«Архивные бумаги мертвы, но в них тлеет остаток жизни, из них возрождается жизнь столетий».

(Вятский епархиальный вестник. 1915. № 34)

Каждый человек, пришедший в этот мир, проходит свой путь. Монашеский путь – особенный. Они идут путем Духовного подвига: смирения, послушания, чистоты помыслов, не стяжания, любви к Богу, чтобы в трудах и молитве ощутить благодать Божию, приблизиться к Иисусу Христу, спасти свою душу. Не всем удается пронести Веру через все испытания. Монахиня Елисавета – прошла и пронесла!

Видякина Екатерина Ивановна родом из деревни Ваничи, Сорвижской волости, Котельничского уезда, Вятской губернии. Родилась 18 ноября 1870 г. в семье Ивана Ивановича, отставного солдата, и Вассы Дмитриевны Видякиных [1. Л. 136 об.]. Что подвигло тринадцатилетнюю девочку покинуть родительский дом и отправиться во вновь создающуюся женскую общину в г. Яранске, сейчас трудно представить. 10 января 1884 г. Екатерина была зачислена в число первых послушниц [2. С. 1]. И это первый этап испытаний веры.

Игуменья Иннокентия (в миру Макарова Екатерина Васильевна) и сестры, а, значит, и Екатерина, положили не мало трудов на создание обители.

Уже через 4 года, 5 апреля 1888 г. женская община получила статус Яранского Знаменского нештатного общежительного женского монастыря.

18 августа 1889 г. игуменья Иннокентия скончалась. Монастырь возглавила монахиня Епраксия – вдова

купца Василия Филипповича Бебенина, на его землях основался монастырь [3. Л. 1–1 об.].

В феврале 1890 г. в монастыре появилась Савиных Татьяна Алексеевна. Родом из д. Шадричи, Посадской волости, Орловского уезда, четырнадцатилетняя девочка поступила богомолицей [2. С. 2]. Долгие 16 лет послушания, и 20 апреля 1901 г. Екатерина стала указной послушницей [4. Л. 1149–1149 об.].

Число сестер в монастыре росло с каждым годом: в 1888 г. – 175 [5. С. 151], в 1896 г. – 258 [6. Л. 2], в 1907 г. – 326 человек [7. Л. 8 об. – 9].

Так принято в монастырях: к молодой послушнице «прикрепляют» опытную, чтобы она быстрее освоилась в новой для нее среде и усвоила монастырский устав. Екатерина и Татьяна восемнадцать лет прожили рядом, неся послушанья, общаясь, помогая друг другу, «имея сходные характеры и душевное настроение, жили между собою душа в душу» [2. С. 2].

Многолюдье стало тяготить. Постепенно желание молитвенного уединения стало непреодолимым. С разрешения начальства, Татьяна отправилась на родину, повидаться с родными. Но цель поездки была другая, «попросить дозволения у местных жителей поселиться на жительство в необитаемой местности». И такое разрешение было получено, жители близлежащих деревень Макаренки, Ездоки, Волгичи, Тиуновщина, Лопата выделили 3 десятины земли в дар [2. С. 10].

Как повествует один источник, матушка Евпраксия усердным послушницам и хорошим певчим, «со скорбью и грустью на душе дала просимое благословение» на уединенное житие [2. С. 4].

Другой источник – рапорт настоятельницы от 10 июня 1910 г., (той же Евпраксии), найденный в

недрах архивных документов Вятской духовной консистории, сообщает, что «означенные Видякина и Савиных самовольно ушли из монастыря», одна 10 марта, другая 18 апреля 1908 г.» [8. Л. 1503–1504].

Так, или иначе, 27 апреля 1908 г. начался в их жизни, новый жизненный этап. Они пришли на выделенное им место, на берегу Лопатинского озера, огляделись, поместили на одном из деревьев икону Спасителя, и начали обживать новое место. Жители настолько прониклись их благочестивым замыслом освятить Божественной любовью и чистотой молитвы эти глухие места, что не только приютили их на первое время, но и помогали, кто, чем может.

Началось строительство первого двухэтажного дома, который был освящен на жительство уже 2 июня 1908 г. В тот же день Екатерина и Татьяна переселились в него. Тут же к ним присоединились 3 девицы. Вскоре их было уже 12. Благоустройство обители: очищение местности от леса, укрепление берегов, строительство домов, хозяйственных построек, все это осуществлялось не только, с помощью Божьей, сестрами, но и трудами местных жителей. В отдельные дни бесплатно работали до 100 человек [2. С. 7].

С самого начала сестры Ново-Афонской Всехсвятской женской общины жили по монастырским правилам [8. С. 1503 об.]. Представляете, как они хотели назвать свою обитель! Из сестер был составлен хороший хор певчих, который в праздничные и воскресные дни пел во время Богослужения в Троицком храме с. Пищалье, вплоть до освящения своего обительского храма [2. С. 6–7].

В начале 1910 г., епископ Вятский и Слободской Филарет (Никольский), объезжая церкви в Вятском, Ор-

ловском и Котельничском уездах, посетил создающуюся обитель [9. С. 148]. Посоветовал, для ускорения возможности создания монастыря, открыть приют для девочек-сирот [2. С. 7].

Удивителен тот факт, что довольно быстро было организовано «Посадское» благотворительное общество, с числом членов 105, главным образом, крестьян Посадской волости. Размах их стремления помогать не только детям-сиротам, но и всем обездоленным и нуждающимся, без учета возраста, пола, звания, состояния и вероисповедания [10. С. 3–3 об.]. Вятское губернское по делам об обществах присутствие не оценило благородного порыва, «в учреждении... отказать», далее были указаны все недочеты в оформлении [10. С. 19].

Были учтены все замечания и «Танинское благотворительное общество во имя Святителя и Чудотворца Николая» вскоре было учреждено. В августе 1911 г. были поданы документы [11. С. 32], а 10 февраля 1912 г. уже был открыт приют «для призрения девочек-сирот». В обители 37 сестер и 7 сирот [11. С. 30–30 об.].

Е. И. Видякина – председатель Благотворительного общества и начальница приюта начала хлопотать о строительстве обительского храма. Проект храма во имя святителя и чудотворца Николая, генеральный план, акт осмотра места и грунта был составлен главным вятским архитектором И. А. Чарушиным и 30 сентября 1912 г. утвержден в строительном отделении Вятского губернского правления [12. С. 1–3].

9 мая 1913 г. – закладка «вновь устрояемого храма в местечке Танино. Первый камень положен о. Благочинным и основательницей сего места Екатериной Ивановной» [13. С. 696].

8 мая 1914 г. – Е. И. Видякина в ответ на прошение получает от Вятской епархии удостоверение, признающее «желательным открытие в сем местечке общины» [14. Л. 652 об. – 653].

7 сентября 1914 г. состоялось освящение храма [15. С. 1302–1304]. А ровно через два месяца в обители поселился заштатный священник с. Пищалье о. Андрей Верещагин. В 1916 г. священником был о. Евгений Тихоницкий, в 1918 г. – о. Владимир Романов, в 1922 г. – Валаамский иеромонах Афанасий Чурин. В обители велись службы по монастырскому уставу.

24 августа (6 сентября по н. ст.) 1915 г. принят Указ Святейшим Синодом № 11692 «Об открытии Покровско-Богородицкой женской общины с таким числом сестер, какое община в состоянии будет содержать на собственные средства» [16. Л. 71]. Начальницей Покровско-Богородицкой общины единогласно избрана Е. И. Видякина, вскоре состоялось ее пострижение, с именем Елисавета [17. Л. 30].

Людская молва о новой обители расходилась быстро. На праздничные дни собиралось много людей различных сословий, порой более 200 человек. [2. С. 12]. В эти годы жизнь в обители в трудах и молитвах была относительно сытой и спокойной.

Из отчета благочинного в июле 1916 года известно, что в общине 99 сестер из них 27 указных послушниц, а приют с 35 сиротами, под патронатом Романовского комитета [17. Л. 490 об. – 491]. Обитель благоустроена: храм с большим монашеским общежитием, где размещались и дети, 8 двухэтажных домов, скотный двор, амбар, баня, кузница, мастерские, пасека, огороды, достаточно сенокосной и пахотной земли, кирпич-

ный заводик. Все, как и положено в молодом монастыре с взглядом и планами на будущее. Но, увы... .

Из доклада Начальницы Его Преосвященству епископу Николаю о бедственном положении сестер: «В первых числах января 1919 г. в общину занеслись большевики и коммунисты. Заняли все общинские строения, отобрали весь скот, отняли хлеб, и все хозяйственные запасы, а сестер выгнали из помещений... Все мы 15 сестер, живем в домовом храме. Средства к жизни получаем от поденных работ, огородных, полевых, башмачных, а также добровольных приношений» [18. Л. 37–37 об.].

В июне 1919 г. произошел первый арест монахини Елисаветы как неблагонадежной по политическим мотивам [19. Л. 53].

В феврале 1921 г. сестры подали прошение о награждении Начальницы Инокнии Елисаветы золотым наперсным крестом. Епископ Виктор Островидов, будучи викарием Вятским, являлся непосредственным начальником и над церквами, священнослужителями и оставшимися монастырями. Он наложил краткую резолюцию – «Представить» [20. Л. 19].

В отличие от многих других монастырей, закрытых практически сразу после революции, уже в 1918 г., Покровско-Богородицкой обители удалось продержаться до 10 сентября 1924 г. Решение президиума Вятского губисполкома зафиксировано в протоколе № 77 § 1518: «Покровско-Николаевскую общину и монастырь закрыть. Церковь ликвидировать» [21. Л. 2].

Богатейший информационный материал в документах Посадского волостного исполнительного комитета 1920-х – 1930-х гг. о том, как распорядились власти национализированным обительским имуществом.

Наступил новый этап в жизни монахини Елизаветы. Начался этап странствия по Вятской земле с города Котельнича. Сначала в Иоанно-Предтеченской, затем в Никольской церкви она служила певчей. Сколько было этих служений в Вятском, Вожгальском, Куменском, Котельничском, Кикнурском, Тужинском, Арбажском, Яранском, Шарангском районах Кировской области!

Изучение судебных дел 1933–1936 гг. позволило раскрыть не только маршрут передвижения монахини Елизаветы, но, главное, силу духа, мужество и смирение с каким она переживала все трудности и страдания за Веру. В справках на подлежащего к аресту, как правило, одна стандартная по тем временам формулировка: «реакционный фанатик», ведет контрреволюционную пропаганду против мероприятий Советской власти и ВКП(б). Привлечь в качестве обвиняемой по ст. 58 п. 10, 11 УК РСФСР» [22. С. 2].

В декабре 1936 года была арестована в седьмой раз. Во время допросов монахиня Елизавета на вопросы следователей отвечала так: «Я, Видякина, принадлежу к «Истинно-православной церкви». [22. Л. 9], «исполняю долг монахини молиться Богу», «на колхозный строй и колхозников я смотрю безразлично, меня это не касается. Как живут, так и живите. Это не наше дело. Жаль церквей» [22. Л. 9 об.]. Когда допрашивали о конкретных людях и событиях уклончиво отвечала: «Не знаю, не помню, не видела». Такие ответы не позволили следователям найти в монахине Елисавете источник компрометирующей информации.

На вопрос: «Ваше отношение к мероприятиям Сов. власти и ВКП(б)», ответила: «Я монахиня, отреклась от мира и не наше дело вмешиваться в политические дела. Я вне политики» [22. Л. 11]. «Я истинно православная

христианка, последовательница епископа Нектария и готова умереть за Веру» [22. Л. 14].

В судебном деле 1937 г. удивило не то, что «виновность по ст. 58 ч. 2 п. 10 УК не доказана», и монахиня была освобождена, а резолюция начальника 4 УГБ УНКВД младшего лейтенанта с неразборчивой подписью: «С прекращением дела согласен: свидетельскими показаниями виновность Видякиной не подтверждена, возраст ее 67 лет, имеет 7 приводов, нужно отправить в дом престарелых» [22. Л. 29]. От этой резолюции повеяло каким-то человеческим теплом и участием.

Семилетний отрезок из жизни матушки Елисаветы, между освобождением 3 февраля 1937 г. и до последнего ареста 11 ноября 1944 г., можно изучить только по судебно-следственному делу. А это «не представляется возможным до истечения 75-ти лет с момента создания документа, который истекает 15 марта 2020 г.», о чем свидетельствует архивная справка Государственного архива социально-политической истории от 26.09.2014. № 123/259п.

15 марта 1945 г. матушка Елисавета была осуждена по ст. 58 п. 10 ч. 2 и п. 11 УК РСФСР на 10 лет с последующим поражением в правах и полной конфискацией имущества (по Справке ГАСПИ КО). Монахине Елисавете было в то время было 74 года. Реабилитирована 19 апреля 1990 г. [23. С. 53].

Документов, подтверждающих, что Покровско-Богородицкая женская община получила статус монастыря официально, пока не найдено. Тем не менее, практически во всех советских документах, судебных делах, свидетельских показаниях и, тем более, в народной памяти жителей Оричевского района, Покровско-

Богородицкий монастырь был, и монахиня Елизавета – игуменья. Дарственная на фото Святителя Виктора (Островидова): «На молитвенную память Пречестнейшей Игумении м. Елизавете. Виктор, Епископ Ижевский и Вотский». 8/III 1928 г., учитывая его исключительную честность, это еще одна загадка или окончательный ответ?

Что же было главным в жизни монахини Елизаветы? Послушнический опыт в Яранском монастыре, создание обители Покровско-Богородицкого монастыря или вся последующая жизнь, наполненная трудами и смиренным служением Богу, вопреки всем испытаниям, преследованиям, голоду, тюремным заключениям, скитальчеству...? [24. Л. 97].

Испытание Веры монахиня Елизавета прошла достойно на всех этапах до последнего вздоха... или выстрела в затылок!

Где в последний раз молилась монахиня Елизавета? Где завершился ее благочестивый путь земной? Когда с легким сердцем предстала пред светлыми очами Господа? Где покоится ее тело? Поиски продолжаются. Верю в то, что к 150-летию со дня ее рождения, ответы на эти вопросы, с Божьей помощью, найду.

Источники

1. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 237. Оп. 227. Д. 1774.
2. Как основалась Покровско-Богородицкая женская Община в местечке Танино, Орловского уезда, Вятской Губернии. Вятка. Типография А. А. Сильвинского. 1915.
3. ЦГАКО. Ф. 24. Оп. 10 а. Д. 63.
4. ЦГАКО. Фонд 237. Оп. 1. Д. 243.
5. Звенигородский, В. В. О Православных монастырях в Российской Империи. Т. 1. СПб. 1890.

6. ЦГАКО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1.
7. ЦГАКО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 31 а.
8. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 267.
9. Вятский Епархиальный Вестник. 1910. № 5 (отд. неофициальный).
10. ЦГАКО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 145.
11. ЦГАКО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 150.
12. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 535. Д. 291.
13. Вятский епархиальный Вестник. 1913. № 22.
14. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 275.
15. Вятский Епархиальный Вестник. 1914. № 41.
16. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 278.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1252.
18. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 72. Д. 499.
19. ЦГАКО. Ф. Р-875. Оп. 4. Д. 1.
20. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 1231.
21. ЦГАКО. Ф. Р-1258. Оп. 1. Д. 9.
22. ЦГАКО. Ф. Р-6799. Оп. 1. Д. СУ-34. Т. 1.
23. ЦГАКО. Ф. Р-6799. Оп. 1. Д. СУ-1352. Т. 1.
24. Книга Памяти жертв политических репрессий. Киров. 2001. Т. 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильева Людмила Игоревна, главный архивист Государственного архива современной истории Чувашской Республики (г. Чебоксары)

Волкова Люция Аполлосовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая отделом истории Глазовского краеведческого музея (г. Глазов)

Гусарова Анастасия Юрьевна, ведущий архивист Государственного исторического архива Чувашской Республики» (г. Чебоксары)

Жаравин Владимир Сергеевич, ведущий архивист отдела использования архивных документов КПСС и общественных организаций Центрального государственного архива Кировской области (г. Киров)

Загайнова Елена Николаевна, главный хранитель музейных предметов Музейно-выставочного центра г. Кирово-Чепецка Кировской области

Карташов Андрей Владимирович, кандидат философских наук, главный археограф Центрального государственного архива Республики Мордовия (г. Саранск)

Колотов Аркадий Викторович, главный архивист отдела использования документов государственных органов Центрального государственного архива Кировской области (г. Киров)

Корепанов Александр Сергеевич, ведущий специалист отдела использования архивных документов государственных органов Центрального государственного архива Кировской области (г. Киров)

Коробейникова Светлана Михайловна, начальник отдела комплектования Управления по делам архивов Администрации города Саранска (г. Саранск)

Косицына Алла Петровна, директор Сызранского филиала Центрального государственного архива Самарской области (г. Сызрань)

Кочин Глеб Александрович, научный сотрудник отдела истории Глазовского краеведческого музея (г. Глазов)

Курочкин Михаил Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры компьютерных технологий Удмуртского государственного университета, член правления Удмуртского регионального отделения Союза архитекторов России (г. Ижевск)

Малышева Татьяна Васильевна, методист филиала Вятского художественного музея Дома-музея художника Н. Н. Хохрякова (г. Киров)

Мясоедов Евгений Сергеевич, ведущий архивист отдела использования и публикации документов Государственного архива Пензенской области (г. Пенза)

Орлов Максим Александрович, учитель Автономной некоммерческой общеобразовательной организации «Петербургский лицей» (г. Киров)

Попцова Любовь Геннадьевна, ведущий архивист отдела использования архивных документов КПСС и общественных организаций Центрального государственного архива Кировской области (г. Киров)

Протасов Александр Димитриевич, председатель правления межрегиональной общественной организации Дискуссионный Клуб «Открытая история» (г. Тюмень)

Рыжкова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории искусств и художественно-педагогического моделирования Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)

Садаков Денис Андреевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Кировского областного краеведческого музея (г. Киров)

Судовиков Михаил Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена, профессор Вятского государственного университета (г. Киров)

Тошевикова Наталья Владимировна, начальник Управления по делам архивов Администрации города Сарапула (г. Сарапул)

Фокина Ольга Леонидовна, педагог дополнительного образования Центра детского и юношеского туризма и экскурсий (г. Киров)

Фоминих Алексей Александрович, режиссер Государственной Телевизионной и Радиовещательной Компании «Вятка» (г. Киров)

Чемоданов Павел Андреевич, кандидат исторических наук начальник отдела использования архивных документов КПСС и общественных организаций Центрального государственного архива Кировской области (г. Киров)

Шайко Светлана Антоновна, главный специалист по архивному делу Архивного сектора управления делами администрации Тужинского района (пгт Тужа Кировской области)

Шарабаров Павел Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки имени А. И. Герцена, заведующий сектором Кировского областного краеведческого музея (г. Киров)

Шевелева Надежда Викторовна, заместитель директора Кировского экономико-правового лицея, краевед-исследователь (г. Киров)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Васильева Л. И.</i> Тимуровское движение в Чувашии по документам архивных фондов Государственного архива современной истории Чувашской Республики.....	3
<i>Волкова Л. А.</i> Информационный потенциал архивных источников в изучении этнической истории бесермян	9
<i>Гусарова А. Ю.</i> Театральная жизнь дореволюционной Чувашии: гастробирующие труппы.....	15
<i>Дерюшев А. Б.</i> Из опыта подготовки к изданию сборника документов и материалов «1917 год в истории Удмуртии» (Ижевск, 2017)	21
<i>Жаравин В. С.</i> Павел Николаевич Луппов – первый руководитель государственной архивной службы в Вятской губернии	25
<i>Загайнова Е. Н.</i> Волонтерские проекты музея города Кирово-Чепецка, связанные с изучением семейных архивов.....	35
<i>Карташов А. В.</i> История повседневности по документам личного фонда мордовского поэта Дмитрия Ивановича Морского	43
<i>Колотов А. В.</i> Из истории деятельности архива Вятской губернской земской управы.....	50
<i>Корепанов А. С.</i> Эпизоды истории яранского уездного земства в документах Центрального государственного архива Кировской области	58

<i>Коробейникова С. М., Тоцевикова Н. В.</i> Популяризация архивных документов и патриотическое воспитание молодежи на примере Управления по делам архивов Администрации города Сарапула ...	66
<i>Косицына А. П.</i> Деятельность Американской Администрации Помощи (АРА) в борьбе с голодом в Сызранском уезде в 1921–1923 гг. (по документам Сызранского филиала Государственного бюджетного учреждения Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области»)	77
<i>Кочин Г. А.</i> О месте рождения О. Л. Книппер-Чеховой. Поиск глазовских корней актрисы	87
<i>Курочкин М. В., Рыжкова Н. В.</i> Источники Государственного архива Кировской области в научных исследованиях по истории архитектуры Удмуртии конца XVIII – начала XX в.	93
<i>Мальшева Т. В.</i> Архивные документы о художнике Князеве	99
<i>Мясоедов Е. С.</i> Пензенский областной архив и журнал «Пензенское краеведение»	105
<i>Орлов М. А.</i> Фонд духовной консистории по истории вятского миссионерства	110
<i>Попцова Л. Г.</i> Документы Центрального государственного архива Кировской области о строительстве здания Кировского драматического театра (1925–1939 гг.)	121

<i>Протасов А. Д.</i> О перспективах поиска документальных свидетельств реформы социального страхования 1912 г. в фондах Центрального государственного архива Кировской области	131
<i>Садаков Д. А., Шарабаров П. Н.</i> Архивные документы как один из источников формирования музейной экспозиции (из опыта создания Музея истории предварительного следствия Вятского края)	138
<i>Судовиков М. С.</i> У истоков развития исторической науки и архивного дела в региональном пространстве	147
<i>Фокина О. Л.</i> Учебно-исследовательская деятельность учащихся очно-заочной краеведческой школы как одно из направлений развития региональной генеалогии Кировской области	154
<i>Фоминых А. А.</i> Опыт совместной работы над историческими телевизионными передачами сотрудников архива и сотрудников телевидения	162
<i>Чемоданов П. А.</i> Абрам Столяр – первый руководитель Кировской области.....	176
<i>Шайко С. А.</i> Деятельность Архивного сектора управления администрации Тужинского района по сохранению и использованию архивных документов	186
<i>Шевелева Н. В.</i> Испытание веры на земном пути монахини Елисаветы (Видякиной)	192
Сведения об авторах	202

Научное издание

**Роль архивов в популяризации
исторического наследия России и Вятского края,
формировании общенационального
единства, гражданственности и патриотизма**

Сборник докладов
Межрегиональной научно-практической конференции
(Киров, 12 декабря 2018 г.)

Составитель Пакина Елена Игоревна

Подписано в печать 30.11.2018 г. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Усл. п. л. 12, 54
Заказ 941. Тираж 35 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Лобань»
610000, г. Киров, ул. Московская, 52

Тел./факс: (8332) 22-20-86. E-mail: ooovesy@yandex.ru